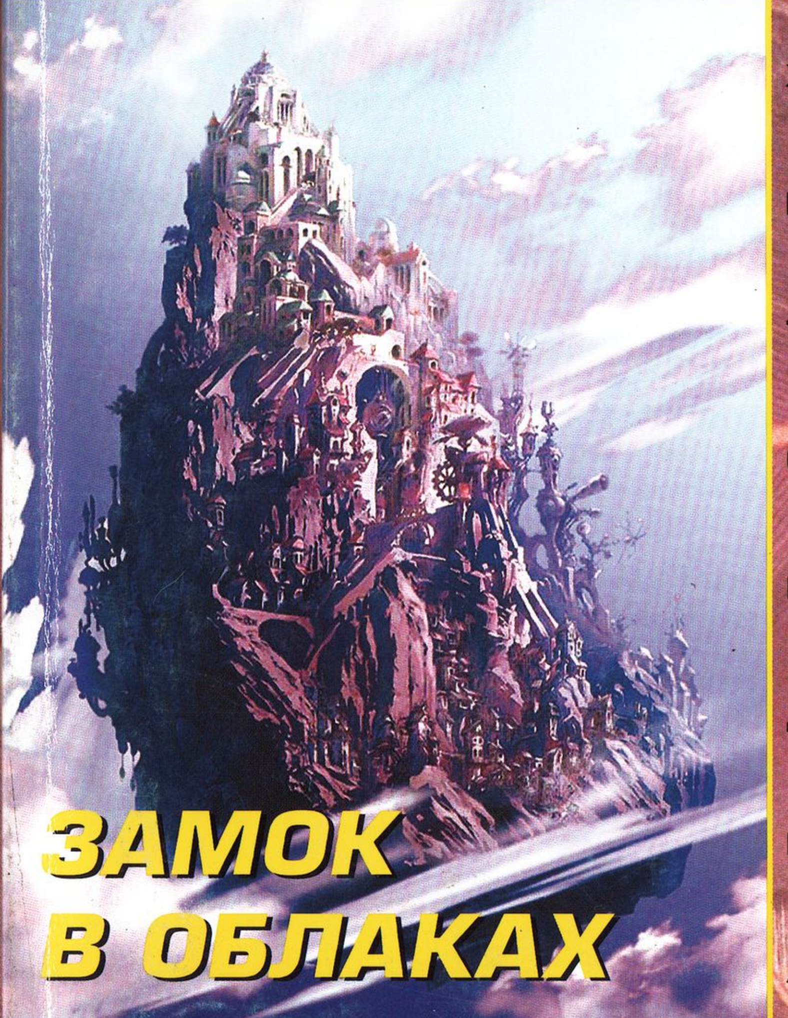
ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ #10-11 '02



ХАЕЦКАЯ

ПАРК

ТЮРИН

ОВЧИННИКОВ

ГАНН

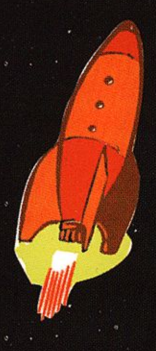
ДРОЗД

ПЕРУМОВ

АРБИТМАН

ЗАМОК В ОБЛАКАХ

ТОЛКИН - ДОБРЫЙ ХРИСТИАНИН?



Относительно недавно, в одной всем известно[й] Галактике, на планете Земля, в городе Москва, был основан журнал фантастики «Звездная дорога». И печатал журнал рассказы и повести, интервью и рецензии – словом, все-все-все про фантастику. И поняли земляне, что это хорошо. И решили подписаться на «Звездную дорогу». Не все, правда, но самые любопытные и расчетливые. Прикинули они, что только подписка гарантирует своевременное получение замечательного журнала, а для того, кто вдали от столиц обретается, и вовсе другого выхода не нашлось. И пошли они на почту, и нашли там два каталога. Один назывался «Роспечать», и «Звездная дорога» значилась в нем под индексом 81935. Другой носил имя Объединенного каталога (зеленого цвета), и «Звездная дорога» стояла в нем под индексом 38429. Один каталог обещал почтовую доставку обычным порядком, другой – прямой рассылкой из редакции. Цены в каждом регионе были разные, и земляне смекнули, что могут выбрать самый выгодный для них вариант. И подписались они на журнал. И стали его читать. И вскоре поняли, что теперь Сила – на их стороне.

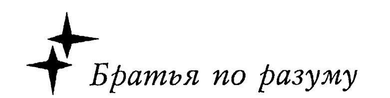
А что же вы? Подпишитесь на журнал.

И да пребудет с вами Сила!

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

журнал фантастики # 10–11 '02

Содержание



Братья по разуму

Главный редактор *Александр Ройфе*
Редактор *Василий Мельник*
Издатель *Игорь Огай*

Над номером работали: Сергей Кабанов, Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича), а также фотоматериалы с сайта «Русская фантастика». **На обложке** – работа С.Мартеньера «Лапуту».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **E-mail:** zvezdoroga@yahoo.com, starroad@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/starroad.

Подписано в печать 16.10.2002. Формат 60x88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 3675.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

Комиссия по контактам



Уважаемые читатели! Позвольте прежде всего объясниться с вами по поводу сдвоенной цифры на обложке (10-11). Журнал своей периодичности не меняет, мы уже вышли на ежемесячный график и не намерены от него отказываться. Однако наши распространители настоятельно попросили нас скорректировать нумерацию для того, чтобы работать с очередным номером уже в начале месяца... А теперь к вашим посланиям. Из материалов 7-8-го номера больше всего откликов вызвала статья Романа Арбитмана «Красиво уйти». Вот что, в частности, написал нам Владимир Бычинский из Киева:

Читаю в «Звездной дороге» повесть Владимира Васильева (Вохи). Читаю и душой теплею. Воха – романтик. У него редкий дар – интонационная точность. «От этой песни всегда оставалось такое чувство, будто чего-то не доделал, не успел в жизни. Ведь есть же где-то моря и острова, и кто-то смотрит на них, а над головой у него трепещут паруса».

Ладно, листаем журнал дальше. И натыкаемся на суждение... на судилище Романа Арбитмана, где-то кровушки недопившего. Статья называется «Красиво уйти». Стивен Кинг покидает жанр, и этот печальный факт, по мысли критика, достаточно весом, чтобы заодно очистить нашу фантастику от фантастов. А начнем, конечно, с Вохи, которому «относительная молодость не помешала раз и навсегда похоронить российский киберпанк». Ай да Васильев! А с виду такой гуманный!..

Воха! Покайся и садись за продолжение «Темной башни»! Успокой критиков... Но хватит изгаляться. Это всего лишь одиночный пример, однако за ним тенденция: вместо того, чтобы обсуждать книги и указывать на недостатки, критики зачастую плюются ядом...

Для полноты картины процитируем одно из высказываний на интернет-форуме «Старый Нуль-Т»: «Так вот, Арбитман — голова. Ему запросто можно простить банальщину про Поттера из прошлого номера. В этом всем сестрам досталось по сережкам. Очень зло и точно». Что ж, сколько людей, столько и мнений. Главное — чтобы у всех была возможность высказать свои взгляды. С точки зрения «ЗД», монополии на истину нет ни у кого.

«Басткон» ждет гостей!



Третья литературно-практическая конференция ЛФГ «Бастион» пройдет с 24 по 26 января 2003 года в подмосковном доме отдыха.

В программе конференции:

– литературные семинары, обсуждение рукописей начинающих авторов;
– школа переводческого мастерства;
– доклады и сообщения;
– встречи с издателями и писателями;
– дискуссии;
– голосование и вручение литературных призов и дипломов.

Участие в литературно-практической конференции обойдется вам:

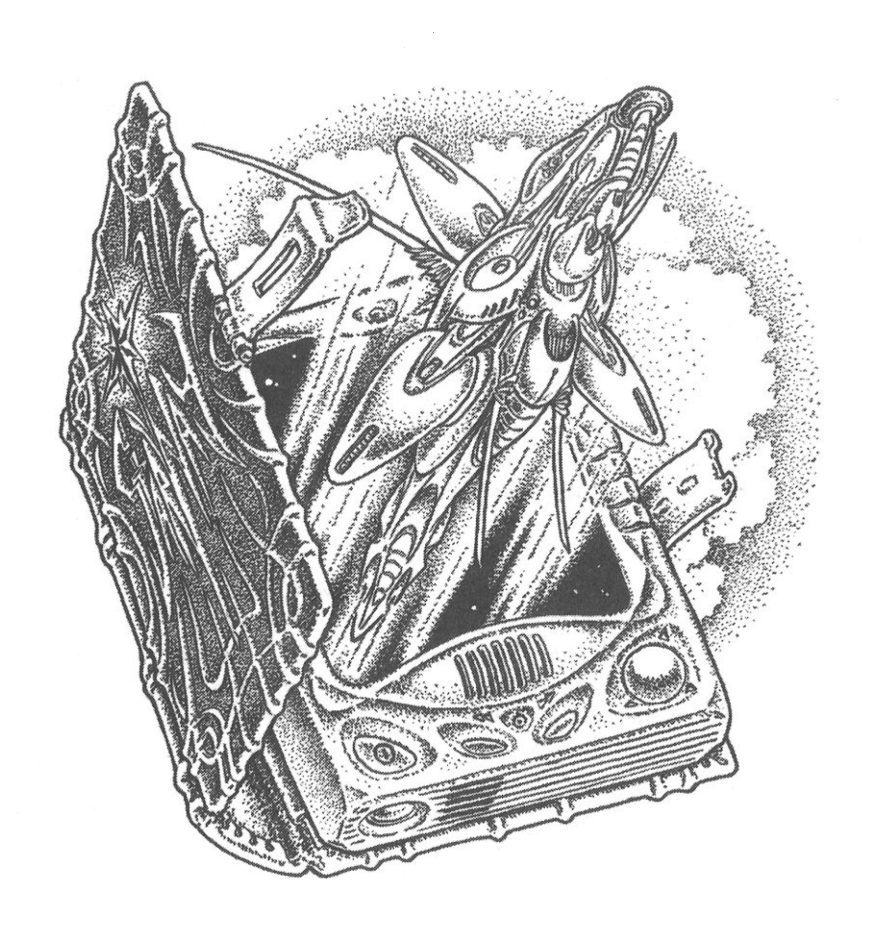
– за проживание в 2-местном номере – 50 у. е.
– за проживание в номере «люкс» – 90 у. е.
– за одиночное проживание в 2-местном номере – 75 у. е.

В эту сумму входит проезд из Москвы в дом отдыха и обратно, проживание, трехразовое питание и банкет.

Указанная стоимость действительна до 25 декабря 2002 года.

Справки по телефонам:
(095) 931-19-89 (Дмитрий Володихин),
(095) 190-52-65 (Сергей Алексеев).

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ





12–15/IX Состоялся фестиваль «Звездный мост»

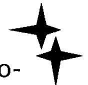
Харьков. Очередной фестиваль «Звездный мост» по традиции прошел на базе местного Университета им. Каразина. Это обеспечило высокий уровень семинаров, в которых приняли участие не только гости фестиваля, но и представители вузов города. На секции «Наука – фантастике» обсуждали, управляют ли вирусы эволюцией и началась ли история Вселенной с акта творения. На секции философии говорили о феномене мистики и о том, насколько опасным может быть контакт с «братьями по разуму». На секции «Фантастика и просветительская традиция на рубеже тысячелетий» звучали доклады «Творчество Толкина как феномен европейской культуры», «Специфика НФ-дискурса в рассказах Азимова», «Особенности повествовательной манеры Асприна»...

Впрочем, серьезный подход к несерьезному жанру для «Звездного моста» привычен (недаром полное название форума – «фестиваль фантастики и популяризации науки»). Зато в нынешнем году впервые были организованы встречи писателей-фантастов с читателями «на местах». Василий Головачев посетил литсекцию Харьковского метрополитена и Академию госуправления, Сергей Дяченко – Университет внутренних дел, Роман Злотников – Автотранспортный техникум, Александр Бачило и Александр Мазин – Академию технологии и организации питания. Владимир Васильев и Юлий Буркин побывали в городе Чугуеве, а бывший сотрудник милиции Юрий Брайдер – в Куряжской колонии для несовершеннолетних.

Из новинок фестивальной программы запомнился диспут «“Девяностики” и “молодая шпана”: кто кого?!» и игра «Что, где, когда?», посвященная фантастике. А самой трогательной наградой фестиваля стали медовые соты, врученные оргкомитетом Громовице Бердник для передачи ее отцу, киевскому писателю Олесю Павловичу Бердніку, автору книг «Пути титанов», «Чаша Амриты», «Кто ты?». На «Звездном мосту-2002» Олесю Берднику присудили специальную премию «за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой», но получить ее лично писатель не смог по состоянию здоровья...

Остальных премий удостоены:

в номинации «Циклы, сериалы, романы с продолжениями» – Владимир Васильев за роман «Наследие Исполинов» (первое место), Федор Березин за романы «Встречный катаклизм» и «Параллельный катаклизм» (второе место), Хольм ван Зайчик за романы «Дело лис-оборотней» и «Дело победившей обезьяны» (третье место);



в номинации «Крупная форма» – Марина и Сергей Дяченко за роман «Долина Совести» (первое место), Александр Громов за роман «Крылья черепахи» (второе место), Сергей Лукьяненко за роман «Танцы на снегу» (третье место);

в номинации «Дебютные книги» – Леонид Каганов за сборник «Коммутация» (первое место), Дмитрий Казаков за роман «Я, маг» (второе место), Геннадий Карпов за роман «Выявление паразмата» (третье место);

в номинации «Портрет Дориана Грея» – харьковский художник Владимир Бондарь;

в номинации «Критика, публицистика и литературоведение» – Дмитрий Володихин за работы последних лет (первое место), Евгений Харитонов за справочник «Наука о фантастическом» (второе место), Андрей Шмалько за работы последних лет (третье место).

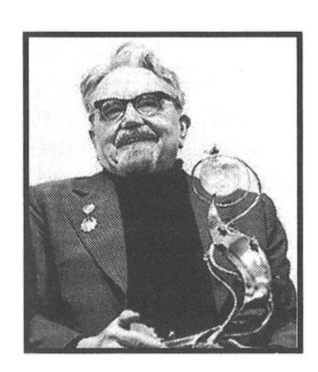
Премию «Чаша Клио» за лучшее произведение в жанре исторической фантастики присудили Ольге Елисеевой за роман «Сокол на запястье».

Премию «Меч без имени» от издательства «Альфа-книга» вручили Алексею Пехову за книгу «Крадущийся в тени».

А приз читательских симпатий достался Нику Перумову, который приехал в Харьков после визита на Московскую международную книжную ярмарку ***(«ЗД-информ»)***.

13/IX Умер Александр Казанцев

Москва. На 97-м году жизни скончался патриарх российской фантастики Александр Казанцев. Он родился в Акмолинске, окончил Томский политехнический институт, работал инженером-механиком, занимался изобретательством. В фантастике дебютировал в 1936 году, заняв первое место на конкурсе сценариев с кинопьесой «Аренида» (написана в соавторстве с И.Шапиро, позднее переработана в роман «Пылающий остров»).



Романы А.Казанцева («Арктический мост», «Льды возвращаются», «Фаэты», «Купол Надежды») всегда идеально соответствовали «линии партии». Когда это требовалось, он писал фантастику «ближнего прицела»; когда стало можно, сочинял коммунистические утопии («Донкихоты Вселенной», «Спустя тысячелетие»). Неизменными оставались образы отрицательных персонажей – агентов американского империализма и приспешников мирового капитала.



Книги Александра Петровича превозносились до небес одними и высмеивались другими, однако влияние, оказанное писателем на отечественную НФ, отрицать нельзя. Только теперь, после его смерти, можно говорить о том, что советская фантастика стала достоянием прошлого ***(«ЗД-информ»)***.

21/IX Вручены Британские премии фэнтези

Лондон. На Британском конвенте фэнтези были вручены традиционные премии. Учитывая особую роль писателей-англичан в становлении и развитии данного жанра, имена обладателей этой награды традиционно вызывают большой интерес литературной общественности. В нынешнем году триумфатором стал Саймон Кларк, получивший премии за роман («Ночь трифидов» – вольное продолжение классического произведения Джона Уиндема) и за рассказ («Огни города гоблинов»). Прочие призы достались писателю Полу Финчу (за сборник рассказов «Дрожь земли»), редактору Стивену Джонсу (за антологию «Громадная книга лучших новых ужастиков», том 12), издательству «PS Publishing» и художнику Джиму Бернсу ***(«ЗД-информ»)***.

26/IX Маргарет Свитмен дали «Солнце с лучиками»

Виннипег. В рамках Виннипегского международного фестиваля писателей прошла церемония награждения премией «Санберст» (sunburst – это ювелирная награда в виде солнца с лучиками). Эту премию, которая состоит из памятной медали и 1000 канадских долларов, вручают за лучший фантастический роман, написанный в Канаде. В 2002 году награда досталась Маргарет Свитмен, сочинившей произведение под названием «Когда Алиса возлегла с Питером» («When Alice Lay Down with Peter»). Правда, это больше исторический, чем фантастический роман: его персонажи в 60-х годах позапрошлого века борются с канадской аннексией провинции Манитоба. Хотя их и преследует призрак казненного политического противника... В то же время успех этого романа может быть сопоставлен с увеличением интереса к подобной исторической фантастике, которое наблюдается сегодня в России. Ведь такие авторы, как Елена Хаецкая или Ольга Елисеева, в

принципе работают в той же парадигме, что и Маргарет Свитмен *(«ЗД-информ»)*.

27–29/IX Прошел VII Конгресс фантастов России «Странник»

Санкт-Петербург. В Конгрессе фантастов России «Странник-2002» приняли участие ведущие авторы, издатели, критики, работающие в этом жанре (среди них – Б.Стругацкий, В.Михайлов, В.Рыбаков, С.Лукьяненко, М.Успенский, А.Лазарчук, А.Громов...). В нынешнем году программа Конгресса была ограничена чисто «литературными» мероприятиями (раздача автографов в магазинах, выставка художников-иллюстраторов, вручение премии «Странник»), зато непосредственно перед ним состоялся двухдневный Форум будущего, на котором ученые и представители власти обсуждали перспективы административных систем управления.

На самом же «Страннике» все было в лучших традициях, сложившихся за последние годы. В первый день на Манежной площади города состоялась публичная акция под названием «Я памятник себе...». Фантасты взбирались на специально подготовленный постамент, а ведущий достаточно иронично рассказывал о них. Впрочем, отнюдь не все гости «Странника» смогли преодолеть врожденную скромность...



На второй день в фойе киноцентра «Родина» открылась выставка иллюстраторов фантастики – знаменитого испанца Луиса Ройо и наших Яны Ашмариной и Андрея Карапетяна. Ройо присутствовал на открытии лично, раздавал автографы, отвечал на вопросы и даже на глазах у публики нарисовал купающуюся девушку. Затем художники переместились на Невский проспект, в интернет-клуб «Quo vadis?», где прошла дискуссия о судьбах комикса (Ройо много работал в упомянутом жанре).



А вечером в парадной зале Дома композиторов в очередной раз вручили премию «Странник». Лучшим издательством жюри премии назвало издательство «АСТ», лучшим художником – Александра Кудрявцева, лучшим редактором – Александра Шалганова (журнал «Если»), лучшим критиком – Кирилла Еськова (за статью «Наш ответ Фукуяме»). В номинации «Перевод» награда досталась Дмитрию Коваленину (перевод романа Х.Мураками «Dance, dance, dance...»), в номинации «Рассказ» – Алану Кубатиеву («Вы летите как хотите!..»), в номинации «Повесть» – Андрею Саломатову («В будущем году я стану лучше»), в номинации «Роман» – Олегу Дивову («Саботажник»). ***(На снимке – лауреаты на сцене, слева направо: Дивов, Кубатиев, Коваленин, Еськов, Саломатов.)*** Почетный титул «Мастера издалека» присвоен Луису Ройо, а «Легендой фантастического кинематографа» объявлен Георгий Данелия, постановщик культовой картины «Кин-дза-дза» ***(«ЗД-информ»)***.

10–13/Х В Николаеве чествовали Олеся Бердника

Николаев (Украина). Российский десант во главе с писателями А.Громовым и хорошо знающим местность В.Васильевым был сброшен на 33-й Центр боевой подготовки ВВС Украины. На территории этой воинской части проходил I Международный фестиваль фантастики «Планета 8141 Nikolaev», приуроченный к юбилейной дате – двадцатилетию с момента открытия малой планеты 8141 Nikolaev.

Гостей фестиваля, в число которых, помимо россиян, входили харьковский дуэт Г.Л.Олди, киевлянин С.Дяченко, местные писатели С.Вольнов, Г.Молчанов, принял мэр Николаева В.Чайка. В рамках форума состоялись встречи читателей с фантастами в Центральных городской и детской библиотеках, научная конференция «Бесконечный путь развития», премьеры спектаклей молодых николаевских режиссеров, персональная выставка художницы Л.Николаевой, литературный конкурс для юношества.

На гала-концерте в Русском художественном театре прошла церемония награждения лауреатов в номинациях «Планета в дар», «Пророк в Отечестве», «Рыцарь фантастики», «Восходящая звезда», «КОН». Главная награда фестиваля – гран-при «Планета 8141 Nikolaev» – была присуждена Олесю Берднику ***(см. «Бортовой журнал» от 12 сентября)***. Приз получила его дочь Громовица, сам писатель прибыть на фестиваль не смог ***(Андрей Синицын)***.

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ



Олег Овчинников

«ЭТО СЛУЧИЛОСЬ...»

Олег Овчинников родом из Оренбурга. Но учился в Москве, на факультете вычислительной математики и кибернетики МГУ, каковой и был окончен с красным дипломом. Сегодня Олег живет в столице, работает программистом, воспитывает дочь и сочиняет фантастику — за последние три года у него вышло больше дюжины рассказов. Написан и роман «Обреченный на память», который пока еще не нашел своего издателя... В нашем журнале два года назад печатался рассказ Овчинникова «Цвет жалости о музыке трав», и мы рады, что можем предложить вниманию читателей его новое произведение. Оно выглядит удивительно актуальным на фоне борьбы с экстремизмом, которая ведется сегодня в России. Оказывается, чтобы разрушить самое стабильное общество до основания, хватит и одного часа...

немного ранее

Странно, я совсем не помню себя раньше девяти лет. Ведь было же что-то... Детство. Игрушки. И одна – самая любимая. Это, наверное, был тигренок, желтый, в черную полоску. С глазами-пуговичками и носиком-кнопкой. С очень длинными и очень колючими усами из проволоки. Но не плюшевый, ни в коем случае не плюшевый! У него твердая основа – пластмасса или даже дерево, обтянутое мягкой двуцветной замшей. Его можно взять с собой в постель на ночь, но нельзя положить под голову вместо подушки, как это делают другие дети со своими игрушками. Зато из разорванных швов не выпирает вата или поролон, мой тигренок твердый. Так он кажется *настоящее*. Вот теперь я окончательно вспомнил: это слово я придумал, когда проснулся однажды утром один, без тигренка, и вдруг понял, что его никогда и не было, он присутствовал только в моих снах, и я так безнадежно и громко



заплакал, что прибежала воспитательница и сказала: вот же он, он просто упал под кроватку, – и вытащила тигренка за хвост, а я схватил его, обнял за шею и потом никак не мог отпустить, даже когда позвали на завтрак, но взять тигренка с собой мне не разрешили, и тогда я до крови уколол себе указательный палец о его проволочный ус, чтобы запомнить: *у меня есть тигренок*. На завтрак была манная каша, слишком сладкая. А кровь на пальце была слишком соленая и все капала, капала...

Да, у меня была воспитательница. Воспитатели. Заботливые и опытные. Они следили, чтобы я всегда хорошо ел и во время дневного сна держал руки под одеялом, не то простыну. Они научили меня читать, писать, считать и чему-то еще. Я пока не могу вспомнить, но должно же быть что-то еще...

А по выходным у меня был любящий отец, возможно, даже мать. Конечно! У меня была мать, очень красивая и добрая. И молодая. Когда она приходила, я видел, как черной завистью вспыхивают глаза моих соседей по детству. И мне было приятно. Она берет меня на руки, прижимает к себе, так что мой нос упирается ей в щеку, и говорит: не бойся, ну что ты боишься, разве мама может тебя уронить, мама любит тебя, она никогда тебя не уронит...

У нее короткие черные волосы. Нет, длинные светлые волосы, прямые и мягкие. Так *настоящее*, потому что у меня такие же. Ее локон щекочет мне ухо, когда она шепчет:

– Милый, ну какой же ты милый, сто тридцать одна тысяча четыреста четырнадцатый...

16:00

Так бывает всегда. Лезешь вон из кожи, чтобы прийти в себя, закрываешь глаза ладонями, пытаясь спрятаться от реальности, но реальность находит тебя, звонит по телефону, стучится прикладами в дверь. Приходится открывать.

– Простите, что?

– Сто тридцать одна тысяча четыреста четырнадцатый – это вы?

Они все же нанесли удар первыми. Точнее, пока только попытались нанести, но на их стороне – явное численное преимущество, а на моей... Я еще никогда не пробовал выступать перед большой аудиторией. Жаль.

Четверо снурков. Четверо внушительных размеров громил, к тому же неплохо вооруженных. Вполне достаточно, чтобы арестовать одного человека. Обычного человека.

Тот, кто обратился ко мне с вопросом, – явно старший в этой ко-

манде, судя по двойному шеврону на рукаве. Кроме того, он единственный, у кого нет автомата. Только пистолет в небрежно расстегнутой кобуре.

– Да.

– Вы арестованы.

Как? Что они знают? Чего опасаются? Почему? Неужели я все-таки провалил тесты? Чересчур расслабился, уверовал в собственную непогрешимость и, как результат...

Вопросы умирают за миг до рождения, гаснет возбужденный блеск в глазах. У меня богатейший опыт по усмирению эмоций.

– Могу я узнать, за что? У вас есть ордер?

– Я не так выразился... – Здесь ему надлежало бы кашлянуть в кулак и смущенно опустить глаза, но куда там! – Скорее, задержаны. В профилактических целях.

Нужно выбираться. Любыми средствами. Я слишком долго медлил, обдумывал, решался, взвешивал. Если поставить на чашу весов человека, весы становятся качелями. Смешно.

Время кончилось. Время началось. Кстати, сколько сейчас?

– Вы не подскажете, сколько сейчас?

Взгляд исподлобья, выдох сквозь зубы – в этом что-то есть. Пальцем в десятку?

– 16:04.

– Постойте, но ведь я не могу пропустить...

– Не беспокойтесь, у нас достаточно мониторов.

Сдвоенное моргание. Вот оно! Неужели они боятся, что я... Да нет, это же сумасшествие! Непрямое воздействие, никакой обратной связи... Определенно – сумасшествие, но... Надо будет обдумать.

– Хорошо. Вы не будете против, если я надиктую сообщение своей супруге?

Блеф, причем легко проверяемый. Нужно как-то отвлечь их внимание, но нет времени выдумывать правдоподобную ложь. На мое счастье, ни у кого из снурков тоже не нашлось времени, чтобы пролистать мое досье.

Нет, они не против.

Распечатываю новую кассету, вставляю ее в диктофон, отматываю немного вперед.

Окидываю сентиментальным взглядом свое убогое жилище. Запомни меня, мой дом! Я тоже запомню тебя, но, боюсь, очень скоро забуду. А потом снова вспомню, и так повторится неоднократно, но каждый раз ты будешь разным, не таким, как прежде. Ибо постоянство гнетет меня.



Так что лучше запомни ты меня, пока я такой *одинаковый*.

Поворачиваюсь спиной к незваным гостям, включаю «запись».

– Это случилось... – негромко произношу я.

Делаю секундную паузу, расстегивая пуговицу на левом рукаве рубашки, и начинаю говорить быстро и уверенно...

16:08

Договариваю я уже для самого себя, просто по привычке доводить любое дело до логического абсурда.

Таймер диктофона высвечивает 2 минуты 14 секунд. Неплохой результат, хотя и далековато до рекорда – 1:24.

Впрочем, снурки и должны отличаться хорошей подготовкой. Это им *свойственно*.

Перешагиваю через труп старшего снурка. Мне кажется, он закончил свою жизнь не в самом лучшем расположении духа. Аминь.

Склоняюсь над телом в почти ритуальном поклоне, вынимаю из кобуры пистолет. Он оказывается неожиданно тяжелым, рельефная рукоятка сидит в руке вовсе не так удобно, как я почему-то предполагал. Бросаю пистолет на пол, он скользит по ковру, трогательно утыкается дулом в бок хозяина. Преданность.

Подозреваю, что я все равно никогда не смог бы выстрелить из него в живого человека.

Запечатываю кассету в конверт, надписываю адрес. Двузначное имя адресата – какая роскошь! Недоцелованный конверт падает в ячейку пневмопочты. Лети.

У самого подъезда стоит 1400-я. Такую могут позволить себе только снурки.

Я не люблю рисковать, но разве у меня есть выбор? Отнимите у Буриданова осла возможность выбирать – и он умрет от счастья. Сатира.

Открываю дверцу и небрежно приземляюсь на сиденье рядом с водителем. Он окидывает меня спокойным, скучающим взглядом, возможно, немного презрительным, но не более того. Отлично! Значит, мое фото получили только оперативные сотрудники. Что ж, вполне логично.

Дверца почти беззвучно захлопывается.

– Поехали, – командую я.

– Куда?

– Сначала прямо, до пересечения с 72-й, потом я скажу.

– А ты уверен, что у тебя хватит денег, чтобы расплатиться?

– Мне не понадобятся деньги, – признаюсь я, приковывая себя к сиденью ремнем безопасности. – Вместо этого я расскажу тебе одну ис-

торию. Это случилось шестнадцать лет назад. Мне было тогда двенадцать... Какого черта! Мне было всего лишь двенадцать!..

Губы водителя вздрагивают, он недоверчиво касается их пальцами. Как слепой.

16:13

– И знаешь, что самое обидное?..

Водитель не знал. Думаю, сейчас он едва ли сумел бы вспомнить даже последние шесть цифр своего имени.

Я не стал добивать его. Просто перетащил огромную тушу водителя на пол, за спинку сиденья, чтобы не мешала. А еще – чтобы не видеть в зеркале заднего вида его лицо с застывшим на нем выражением гипертрофированного удовольствия.

Пусть лучше в нем отражаются машины преследователей. Не знаю, сколько их точно, мне пока видно только три.

Смертельно раненым вепрем взвывает первая сирена. Почти одновременно начинает мигать красный огонек вызова на пульте внутренней связи.

Сомнений нет: за меня взялись всерьез. Путеводитель врет: дорога в ад вымощена *серьезными* намерениями. Вот она.

Поворот направо заблокирован двумя намертво сцепившимися бульдозерами. Танго.

Случайная авария или меня целенаправленно пытаются отрезать от центра города? В последнем случае моя гипотеза может оказаться не такой уж сумасшедшей. Посмотрим...

Жаль, что я так и не научился по-человечески водить машину. Пока меня спасает узкая дорога и непрерывный поток встречного транспорта – ни поравняться, ни обогнать. Но что будет после выезда на 37-ю с ее шестью полосами?

И почему они не стреляют?

Резкий удар в затылок. Пунктирная разделительная линия сливается в сплошную. Капля жидкости стекает вниз по ремню безопасности. Слезы? Кровь? Неважно... Соль.

Цепкие толстые пальцы смыкаются на горле, начинают неумело, но очень старательно душить. Зеркальце отражает половину перекошенной яростью физиономии.

Обычный шок, не более того. От него редко умирают.

Дорога бесстыдно виляет влево. Одной рукой продолжаю удерживать руль, выправляя машину, другой пытаюсь разжать чужие пальцы, один за другим. Этот мышонок в норке сидит... Этот мышонок в поле бежит... Этот... мышонок зерно... о-о-о! Нет, бесполезно!

— Самое обидное, — хриплю я из последних сил, — что даже когда мне развязали руки, я не смог... не нашел в себе сил... или ненависти, чтобы убить этих ублюдков.

Запоздалый выстрел ставит последнюю точку. Гул в голове все равно громче звона осколков разбитого заднего стекла.

Будем считать, что водителя убила случайная пуля. Так проще.

Хватка *мертвеет*, ослабевает, пальцы разжимаются. Воздух.

Еще несколько пуль пытаются воспроизвести мой силуэт трещинками на лобовом стекле. Падаю вправо, растекаюсь по сиденью, левая рука срослась с рулем. Симбиоз.

Видимость отрицательная. Если дорога сейчас уйдет в сторону, мне с ней не по пути.

В нескольких сантиметрах от лица призывно мерцает красный огонек. Глаз Бога? Снимаю трубку, прижимаю к уху плечом. Чего-то не хватает. Правый кулак врезается в пластмассовую панель пульта. Выбиты пальцы. Прием.

— ...спетчерская! — в трубку врывается чей-то голос.

— Алло! Это говорит... — Сейчас! Что за милая привычка писать свои инициалы на подошвах ботинок. — Говорит два три два четыре четыре пять, водитель машины.

— Почему не отвечали на вызов?

— Были проблемы... — Стараюсь, чтобы мой голос звучал спокойно. — У меня есть срочное сообщение для всех сотрудников, участвующих в операции.

— Секунду. — И раз, и два, и три, и четыре, и пять, скоро должен быть поворот. — Говорите.

— Они все меня слышат?

— Говорите.

— Спасибо...

Зубами отгрызаю пуговицу от левого рукава рубашки, отделяю дрожащую руку от руля.

— Коллеги, у меня есть для вас важное сообщение. Это случилось в два часа пополудни, семнадцатого числа второго месяца года...

16:18

Авангард преследования — две ближайшие ко мне машины — теряют управление, пронзают реальность надсадным скрипом тормозов, сталкиваются, сплетаются в прощальном объятье. Одна из них трижды переворачивается в воздухе и взрывается, перегородив своими останками магистраль.

Некоторые из оставшихся успевают затормозить.



За моей спиной одна за другой удовлетворенно замолкают сирены.

Еще несколько взрывов – оранжевые цветки пламени в ореоле неестественно черного дыма. Красиво.

Дорожным рабочим завтра будет чем заняться. Если, конечно, оно наступит для них – завтра.

Или я ошибался с самого начала, или у меня всего 37 минут на решение всех вопросов, проблем, судеб. Аз есмь?

Сворачиваю на 147-ю, перестраиваюсь в чрезвычайный ряд и включаю сирену.

С некоторых пор меня неодолимо тянет к центру города.

16:19

Плохо дело! Не помню, как зовут этого тощего очкарика, узурпировавшего мое обычное место рядом с Семнадцатым, кажется, что-то четное из третьей сотни, а вот то, что он из внутренних расследований, – это точно. Если он явился по мою душу, тогда дело дрянь. Самая дрянная дрянь!

Осторожность – мой образ жизни. Осторожность – мой способ выживания. Осторожность – мой девиз. Удвоенная, утроенная осторожность. Ом? Так, кажется, принято говорить?

После того как я мысленно повторил эту бессмысленную дребедень, мне стало немного спокойнее. Прорвемся!

Семнадцатый поднял глаза от каких-то бумаг (сколько я его помню, при моем появлении он неизменно поднимает глаза от каких-то бумаг. Подозреваю даже, что каждый раз от одних и тех же) и удостоил меня сдержанным кивком. Сегодня это вышло у нас синхронно.

За неимением альтернативы я утвердился на жестком деревянном стуле с плетеной спинкой напротив Семнадцатого и этого... не помню, как звать. Сложил руки на коленях, состыковав подушечки пальцев, и демонстративно уставился на Семнадцатого. Что не помешало мне, однако, засечь краем глаза пристальный взгляд из-под очков. Слишком уж пристальный.

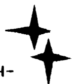
Спокойно! Не обращай внимания.

Я заговорил первым, совершенно бесстрастно и очень быстро, задавая темп беседы:

– Вы снова оказались правы, Семнадцатый. Он действительно прорывается к телецентру.

– А вы?

– Делаем, что можем, чтобы из этой затеи ничего не вышло. Задействован весь оперсостав СНУРКа, все патрульные машины, заблокированы все подъезды и подходы к зданию, кроме того...



– И каковы результаты? – перебил меня Семнадцатый и тут же уточнил: – Я имею в виду, кроме двадцати четырех трупов за неполные двадцать минут.

Мерзкий старикашка! Это было уже чересчур, но я не повысил голоса и не стал размахивать руками. Я мог бы сейчас *гордиться* собой...

– Это была чисто организационная ошибка. Если вы помните, я с самого начала настаивал на необходимости самого подробного инструктажа сотрудников перед операцией. Они имели право знать, что отправляются не на обычное задержание. Не я присвоил операции двадцать четвертую степень секретности.

– Но разве можно было заранее предугадать... Прогностьі утверждали, что вероятность проявления агрессии со стороны объекта – всего двенадцать процентов. Не было смысла выходить за рамки стандартной процедуры...

– Мы обязаны были, по крайней мере, предполагать такую возможность.

– Простите, что перебиваю вас, – неожиданно подал свой писклявый голосок... кажется, что-то там и двести тридцать четвертый. – Но я попросил бы вас ни на секунду не забывать, что четыреста четырнадцатый – уникум. Уникум, чью уникальность необходимо сохранить в тайне любой ценой. Надеюсь, вам не нужно объяснять, какую угрозу представляет он для общества?

Если это был вопрос, то я на него не прореагировал. Тогда очкарик продолжил:

– И пусть это звучит несколько... несколько... Словом, я хочу сказать, что двадцать четыре жизни – это еще не слишком большая цена, которую мы согласны заплатить, чтобы сохранить информацию о четыреста четырнадцатом в секрете. Никто, кроме присутствующих здесь, не должен знать даже о гипотетической возможности существования таких, как он.

Мы готовы заплатить... Хотел бы я посмотреть на твою физиономию, когда ты начнешь задыхаться от *жалости*...

– Тем не менее я принял кое-какие меры, чтобы избежать дальнейших жертв.

Голос Семнадцатого дрогнул:

– Надеюсь, вы ничего не рассказали своим...

– Нет. Я просто объяснил им, что объект необходимо устранить любой ценой, но при этом сами устраняющие обязаны находиться вне сферы его непосредственного воздействия.

– Хорошо. Однако у меня все равно нет полной уверенности, что

решить проблему четыреста четырнадцатого удастся силами СНУРКа. Поэтому я направляю вам в помощь еще одного человека.

– Одного? – Похоже, старческий маразм не делает разницы между двузначными, девятизначными или, к примеру, гуголообразными* числами. – И что это за человек? Он хорошо подготовлен? Он будет работать под моим руководством?

– Да, это хорошо подготовленный человек. Можно сказать, что для подобной операции он подготовлен оптимальным образом. И – нет, он не будет работать под вашим руководством. Хотя бы потому, что у вас не будет возможности довести до его сведения ваши приказы.

Должно быть, во время всей этой болтовни Семнадцатый незаметно нажал какую-нибудь скрытую кнопку на своем столе. (В его кабинете вообще напичкано чертовски много всякой электроники. Пожалуй, даже больше, чем он подозревает...) По крайней мере, когда он закончил говорить, дверь кабинета резко отъехала в сторону, пропуская внутрь двоих.

Первый из вошедших оказался настоящим карликом, почти лысым, со старческим лицом и непропорционально длинными руками, свисающими чуть ли не до колен. Он вошел, с сомнением оглядел присутствующих и уныло уставился на носки своих ботинок.

Тот, кто появился вслед за ним, являл собой еще более странное зрелище. Это был юноша невысокого роста (всего на полторы головы выше карлика), с пронзительно-голубыми глазами, одетый в брюки с подвернутыми штанинами и красную клетчатую рубашку с закатанными рукавами. Его лоб, запястья и лодыжки украшали тонкие кожаные поясki, из которых во все стороны торчали какие-то длинные и тонкие упругие нити. Нити находились в постоянном движении, кажется, совершенно не зависящем от перемещений своего носителя. Кроме того, юноша был бос. Не обратив на нас никакого внимания, он устремил немигающий взгляд своих слишком голубых глаз куда-то в сторону люстры.

Эге! И кто же из этих красавцев, интересно, определен мне в помощники?

Дверь вернулась на место, вошедшие совершили рокировку: карлик встал за спиной у юноши и обеими ручонками ухватился за его левую руку.

– В целях экономии времени отложим полное представление на потом, – заговорил Семнадцатый. – Ограничимся тремя значащими цифрами. Это, – широкий жест в мою сторону, – сто пятьдесят третий.

* Гугол – так математики называют 10 в 100-й степени (прим. ред.).

Это, — удачный способ проверить мою память, — двести тридцать четвертый. А это — два нуля седьмой.

— Который из них? — поинтересовался я.

Голова карлика на миг показалась из-за плеча голубоглазого и совершила изящный кивок.

— А второй?

— Видите ли... — Удивительно, но Семнадцатый, похоже, был близок к *растерянности*. — Он несколько выпадает из общей системы...

— Жовите его прошто Штрелок, — неожиданно прошепелявил карлик. — Эму это нравитша...

Он широко улыбнулся, продемонстрировав явную нехватку передних зубов при полном отсутствии задних и — вместе с тем — явное и бессовестное нарушение контроля. Однако мое вышестоящее начальство никак на это не прореагировало. Промолчал и я.

До меня уже не раз доходили слухи о том, что в подчинении у Семнадцатого есть секретное подразделение неподконтрольных, используемое только в самых чрезвычайных ситуациях. Похоже, сейчас мне посчастливилось увидеть представителей этого спецподразделения воочию.

— Да, я думаю, так будет разумно, — пробормотал Семнадцатый. — Зовите его просто Стрелок.

Только теперь я заметил на правом боку у юноши кожаную кобуру, из которой высовывалась рукоятка револьвера. Так значит, Стрелок...

— Вы обещали нам что-то показать, — напомнил Семнадцатый.

— А как же! — оживился карлик. — У кого-нибудь из пришутштвующих есть... э-э-э... расчешка? У меня нет, — добавил он и, как бы оправдываясь, похлопал себя по черепу пухлой ладошкой. Звук получился звонкий.

— Вот.

Я вынул маленькую расческу из нагрудного кармана и протянул карлику.

— Подброште, пожалуйшта, вверх, — попросил тот. — Только повыше.

Он громко щелкнул пальцами и снова исчез за спиной Стрелка.

— Сделайте, как он велел, — приказал Семнадцатый.

Я подбросил расческу к потолку. Поза Стрелка неуловимым образом изменилась. Прогремели три выстрела. На потолке проступили следы от пуль. Несколько изуродованных кусочков пластмассы упало на пол. Стрелок извлек откуда-то горсть патронов и принялся деловито, один за другим, скармливать их барабану своего револьвера. Дви-



жения его были механическими, взгляд – отсутствующим. Ствол револьвера слегка дымился.

Я резко спрыгнул с неудобного стула, в четыре шага преодолел расстояние, отделяющее меня от Стрелка, навис над ним.

– Эй, Стрелок, – позвал я. – Вы слышите меня?

Он даже не взглянул в мою сторону. Он никак не отреагировал на мои слова. В его нечеловеческих глазах по-прежнему не отражалось ничего, кроме большой хрустальной люстры.

В них не было даже зрачков.

– Теперь вы поняли, почему этот юноша как нельзя лучше подходит для нашей операции? – спросил Семнадцатый.

– Да. Пожалуй... – задумчиво ответил я и зачем-то провел ладонью перед лицом Стрелка. Длинные тонкие нити, окружающие его лоб, качнулись навстречу моей руке.

Такой возможности я не предусмотрел. Это было пострашнее, чем все, что мог противопоставить четыреста четырнадцатому СНУРК, даже если бы за ниточки дергал не я. Если в игру вступит Стрелок, тогда шансы на победу станут... Какого черта, я должен сопротивляться!

Я резко развернулся в сторону Семнадцатого.

– Не спорю, эта демонстрация силы произвела на меня большое впечатление, но насколько безопасной она была для присутствующих?

– Абсолютно безопасной, уверяю вас, – ответил Семнадцатый. – Стрелок получил установку на уничтожение маленького движущегося предмета специфической формы, только после щелчка и только в том случае, если при этом не пострадает ни один из одушевленных предметов, находящихся в комнате.

Одушевленных предметов... Лучше и не скажешь.

– Каким образом он получает информацию? Как ему удается различать предметы по размеру, по форме, по... одушевленности?

– Разве это имеет значение? Главное, что он чувствует эту разницу. И никогда не ошибается. Возможно, у два нуля седьмого, который с самого детства стал для Стрелка чем-то вроде поводыря-наставника, и есть какие-нибудь мысли на этот счет, но едва ли он сумеет разделить их с вами. Думаю, у него просто не найдется подходящих слов.

– Да, да! – охотно подтвердил карлик и мелко затряс головой. – У меня прошто нет шлов! Ни одного шлова...

– То есть если бы я, допустим, просто достал расческу и начал причесываться...

– Скорее всего, ничего бы не произошло, – успокоил меня Семнадцатый. – Однако у нас не было причин сомневаться в вашей исполнительности.

Если бы со времени последней обязательной проверки прошло больше чем три дня, мне показалось бы сейчас, что в голосе Семнадцатого отчетливо прозвучали нотки *иронии*.

Из-за спины Стрелка послышался тихий шелест. Это смеялся два нуля седьмой.

– Мы потеряли непростительно много времени, – заметил Семнадцатый. – Ступайте. На крыше вас ждет вертолет, подниметесь на лифте.

Карлик прогундосил что-то вроде «Ешть, шэр!», взял Стрелка за руку и вывел из комнаты.

Я очень медленно повернулся к двери и так же медленно двинулся вслед за ними, еще не веря, что самое страшное для меня осталось позади, но очень сильно на это надеясь, одновременно обдумывая возможные способы быстрой нейтрализации Стрелка и опасаясь услышать резкий окрик сзади. И, разумеется, услышал.

– Постойте! – негромко произнес Семнадцатый. – Еще тридцать секунд внимания, если позволите. У нас остался всего один вопрос к вам.

– Слушаю вас. – Я снова вернулся к столу, опустил руки на прохладную спинку стула. Ладони мгновенно вспотели.

– Скажите... – В игру снова вступил очкарик. Особая вкрадчивость его голоса не сулила мне ничего хорошего. – Это правда, что четыреста четырнадцатый приходится вам...

– Да, – спокойно ответил я, отразив его внимательный взгляд. – Он является моим непосредственным биологическим потомком, если это то, о чем вы хотели узнать.

Зрачки за тонкими линзами сузились.

– И этот факт никоим образом не влияет... Я хочу сказать, разве вы относитесь к нему точно так же, как относились бы к любому другому человеку, оказавшемуся на его месте?

– Я вообще не отношусь к нему как к человеку. Скорее – как к опухоли... Если не ошибаюсь, курс общей медицины входит в программу вашей подготовки? Как к злокачественной опухоли, которую необходимо вырезать. И чем скорее, тем лучше.

Демонстративный взгляд на часы. Осталось меньше двадцати пяти минут. Еще совсем недавно я был уверен, что время – мой верный союзник. Однако после появления Стрелка уверенность исчезла, просто испарилась. Что я делаю здесь?

– А вы не думаете, что он относится к нам – я имею в виду, ко всем *обыкновенным* людям – точно так же? – Отрицательные диоптрии превращают сверла его зрачков в два тончайших жала.

Семнадцатый ответил раньше меня:



– Нет, едва ли. Если я не ошибаюсь, у него очень... – Он надолго замолчал, видимо, сканировал свой словарный запас в поисках нужного слова. – Мне кажется, он сильно *страдает*.

– Я знаю. – Мне пришлось сильно прикусить себе щеку, чтобы сдержать улыбку. Сейчас она оказалась бы особенно неуместной.

– Вы считаете себя виновным в том, что произошло с вашим... с четыреста четырнадцатым? – осведомился двести тридцать четвертый.

Я сделал вид, что обдумываю его слова.

– Наверное... – без особой уверенности ответил я. – В конце концов, ему было всего девять лет, когда он приблизился к Сантане. А я был рядом, но не сумел почувствовать этого. Отговорить, объяснить... Знаете, в жизни бывают такие моменты, когда любой человек...

– Хорошо, – остановил меня Семнадцатый. – Вы можете идти. Продолжайте выполнять задание, используйте все имеющиеся в вашем распоряжении резервы людей и техники, но учтите... – Я был уже на пороге, поэтому ему пришлось повысить голос. – Если четыреста четырнадцатому все-таки удастся проникнуть в телецентр до 16:55, у меня не останется другого выхода, кроме...

– Я знаю, – прошептал я и вышел из комнаты, рукой прикрывая улыбку от камер слежения.

16:29

Замечательная машина. Превосходная машина. Самая лучшая машина. Только довези меня, пожалуйста, а уж я... Я придумаю для тебя лучшее будущее. Уютный гараж с заботливым обслуживающим персоналом. Ежедневная мойка, полировка. Топливо с октановым числом больше сотни. Это так просто... Ты только довези. Уже недолго.

Поворот под невыносимо острым углом. От него режет слух. Над пигмейскими лачугами жилых кварталов маячит *утонченное высочество* башни телецентра. Все ближе.

Крутой вираж. Еще круче. Нас выносит на встречную. Где они, встречные? И где, черт возьми, погоня? Пусто.

Темнеет жерло тоннеля впереди. Идеальное место для засады, не правда ли? Ускорение.

Пусто и темно. Как в душе. Только гипнотическое мерцание тусклых настенных светильников. Только неупорядоченное мельтешение бессвязных мыслей в голове. Милый ну какой же ты милый двенадцать куда несешься ты в бездонье пустоты девятьсот сорок два слепой искатель бессловесного ответа семьсот ровно летишь на свет в конце тоннельной темноты ноль пятьдесят шесть но видишь ты не свет полста семь скорее конец света сто тридцать одна тысяча или ты хочешь что-



бы тебя остановили эй четыреста четырнадцатый? Да! Хочу! Только сейчас, прямо сейчас, чтобы не думать... Остановите меня, пожалуйста! Убейте, если нельзя по-другому! Только не заставляйте делать выбор за вас. Выбирайте сами! Ну какой аз, к черту, есмь?

Свет в конце. Зажмуриваюсь перед выездом на поверхность. Оцепенение спадает.

Что ж, у вас был шанс!..

Башня совсем рядом, вот она. Поднимается в полный рост в разрыве между соседними зданьицами. Прятаться глупо, направляю автомобиль к центральному подъезду. И можно уже убрать ногу с педали газа, но почему-то не получается. Нежность.

Все, Чайлд Гарольд к Темной Башне при... Ту-дуфффф-ш-ш-ш!

И снова ту-дуффф...

Звук выстрела размазывает реальность по внешней поверхности стекла, заставляет ее бешено вращаться. Пробита передняя шина, возможно, обе. Мятые круги перед глазами. Голова нелепо подпрыгивает на шее, как не своя. Где-то там, наверное, находится бензобак. Вращательный момент затихает, уступает место моменту покоя. Хоп.

Распахиваю дверцу, выкатываюсь из машины. Стелюсь по траве. Оглядываюсь.

Два снайпера на крыше подъезда. До них метров восемьдесят — слишком далеко, даже если кричать.

Ощущаю на себе немигающий взгляд бесчувственных глаз, усиленный оптическими прицелами. Уже?

Медленно выпрямляюсь.

В душу заглядывают светлячки лазерных прицелов. Спрашивают: кто здесь?

Поднимаю вверх обе руки — пустыми ладонями к солнцу. Левый рукав ползет вниз, обнажая предплечье.

Показываю зайца.

Дуло левой от меня винтовки нервно вздрагивает.

Показываю тигра, удава, затем, почти без перерыва, — утконоса.

Теперь начинает плясать винтовка в руках второго снайпера. Правда, скоро выправляется.

— Читайте по губам, уроды, — говорю я, старательно артикулируя. — Это случилось недавно. Буквально несколько секунд назад...

И делаю первый шаг по направлению к подъезду.

16:31

Вспотевшая телефонная трубка опустилась на рычаг. Плим. Кажется, я ничего не упустил. Патрульные машины отозваны, ребята разъезжают-

ся по домам. Пусть едут, они заслужили свои несколько минут отдыха. Напоследок...

Осталась только внутренняя охрана телецентра, да еще этот не вовремя возникший Стрелок... Но с этим я уже ничего не могу поделать.

Непривычное ощущение: действо в самом разгаре, а я не в силах ничего изменить. Так, должно быть, чувствует себя игрок, несправедливо отправленный тренером на скамейку запасных за несколько минут до конца матча. Пусть все идет, как идет, мне осталось только молиться.

Да еще, быть может, достать упаковку холодного пива (я достал из бара упаковку), включить монитор (я щелкнул пультом), занять место в первом ряду (я удобно разместился в уютном кресле, вытянув ноги) и наблюдать, как мир постепенно проваливается в... Да, чуть не забыл!

Пальцы станцевали короткий ритуальный танец на кнопках. Динамики зажили собственной жизнью, абстрагировавшись от изображения на мониторе.

Щелк.

Я поймал конец фразы Семнадцатого:

– ...до уверены, что сто пятьдесят третьему можно доверять?

– Да, – противный голосок противнейшего субъекта. – Мне понятна причина ваших опасений, но в данном случае никакой опасности нет. Мы четыре раза подвергали сто пятьдесят третьего тестам только за последний год. И всякий раз отклонение от нулевой эмоционали оказывалось в пределах допустимого. Даже несколько ниже среднего показателя. Так что нет повода для опасений. В конце концов, то, что четыресте четырнадцатый прошел через Сантану, никак не могло повлиять на его биологического предка.

– Хорошо, – негромко произнес Семнадцатый. – Вы можете идти. А мне еще нужно ознакомиться с некоторыми материалами.

Звук закрывающейся двери. Какой-то щелчок, должно быть – тумблер магнитофона.

– Это случилось давно... – раздался искаженный записью, но все же такой родной голос. – Очень давно! Вы все равно не поверите, насколько давно это случилось...

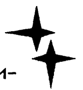
Я улыбнулся – второй раз за день!

Семнадцатому уже не долго осталось быть Семнадцатым.

16:42

Дрожащие пальцы снимают винтовку с предохранителя. Удар ноги, обутой в тяжелый ботинок, распахивает массивную дверь. Бум!

Почему мне кажется, что все это делаю не я?



По возможности стремительно влетаю внутрь комнаты, расцвечиваю интерьер красным маркером лазерного прицела и... едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться.

Всего один охранник последнего бастиона! По тщедушности едва ли уступающий мне.

Босоногий мальчик в костюме папоротника. Стоит спиной ко мне, сосредоточенно изучая совершенно голую стену.

– Ну, хорошо, приятель, – говорю я. – Если тебе действительно интересно, то это случилось...

Он стреляет, не оборачиваясь.

Пуля наносит урон моей прическе, вырывая из нее клок волос вместе с фрагментом кожи. Думаю, что взамен нескольким утраченным волоскам каштанового цвета моя шевелюра пополнилась примерно таким же количеством седых.

Что-то не так! – осознаю я уже в прыжке. Неловкий затяжной кувырок, где-то на полпути теряется бесполезная винтовка. Скрываюсь за сомнительной преградой в виде стеллажа с видеокассетами.

– Это было... – начинаю я, но сразу же смолкаю.

Пуля ударяет в одну из кассет слева от меня, выбивая ее из ряда. Другая пуля разрывает ее на части уже в полете.

Превращаюсь в источник абсолютной тишины.

Из-за шкафа появляется фигура противника. Взгляд его направлен куда угодно, только не на меня.

Перестаю дышать.

Фигура приближается.

16:45

Вторая пуля тоже прошла мимо цели. Стрелок почувствовал: выбит какой-то небольшой предмет прямоугольной формы. Книга или видеокассета? Он выстрелил в движущийся предмет еще раз, без особого смысла, просто чтобы отвести душу.

Он с детства ненавидел и книги, и видеокассеты. Последние, нужно заметить, в несколько большей степени: книги, по крайней мере, молчали...

Внезапно цель исчезла.

Стрелок ощущал ее запах где-то рядом, но не чувствовал никакого движения. Неужели он убил его?

Стрелок замер.

Три минуты спустя он сделал осторожный шаг вперед, выставив перед собой пустую левую руку.

Чьи-то нервные пальцы судорожно вцепились в нее и прежде, чем



он успел сделать выстрел навстречу движению, прочертили на раскрытой ладони две линии: обратный полукруг и диагональ.

«Это случилось...» – удивленно интерпретировал Стрелок.

А в барабане его револьвера оставалось еще три пули.

Теперь уже навсегда.

16:49

«Ты хочешь... узнать... конец?» – Слегка оттягиваю мизинец, придавая всей фразе вопросительный оттенок.

Его пальцы изображают танец семи стихий, общий смысл которого: «Нет, нет, нет! Что угодно, только не это!»

Это хорошо, просто отлично... Ведь вести неподконтрольного на порядок сложнее, чем какого-нибудь снурка с его железобетонной психикой. И довести неподконтрольного до конца, разумеется, тоже возможно, но какая для этого требуется энергия!

Кроме того, я очень плохо помню язык слепоглухонемых.

«Тогда иди вперед. Иди и...» Черт! Как же это? По-моему, что-то вроде... Пощипывание ладони между большим и указательным пальцами.

«Иди и убей».

Он описывает полный круг раскрытой ладонью: «Всех?»

Беру его руку своей и делаю еще один полный круг, в конце которого прижимаю его ладонь к своей груди. «Всех, кроме меня».

Вкладываю в руку мальчика приклад винтовки. Он сразу начинает выглядеть увереннее. Его пальцы пробегают вдоль ствола, натыкаются на выpoст оптического прицела, с ненавистью вырывают его из гнезда. Тонкая оптика хрустит под босой пятой дикаря. Луддит.

Передаю ему все четыре обоймы.

Он разворачивается и бесшумно выходит за дверь.

Выжидаю двадцать секунд – почему-то этот временной интервал кажется мне наиболее подходящим – и следую за ним.

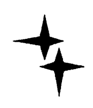
16:53

Он вбежал в подъезд, запыхавшийся, как дюжина скаковых на финише. Разумеется, все шесть лифтов были где-то там, в недосягаемой вышине.

– Господи, прости! – взмолился он. – Не дай мне умереть от рассеянности!

И начал подниматься вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки и считая этажи.

Второй.



Прости! Я больше... уфф... никогда!

Третий.

В конце концов, я не совершил ничего предосудительного, ни одного из...

Четвертый.

...сорока восьми смертных грехов. Это же ни *злость*, ни *обида*, ни *зависть*...

Пятый.

...ни *радость*, ни *нежность*, ни *грусть*...

Шестой.

...это просто небольшая рассеянность. Я просто забыл...

Седьмой.

...просто задумался и не заметил, как пропищал зуммер...

Восьмой.

...и немного опоздал. Но это никакая не *халатность*, упаси Боже! Просто...

Девятый.

...небольшая рассеянность. Достойная разве что небольшого порицания, но уж никак не... Дьявол!

Почему ему так не везет сегодня? Он пропустил свой этаж!

Он вломился в дверь, оставив ее широко распахнутой и негромко позвякивающей ключами, бросился к монитору, приземлившись перед ним на колени, сбивчиво пробормотал в микрофон свой идентификационный код, ввел с клавиатуры пароль, за рекордно короткое время успев допустить в нем три ошибки и тут же их исправить, – и все это время с отчаянием осознавал всю бесполезность происходящего... Слишком поздно!

Вместо привычного изображения диктора монитор продемонстрировал бесстрастное лицо снурка. Бесстрастное вдвойне, поскольку в данную минуту оно могло быть только записью.

– Вы опоздали, – произнесло лицо. – Мне неприятно говорить вам это, но...

– Не-е-ет! – пронзительно закричал зритель, закрывая рот руками.

– ...вы должны быть в курсе того, какое наказание ждет любого гражданина, пропустившего сеанс обязательного вещания... – монотонным голосом продолжал снурк.

Часы в правом верхнем углу монитора показывали 16:56.

– ...в течение ближайшего получаса вам надлежит...

Изображение неожиданно дернулось, причудливо изогнувшись. Экран погас на несколько секунд.

Когда он вновь зажегся, зритель увидел на нем лицо совсем друго-

го человека. Бледное, усталое, перепачканное кровью, но очень... как бы это сказать...

Человек улыбнулся.

– Привет, ребята, – сказал он. – Я хочу рассказать вам одну историю. Только одну. Надеюсь, это займет не больше двух минут. Итак...

??:??

Привыкаешь ко всему. Особенно к тому, что повторяется изо дня в день на протяжении всей сознательной жизни. И замирать каждый вечер перед персональным монитором в ожидании гипносеанса. И являться раз в квартал в центр проверки эмоциональной чистоты, чтобы при помощи несложных тестов доказать, что ты по-прежнему не представляешь угрозы для общества. Самого стабильного общества за всю историю человечества. Общества без революций и войн, родительской любви и дружбы сверстников, классового неравенства и *несанкционированного* насилия. Общества без скорби и радости, упорядоченного, насквозь логичного, инвентаризованного. Привыкаешь ко всему, безропотно и, кажется, навечно. Пока однажды...

Допустим, тебе девять лет. И воспитатель ведет твою группу на прогулку за внешний периметр интерната. Не исключено, что солнце ласково улыбается тебе с небес, а где-то в кустах радостно щебечет притаившаяся птичка, но тебе, разумеется, нет дела до их улыбок и трелей. Но вот воспитатель отвлекается на пару минут, а вы – вас трое или четверо – обнаруживаете в ложбинке посреди пустыря странный цветок и, сгрудившись вокруг, начинаете его разглядывать, трогать, нюхать. И пусть специалисты-медики из Службы Наблюдения, Усмирения и Рационального Контроля наперебой объясняют, что цветовые переливы «Сантаны дурманящей» оказывают на человеческое сознание разрушающее воздействие, запах вызывает галлюцинации, а сок смертелен для организма. Вам, сбившимся в кучку мальчишкам, цветок кажется просто прекрасным. Его лепестки нежны, цвет притягивает взгляд, а аромат пробуждает в душе странные чувства. Но вам не знакомо слово «душа», не знакомо слово «чувства», и потому вы впервые в жизни готовы разреветься не от боли, голода или дискомфорта, а от невозможности выразить ощущения словами.

Естественно, спустя от силы четверть часа на вертолетах прибудет команда усмирителей. Всех воспитанников интерната и обитателей прилегающих зданий эвакуируют в спешном порядке, а пустырь и окрестности в радиусе возможного разлета семян подвергнут полной стерилизации. Они уничтожат странный цветок и все следы его недолгого су-

ществования. Но кто удалит его ростки из твоего сердца? Разумеется, те же специалисты. Которые крайне редко ошибаются.

Не ошиблись же они, например, когда рассуждали о губительном влиянии Сантаны на организм. Для двух или трех твоих товарищей — для всех, кроме тебя, — знакомство с цветком сыграло роковую роль. Они просто не вернулись в интернат после внеочередных тестов. И ты делаешь выводы, внутренне готовишься и с честью выдерживаешь испытания. Но насколько же это стало сложней! Ты сдерживаешь смех, когда на экране возникают персонажи давно забытых мультфильмов, сдерживаешь слезы, когда вместо них тебе демонстрируют сцену умерщвления младенца, появившегося на свет с врожденной эмоциональной патологией. Ты даже не вздрагиваешь, когда в мелькании сотен фотографий узнаешь вдруг лицо, которое столько раз видел во сне, — лицо твоей биологической матери.

«Он выдержал, — шепчутся за твоей спиной безликие люди в белых повязках. — Отличная сопротивляемость, все-таки девять лет. Любого взрослого на его месте хватил бы удар. И все же пара дополнительных проверок не повредит...»

Только ростки в сердце. И крошечный след в форме цветка, который время от времени проступает на твоем левом предплечье, напоминая о том, что ты иной. И при желании можешь поделиться своей *инакостью* с другими. Своими эмоциями, чувствами, фантазиями... Иногда, когда оживает цветок.

16:62

— Кстати, спасибо за цветок, папа, — сказал напоследок бывший 175657131414-й и исчез с экрана.

Передача длилась две с половиной минуты. Ровно столько, чтобы вывести из строя большинство вышколенных сотрудников СНУРКа и от природы обделенных эмоциями лидеров из Первой Тысячи, но не причинить вреда остальным — небезнадежным. Разве что... слегка их удивить. Или напугать. Или заставить мышцы лица сложиться в непривычную улыбку.

Любое проявление чувств само по себе неплохо. Для начала. А пока...

По экрану монитора пошли сполохи.

— Спасибо, сын, — произнес я, обращаясь уже непонятно к кому. — Это случилось... Благодаря тебе это все-таки случилось.

И машинально застегнул пуговицу на левом рукаве рубашки.

Северна Парк



ЛЕКАРСТВО ОТ ВСЕГО

Северна Парк — псевдоним американской писательницы, которая работает учителем рисования в одной из школ Мэриленда и сочиняет фантастику на вполне «взрослые» темы (согласно журналу «Publishers' Weekly», это «власть, наркотики, лесбийская любовь и расовая ненависть»). На ее счету — три романа и несколько рассказов. Тот, что публикуется в «Звездной дороге», весной нынешнего года удостоен премии «Небьюла» и уже поэтому заслуживает прочтения: как-никак, любопытно узнать, какого рода произведения современным американским фантастам кажутся лучшими.

Они с Хорасом дымили влажными сигаретами, наслаждаясь отдыхом в сырой душный вечер, когда из джунглей Ипиранги прибыл грузовик с новой партией индейцев. Мария услышала машину прежде, чем та показалась в пределах видимости, с урчанием пробираясь по территории лесной резервации Ксингу.

— Мы кого-нибудь ждем? — спросила девушка.

Хорас помотал головой, поскреб свою жидкую бороденку и растерянно заморгал.

Выхлопы мотора перемешивались с сигаретным дымом и с влажными испарениями земли, вставая густыми клубами. Наконец грузовик с трудом вскарабкался по склону и въехал в главные ворота Центра Ксингу по ассимиляции индейцев.

Люди, сидевшие в открытом кузове, отличались от любых других новичков разве что особенностями раскраски на лицах. Такие же усталые, измотанные дорогой, тесно утрамбованные на узких скамейках. Каждый держит на коленях какую-нибудь ношу — ребенка, барабан, закоп-

«The Cure for Everything» by Severna Park



ченный горшок для готовки... Хорас помахал водителю, указывая направление вниз по склону холма к регистрационному пункту. Мария смотрела на индейцев, а те во все глаза таращились на нее, как на трехрукое чудовище.

– Сейчас обделаются со страху, – заметил Хорас, руководитель Национальной программы Бразилии по индейской ассимиляции. – Думают, небось, что их привезли в дом с привидениями.

– Ничего, привыкнут, – вздохнула Мария. – Ладно, уйду с глаз долой, как и положено приличному призраку.

Хорас втоптал недокуренную сигарету в тощую почву джунглей.

– Ступай в АВ-трейлер. Я позвоню через пару минут.

Он безуспешно попытался пригладить свои жесткие волосы и зашагал навстречу грузовику.

Мария сделала последнюю глубокую затяжку и поспешила в другую сторону, к аудиовидеотрейлеру, откуда можно было скрытно наблюдать за происходящим на базе. Хорас хорошо знал два основных амазонских диалекта тупи-гуаранского – аравак и ге, но Мария лучше разбиралась в языковых тонкостях. Этим чисто инстинктивным пониманием Хорас овладеть не смог, потому и прибегал к ее помощи. Девушка негромко давала ему советы, проговаривая их в микрофон, и голос ее звучал в ушах шефа, пока он расспрашивал новоприбывших. В каком-то смысле она исполняла роль его подсознания, отмечая малейшие нюансы речи.

Или это роль призрака?.. Мария бросила взгляд через плечо, однако ни фургона, ни индейцев уже не было видно. Неважно, откуда они прибыли, – эти люди, как и все остальные, примерно представляли себе, как выглядят белые и чернокожие. Но вряд ли в своей жизни им приходилось встречать альбиносов. Странные глаза Марии, бледная, почти прозрачная кожа совсем не сочетались с ее африканскими чертами. Большинство индейцев воспринимало ее как непонятное, даже пугающее волшебное существо. Зато и обращались с ней почтительно.

Раздумав втаптывать сигарету в грязь, она нагнулась за окурком и снова прислушалась. Опять донесся звук мотора. Машина. Кажется, поменьше, чем тяжелый грузовик.

Девушка пошла назад, к воротам. За цепями ограды Ксингу, за россыпью серых крыш в кронах деревьев куролесили и вопили обезьянки, поднимая в листве волны. Между древесными стволами сверкнули фары, и из леса выкатился приземистый джип. По верху его блестели ярко-красные буквы: «Проект Хиллера».

Мария замахала рукой, веля водителю остановиться. В машине, кроме него, оказался один пассажир; оба были одеты в ярко-красные

куртки с вышивкой «Проект Хиллера» на нагрудных карманах. Водитель широколицый, с почти что мексиканскими чертами; его напарник чернокожий – иссиня-черный, словно только что сошедший с корабля из Нигерии. Он бросил на Марию странный взгляд, но девушка знала, что это означает. Он тоже никогда еще не видел альбиноса.

– Мы – за грузовиком из Ипиранги, – сообщил чернокожий по-португальски. На груди у него красовалось вышитое имя – Н'Ликли.

Мария указала на грязную дорогу, в конце которой сквозь сгущавшийся сумрак маслянисто светили фонари.

– Регистратура вон там, – ответила она на том же языке. – Вам повезло, у нас нашлось где их разместить.

– Спасибо, – отозвался Н'Ликли, и водитель нажал на газ.

– Эй, – окликнула Мария, пока заляпанный грязью джип тащился мимо. – Что это за «Проект Хиллера»?

Очередное общество охраны самобытных культур, подумала она. Однако чернокожий одарил ее новым странным взглядом – и этот взгляд ей однозначно расшифровать не удалось. Ответа не последовало; джип, фырча, покатил по кривой асфальтовой дороге.

Мария пошарила в кармане, вытащила из пачки сигарету – и после секундного раздумья затолкала ее обратно. Вместо того чтобы направиться к АВ-трейлеру, она зашагала за джипом, в сторону регистрационного пункта.

Н'Ликли и водитель уже спорили с Хорасом. Беседа велась на португальском, в то время как четверо индейских сотрудников Ксингу молча слушали, совершенно невозмутимые, с раскрашенными лицами, в форменных футболках базы и шортах цвета хаки.

– Этих людей необходимо изолировать, – горячился водитель джипа. – Либо их отселяют от остальных, либо половина перемрет от кори, а остальные – от гриппа.

Хорас кивал, хотя и без особого энтузиазма. Потом повернулся к одному из служащих-индейцев и приказал на его родном араваке:

– Переведите новеньких в сектор С. Обходным путем, чтобы не пересекать лагерь Ваура.

– Нет, – вмешался Н'Ликли. – Мы их заберем. Только покажите, где можно разместиться на ночь.

Хорас приподнял бровь.

– То есть как это – на ночь?

– Мы уезжаем с утра, – объяснил Н'Ликли. – И увозим их с собой. У нас для них выделены кварталы к югу отсюда, в Ксавантине.

Хорас расправил плечи.



– С того момента, как эта группа зарегистрирована на территории Ксингу, мы за них отвечаем. Вы не можете просто свалиться из ниоткуда и увезти людей черт знает куда. Это вам не какой-нибудь долбаный мотель.

Водитель вытащил из внутреннего кармана пачку бумаг и бросил их на стол. От каждого листа разило официальностью – кругом печати, красный логотип «Проекта Хиллера» в правом верхнем углу и все такое прочее.

– У меня есть полномочия.

– У меня тоже, – отрезал Хорас. – И мои полномочия подтверждает жирная субсидия от Департамента экономического и социального развития.

Двое сотрудников «Хиллера» переглянулись.

– Позвольте мне сделать телефонный звонок, – сказал наконец Н'Ликли. – Надеюсь, все удастся прояснить.

Хорас фыркнул и небрежно указал на Марию.

– Она вас проводит к телефону.

– Идите за мной, – кивнула девушка.

Разумеется, без официального разрешения Хорас не собирался выбрасывать индейцев за ворота. Скорее уж он вышвырнет отсюда этих дурацких «хиллеров» и будет возиться с индейцами столько, сколько нужно. Пока досконально не узнает, откуда они взялись и что в них такого особенного. В эту резервацию индейцы съезжались целыми поселениями, со всех уголков Бразилии, пока остатки местных племен не перестреляли вконец фермеры, добытчики каучука и золотоискатели. Жирная субсидия Ксингу была подслащенной пилюлей, которую Департамент скармливал индейцам одной рукой, другой раздавливая уникальную культуру многих тысячелетий. Хорас отлично это знал. Да и все знали.

Н'Ликли послушно шел за Марией между низких зданий. Под вечерний звон цикад в свете фонарей кружили тучи москитов. Телефонная станция располагалась на другом краю резервации. Девушка замедлила шаг, чтобы дать своему спутнику пойти рядом.

– Так что же это за «Проект Хиллера»? – спросила она.

– Ну, мы входим в резервационную коалицию...

– В какую? В «Агентство тропиков»?

– Вроде того.

– Тогда вам ничего не светит. – Мария ткнула пальцем в направлении Хораса. – Шеф полагает, что «Агентство тропиков» – просто ширма для Всемирного банка, и меньше всего их интересует сохранение

чего бы то ни было. Если он узнает, на кого вы работаете, вам ни за что не вытащить отсюда своих дорогих индейских дружков.

Н'Ликли на мгновение замялся.

– Ладно... Вы слышали об «Интернэшнл фармасьютикал»?

– Парни, которые посылают биологов вместе с шаманами искать целебные травы?

– В том числе, – кивнул чернокожий. – Так вот, часть нашего проекта связана с «ИФ».

– Вы имеете в виду использование тропиков как медицинского ресурса? – Мария остановилась. – Тогда зачем перевозить индейцев из Ипиранги в Ксавантину? Они же ничего не знают о тамошних растениях. Ипиранга – совсем другая экологическая зона.

Чернокожий пожал плечами. Он, кажется, дрожит, подумала она.

– В Ипиранге строят плотину. Вся местность окажется под водой. Индейцев нужно переселить.

– В Ксавантину? – Единственное, что пришло ей в голову, – это заброшенные золотые рудники, ну, может, пара каучуковых плантаций. – Почему бы не оставить их прямо здесь, у нас?

– Потому что они... уникальны.

Н'Ликли откровенно темнил. Мария непременно решила бы, что целое племя собираются продать в рабство в золотые рудники – если бы не особая нотка в голосе чернокожего. Нотка, выдающая искреннюю заинтересованность в судьбе индейцев.

– Уникальны? Вы имеете в виду, лингвистически? Или культурно?

Тот глубоко засунул руки в карманы. Обвел языком губы. Наконец, глядя мимо нее, ответил:

– Генетически.

Вот тебе и раз.

– Неужели? В каком смысле?

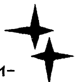
– Ипиранга – совершенно изолированная от всего мира долина. Если бы не плотина, об этих людях никто не знал бы еще пару столетий. Остальные племена центральной области говорят, что считали их только легендой. – Н'Ликли взглянул на нее. – По нашим подсчетам, в племени Ипиранга новая кровь не появлялась около пятисот лет.

Мария издала скептический смешок.

– Они должны были совершенно выродиться. И обесплодеть.

– Могли бы, – поправил ее собеседник. – Но они очень осторожны.

В памяти девушки всплыл перечень генетических последствий: наследственное слабоумие, кошмарные физические дефекты из поколения в поколение... Она хорошо знала их все.



– Тогда племя должно тщательно вести перепись, чтобы какой-нибудь молодчик не женился на внучатой племяннице своей матушки.

– У них потрясающая устная традиция, вы просто не поверите. Дети помнят наизусть семейную генеалогию на два столетия назад. Они отлично знают, на ком можно жениться и на ком нельзя.

Мария замерла, моргая в замутненном москитами свете фонаря.

– Наверняка случались ошибки. Женщины врали мужьям. Мужчины заводили подружек на стороне. Не могло же племя соблюдать стопроцентную осторожность.

– От таких ошибок зависело существование народа. Если бы были просчеты, никто бы не выжил. Мы не обнаружили ни одного случая аутизма, синдрома Дауна... – Снова он взглянул на нее тем же знакомым взглядом – как на трехрукое чудовище. – Или синдрома Лакноу.

Мария сжала кулаки и стиснула зубы.

– Извините?

– Синдром Лакноу. Ваш альбинизм. Я прав?

Она просто осталась стоять на месте – не завизжала, не влепила ему пощечину. Даже Хорас не знал этого названия. Предполагалось, что никто никогда не произнесет его вслух. Предполагалось, что оно останется таким же невидимым и смутным, как... она сама.

Н'Ликли неловко передернул плечами.

– Если у вас наблюдается синдром Лакноу, этнически ваша семья происходит с Берега Слоновой Кости. Аборигены были привезены в качестве рабов в Южную Каролину в конце восемнадцатого века, где перемешались с белыми, имевшими корни в графстве Корк, что в Ирландии. Обычная история для Лакноу. Скверное сочетание... – Он собрался с духом и продолжил: – Разве что вы – противник деторождения.

Мария смотрела на него, не в силах издать ни звука.

Ее прадед из Южной Каролины был «коричневым» – подобным образом в те дни обозначалась его несовершенная чернота, которую он приписывал крови своих бабушек. У его дочери родились белокожие, светлоглазые дети, и все в конце концов сошли с ума. Выжил только один ребенок – мать Марии, которая спятила позже других. После чего ее гены протестировали и выяснили, что ее собственная ненормально белая дочь вместо внуков может родить ей только чудовищ. Бледных, как личинки, скорченных, беспалых идиотов, которые, скорее всего, умрут, едва покинув материнское чрево.

– Да что вы о себе воображаете?! – яростно прошептала Мария.

– Есть лекарство, – ответил Н'Ликли. – По крайней мере, будет.

Он широким жестом указал в сгущающийся мрак, в сторону регистратуры.

– «Интернэшнл фармасьютикал» нужны эти люди, потому что их генеалогия тщательно задокументирована и абсолютно чиста. В их генах тоже есть мутация, она «восстанавливает» контрольные участки в ДНК зиготы. Это значит, что их гены можно использовать в качестве образцов, чтобы в корне устранять врожденные заболевания. Вплоть до эффекта старения. Среди них есть старуха ста с лишним лет с умом острее бритвы. И двенадцатилетняя девочка, чьи гены способны победить лейкемию. – Н'Ликли придвинулся ближе. – И парень, который станет источником для сотни новых вакцин. Он просто чудо какое-то – лекарство от всего. И все это мы потеряем, если ваш босс их отсюда не выпустит. А он может. У него есть полномочия.

– Звоните в свой «Фармасьютикал». – Мария услышала собственный дрожащий голос как бы со стороны. – Пусть примут меры.

– Я не могу, – тихо сказал чернокожий. – Проект закрытый. Нам даже не положено здесь светиться. Грузовик отбился. Нужно было давно перехватить их и доставить в южный квартал. А мы потратили на поиски целый день.

Он вытянул руки, словно собираясь обрушить на голову девушке все проклятья мира вдобавок к синдрому Лакноу, если она откажется помочь своей ложью.

– Помогите нам, – просто закончил он. – Скажите боссу, что с Ксавантиной все в порядке.

Мария не могла заставить себя ответить. Заставить себя поверить ему.

Н'Ликли подступил еще ближе.

– Вы не пожалеете, – шепотом обещал он. – Помогите нам, и я клянусь, что вы никогда об этом не пожалеете.

Она отвела его обратно в регистратуру и сказала Хорасу, что «Проект Хиллера» оказался законной операцией. Что в Ксавантине – отличные условия, соответствующие стандартам Департамента. Хорас поворчал, выкурил несколько сигарет и сделал ряд замечаний относительно парней, расценивающих базу Ксингу как дешевый мотель на трассе индустриального будущего Бразилии. Наконец около часа ночи он докурил очередную сигарету и отправился спать, оставив Марию разбираться с гостями.

Мария указала Н'Ликли и мексиканскому водителю, где устроиться на ночь, и отправилась в сектор С, желая поближе взглянуть на это Лекарство-от-Всего.

Конечно, Ксингу вовсе не являл собой рай земной, но для индейских беженцев зеленые участки леса с чистой водой и кострищами были не

хуже пятизвездочного отеля. И никаких решеток и оград – только те, что отгораживали друг от друга территории разных племен. Живучесть межплеменных конфликтов пострадала от нашествия винтовок и бульдозеров меньше, чем все остальное.

Мария наткнулась на штатного охранника, который какое-то время таращился на нее и наконец милостиво махнул рукой. Возле самого сектора С ей повстречался еще один молодчик – толстенький коротышка, водитель грузовика. Коренастый, с животом, выпирающим из-под хиллеровской форменной куртки.

При виде Марии глаза парня расширились, он даже перекрестился.

– Сюда нельзя.

– Я здесь работаю, – огрызнулась девушка.

– Они все спят, – неуверенно запротестовал охранник.

Однако Мария шагнула еще ближе, позволяя как следует разглядеть свое призрачно-белое лицо. Решительность бедняги стража испарялась с каждым мигом.

– Микробы, – сделал он последнюю попытку. – Вы занесете...

– У меня сделаны прививки, – спокойно отозвалась Мария и продолжила путь.

Они не спали. Было слишком темно, чтобы разглядеть детали, но из своего теневого укрытия Мария ясно различала семь-восемь человек, сидящих у ближайшего костра. Маленьких детей, измученных дорогой, уложили спать. А взрослые охраняли их сон от неведомых опасностей до самого рассвета.

Притаившись в листве, Мария прислушивалась. Пять веков изоляции не могли не сказаться на диалекте. Девушка с трудом узнавала отдельные слова, а правда о «Проекте Хиллера» вполне могла скрываться в том, что она слышала и не понимала. У нее был только остаток ночи, чтобы разобраться, не солгал ли Н'Ликли. Если да, Мария собиралась с утра отправиться к Хорасу и сделать признание. Назвать настоящее имя своей призрачной болезни, сказать, чем подкупил ее этот Н'Ликли. Хорас должен понять.

Глаза девушки слегка слезились от дыма костра. Разговор у огня уже велся на повышенных тонах и больше напоминал ссору. Какой-то юноша яростно размахивал руками, как будто гневался. В его ухе что-то поблескивало – похоже, серьга с рубином. Марии показалось, что она расслышала тупи-гуаранское слово, означающее «пленники».

Древняя старуха, сидевшая напротив юноши, ударила о притоптанную грязь клюкой. Огонь высвечивал в темноте ее полуобнаженное тело с иссохшими грудями и жесткими веревками мышц на руках. Кое-

где виднелись желтые полосы раскраски. И тот же рубиновый блеск на мочке уха.

Старуха еще сильнее ударила о землю клюкой, вздымая клубы пыли. Языки пламени взлетели кверху, и Мария разглядела за ее спиной еще полдюжины старческих лиц, обрамленных косами и птичьими перьями. Взгляды стариков были прикованы к мятежному юноше. Тот разразился яростным стаккато звуков, его голос от волнения делался все выше, срываясь на крик, – больше похоже на китайскую оперу, чем на любой знакомый Марии амазонский диалект. Старуха взмахнула обеими руками в безошибочно узнаваемом изгоняющем жесте. Очень выразительно. Юноша вскочил на ноги и бросился прочь от костра. Старики проводили его взглядами, только старуха яростно смотрела в огонь. Все молчали.

В полной темноте, тяжелой от влажного жара и роящихся москитов, Мария встала наконец с карачек. В носки ей уже наползли насекомые. Левая нога затекла, и девушка закусила губу – но оставалось ясное ощущение, что ее тело как-то изменилось. Как будто она стала плотнее и ярче, чем когда бы то ни было. Призрачной жизни пришел конец. Только что, на этом самом месте. Ее невидимость и их изоляция. Ее дети, от которых она так тщательно предохранялась, белые беспалые дети-мутанты, наполнявшие кошмарные сны столько лет подряд... Теперь они рассеивались, как дым, и Мария воспринимала темные деревья, грязь под ногами, кусачих насекомых – все вокруг, – как знак жизни и надежды, возрождения, исцеления.

Она обернулась – и увидела его лицом к лицу.

Юноша смотрел на нее тем же взглядом, что и все. Она в ответ глядела на его широко расставленные глаза и честный рот. Желтая раскраска лица и яркие перья попугая-ара. Красная серьга оказалась на поверку не ювелирным изделием, а маленькой ручной вышивкой или чем-то подобным – кусочек кожи, испещренный цифрами, покачивался от его дыхания. Мария попробовала убедить себя, что это не тот, о ком говорил Н'Ликли. Что это лицо и стройное тело не принадлежат Лекарству-от-Всего.

Но это было бы ложью.

Мои микробы, подумала она и инстинктивно шагнула назад.

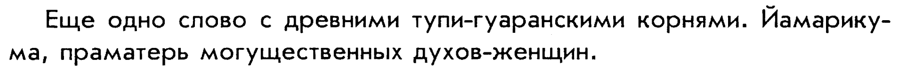
Юноша сделал шаг к ней навстречу и, запинаясь, заговорил по-португальски:

– Ты видеть, я говорить. Ты слышать.

Мария кивнула.

Он втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

– Пожалуйста. Забери меня отсюда, Йамарикума.



Еще одно слово с древними тупи-гуаранскими корнями. Йамарикума, праматерь могущественных духов-женщин.

Она развернулась и побежала.

Она сразу отправилась к Н'Ликли. Забарабанила в дверь кулаками, чтобы разбудить.

– Куда вы собираетесь их отвезти на самом деле? В Ксавантине нет ничего, кроме пары прогоревших каучуковых плантаций.

Чернокожий сгорбился на узкой койке, кутаясь в простыню.

– У «Интернэшнл фармасьютикал» там благоустроенная база.

– Эти люди знают, что вы собираетесь их... использовать?

Он протестующе скривил губы.

– Мы объяснили, что нам от них нужно, они это обсудили между собой. Они знают насчет плотины. И отлично понимают, почему нельзя остаться в Ипиранге.

– Тогда почему они воспринимают себя как пленников?

Н'Ликли резко выпрямился.

– Судите сами. Никакие они не пленники. Некоторым план действительно не понравился, но на всех не угодишь. Против воли мы никого не забираем. Мы поддерживаем с ними отношения около десяти лет. Мы даже объяснили им насчет Ксингу и вашей программы ассимиляции! Они не хотят в этом участвовать. Не желают, чтобы их разлучали.

– Обычно мы не разлучаем семьи.

– У вас есть где разместить целое племя – восемьсот семьдесят три человека? Устроить в Бразилии уютную маленькую колонию?

– Но ведь их всего...

– Это последняя группа, – отрезал Н'Ликли. – Мы свозим их в Ксавантину уже в течение месяца.

Мария опустилась на единственный в комнате стул.

– И я даже не могу расспросить их, чтобы узнать, говорите ли вы хоть слово правды.

Он только передернул плечами.

Мария перевела дыхание.

– Что же мне остается? Сидеть и ждать, пока «Интернэшнл фармасьютикал» придумает лекарство от синдрома Лакноу?

Н'Ликли поскреб подбородок.

– Чтобы родить нормальных детей, вам не обязательно лечиться от Лакноу. Просто нужен правильный отец.

Она смотрела на него во все глаза.

Н'Ликли, напротив, таращился в пол.

– Мы ведь берем не только анализы крови. Я могу прислать вам



кое-что через пару недель. В замороженном виде, конечно, и применить нужно будет сразу по получении. Я вышлю инструкции...

– Вы что, собираетесь прислать мне сперму?

– А как еще? Не хотите же вы, например, лично с носителем...

– О Боже!

Н'Ликли мрачно смотрел ей в спину, пока она шла к дверям.

– И что вы собираетесь делать? Доложить своему боссу?

Мария остановилась. Глубоко засунула руки в карманы. Взглянула на него, на противомоскитную сетку, на сырую казенную комнату. Йамарикума. Черт побери.

– Проклятье, – выговорила она наконец. – Вам лучше убраться отсюда с рассветом.

Хиллеровский грузовик в самом деле выкатил за ворота на рассвете. На этот раз впереди него ехал джип.

Мария наблюдала за отъездом, и не думая прятаться. Н'Ликли отсалютовал ей рукой, нервно оглядываясь, – должно быть, опасался Хораса. Водитель-мексиканец нажал на газ, и джип как-то слишком быстро запрыгал по ямам и ухабам немощеной дороги.

Грузовик затарахтел следом. Все лица из открытого фургона повернулись поглазеть на Марию.

Лекарства от синдромов Альцгеймера, Дауна, Лакноу, от всех видов рака ограждали себя охранительными жестами против духов, перешептывались – но не выглядели испуганными. Не выглядели они и обреченными узниками. Скорее уж усталыми путешественниками – измотанными, но полными готовности доехать до места назначения.

Только один выглядел иначе.

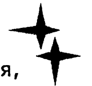
Лекарство-от-Всего перегнулся через борт грузовика.

– Йамарикума! – крикнул он во все горло. – Йамарикума!

Юноша вцепился в деревянный бортик, когда фургон тряхнуло на ухабе при выезде за ворота. Машина уже скрылась из виду за холмом, а Мария все слышала этот крик.

Она постояла в сероватом утреннем свете, вдыхая запах влажной земли, и почувствовала, что ее тело будто бы снова истаивает. Странное ощущение – словно сквозь тебя проходит ветер.

Девушка знала, что должна вернуться в регистратуру и все рассказать Хорасу, но боялась. Теперь совершенно ясно: нужно было заставить этих хиллеровских ребят остаться. Даже если Н'Ликли не солгал, ей следовало отправиться к индейцам, спорившим у костров, и выяснить все у них самих. Если Лекарство-от-Всего кое-как говорит на португальском, должны найтись и другие знатоки.



Неужели призрачное существование довело ее до такого отчаяния, чтобы предать саму себя, свою работу, жизнь, друзей и коллег – ради лекарства? Ради пробирки с замороженной спермой?

Да. Именно так.

Мария пошла прочь от ворот, от затихающих вдали звуков грузовика. Слишком поздно, сказала она себе – и тут же почувствовала, что это ложь.

Не сказав никому ни слова, она выехала на внедорожнике «тойота», покуда не развеялось облачко выхлопов хиллеровского грузовика. «Тойота» была самой новой машиной в Ксингу и единственной, чей бак оказался полон. Мария вела автомобиль вниз по склону грязного холма по следам фургона. Вряд ли до Ксавантины много дорог.

Уже через полчаса впереди показался грузовик. Однако Мария старалась следовать за ним незаметно, оставаясь на пределе видимости. Изрезанная колеями почва джунглей Ксингу сменилась полным бездорожьем, и в лесу Мария подобралась к грузовику чуть ближе. Они проезжали угрюмые деревеньки индейских переселенцев и добытчиков каучука, влачивших нищенское существование на задворках местных плантаций. И участки нетронутых девственных лесов, где визжали обезьянки и сверкающие опереньем попугаи вспархивали с деревьев вспышками чистого цвета.

Через четырнадцать часов после выезда из Ксингу, после захода луны, грузовик свернул с шоссе местного значения до Ксавантины на грунтовую дорогу вдоль узкой реки. В полной темноте машина круто забрала вправо и наконец остановилась.

Мария затормозила у последней группки деревьев. Впереди хлопнули автомобильные двери, наступила краткая пауза. Потом над головой загорелись фонари, и Мария увидела грузовик и джип – они стояли на площадке перед решетчатой оградой. Сгрудившись у заднего бортика, индейцы всматривались в темноту, на что-то указывая друг другу пальцами, пока Н'Ликли отпирал ворота, чтобы машины могли проехать.

Различить, что это за место, было невозможно. Мария согнулась за рулем, плечи ее невыносимо ныли, в голове стоял ровный шум. Она устала так сильно, что даже не хотела кофе. Закурив последнюю сигарету, девушка глубоко затянулась, пытаясь вдохнуть немного энергии и свежих мыслей. Н'Ликли захлопнул ворота, запер их, проверил засовы и исчез в темноте.

Фонари погасли в одно мгновение, оставив Марии только тлеющий кончик ее сигареты. Она еще немного выждала, зажгла свет в автомобиле и потянулась к заднему сиденью, где лежал ящичек с инструмен-



тами. Мария рылась в нем, позвякивая чем-то, пока не извлекла на свет мощные кусачки для металла.

Сразу за воротами дорога переходила в пустырь со следами гусениц бульдозеров. Тростник и молодые деревца поднимались густой чащей по плечи высотой. Мария пробиралась сквозь темноту, вспугивая тучи мелких насекомых. Наконец впереди замелькали сернистого цвета огни фонарей, и с вершины следующего пригорка она заметила очертания «благоустроенной базы».

Нагромождение приземистых, безоконных бараков вокруг огороженного внутреннего дворика. Недостроенная тюрьма? Решетка из толстенной проволоки поблескивала под фонарями.

Мария боялась наткнуться на собак, однако лая слышно не было. Она пробиралась сквозь тростник, опасаясь змей, но потом решила, что Н'Ликли и его коллеги-кровососы наверняка очистили территорию от ядовитых тварей во избежание случайных потерь в драгоценном генофонде. Вся эта история пробуждала в ней дикую ярость: на них — за столь бессовестную эксплуатацию — и на себя саму — за свою отчаянную нужду в их открытиях.

Мария обошла строения по периметру, ища незаметную лазейку во внутренний двор. Ограждения были совершенно новыми и крепкими, наверняка некоторые под током. Когда она прошла уже почти полный круг, вернувшись на исходную позицию, в глаза девушке бросился ряд низких зарешеченных окон на первом этаже одного из бараков.

Внутри никого не было. Огни светили тускло, явно только ради безопасности. Мария вскарабкалась на грязный наружный подоконник, держась обеими руками за решетку.

Вдоль стены просторной белой комнаты шли ряды современных столов с новыми компьютерами. В другом конце помещения была маленькая лаборатория с рядами пробирок и центрифугой. Стены покрывали цветные генетические схемы. Желтые линии переплетались с красными, производя оранжевый цвет. Ярко-розовые пояснительные пометки цепочкой следовали вдоль одной из линий и кончались тупиком вписанного от руки вердикта и толстой черной стрелкой. Мария могла различить надпись без особого труда: «Аутизм».

Беспалые мутанты. Ее призрачные дети.

Она спрыгнула с подоконника и тихо пошла по жесткой траве к проволочной ограде.

За забором у ближайшего барака виднелись огни. Темные силуэты людей застыли у костерков. Мария поняла, что готовилась застать туземцев в положении узников, которых запирают на ночь и держат под



надзором. Вместо этого она чувствовала запах дыма, слышала приглушенные голоса. Прозвенел женский смех. Заскулил ребенок, но вскоре успокоился. Кто-то постукивал в барабан.

Она тронула ограду тыльной стороной ладони, проверяя наличие тока.

Тока не было.

Она вслушивалась, ожидая сигнализации... Тишина.

Кто-то у костра пропел куплет песенки. Ее подхватили детские голоса. В первый раз Мария осознала гнусность своих намерений.

Лекарство от всего. Не только от Лакноу.

Она вытащила кусачки и принялась трудиться над оградой. Генные схемы. Аутизм. Пронзительный голос, кричащий «Йамарикума!». Все это было неправильно. Ужасно.

Они увидели ее сразу, как только она пролезла сквозь дыру в ограде. Пение и болтовня стихли. Мария выпрямилась, отряхнула колени и подошла к ближайшему костру – достаточно близко, чтобы дать себя разглядеть, но не вплотную, чтобы не выглядеть угрожающе. Лекарство-от-Всего приветствовал ее быстрым упрямым кивком, однако не встал навстречу. Вскочили другие – узнав ее лицо, ее снежную кожу.

Иссохшая старуха, которую Мария видела в Ксингу, прихромала от дальнего костра, опираясь на свою клюку. Она хмуро взглянула Марии в лицо и заговорила на ломаном португальском:

– Мы тебя видели в Ксингу. Ты Йамарикума. Зачем ты пришла?

– Я пришла, чтобы помочь.

– Помочь нам – в чем? – продолжала старуха.

– Вы не должны оставаться здесь, – выговорила девушка. – Иначе вам, вашим детям и внукам уже никогда не дадут уйти.

Старуха и вслед за ней еще с полдюжины стариков посмотрели в сторону Лекарства. Не слишком-то дружелюбным взглядом.

– Что это значит? – все еще по-португальски обратилась старуха к юноше. – Теперь ты призвал духа, чтобы спорить за тебя?

Он ответил на своем языке. Марии его голос показался мрачным.

– Вы понимаете, зачем вы здесь? – продолжила она. – Эти люди... – Девушка махнула рукой в сторону темнеющих корпусов. – Им нужна ваша кровь, ваши...

Наверное, для них «гены» значит «души».

– У вас есть... особый талант бороться с болезнями, – сказала наконец Мария. – Вот зачем им нужна ваша кровь.

Настороженные глаза смотрели от всех костров.

Старуха кивнула.

– И что же в этом такого дурного?



– Вы никогда не сможете вернуться домой, – ответила Мария.

Старуха презрительно фыркнула.

– Дома нас пытались перестрелять. – Она ткнула клюкой в костер. – Мы боимся туда возвращаться.

– Но здесь мы как животные! – Лекарство неожиданно вскочил на ноги. – Мы – пленники!

– Это мы уже обсуждали, – резко оборвала его старуха и повернулась к Марии. – Мы приняли решение несколько месяцев назад. Мы сказали, что он может уйти, если хочет, но он все равно остался. А теперь он вызывает духов, чтобы они поддерживали его в споре против всех. Безопаснее места у нас не было много лет. Здесь в нас не стреляют. Мы только должны носить их уродливые украшения. – Она коснулась рукой красной серьги в ухе. – И мы отдаем им немного крови. Просто царапина.

– Вас держат в клетке, – возразила Мария.

– Это мне тоже не по душе, – кивнула старая индианка. – Хотя вы, должно быть, заметили, что клетка большая. А главное, разбойники и убийцы остались снаружи.

Лекарство ткнул пальцем в сторону Марии и разразился быстрой неразборчивой речью. Девушка смогла вычленить только слово «Ксингу».

Старуха внимательно смотрела на гостью.

– А что ждало бы нас в Ксингу?

– Мы бы научили вас, как стать частью современного мира. Показали бы, как работать на ферме или жить в городе, если бы кто-то из вас этого захотел.

– А в вашем современном мире есть ружья?

Вопрос прозвучал слегка снисходительно. Мария почувствовала, что на спине выступает холодный пот.

– Вы сами знаете, что есть.

– А нам бы позволили остаться вместе, всему племени? – снова спросила старуха.

– Иногда бывает невозможно оставить всех, но мы стараемся.

Старая индианка широким жестом указала во тьму.

– Мы не потеряли ни одного человека по дороге сюда. Ты говоришь, что в Ксингу нам этого не могут гарантировать. Так?

– Так, – просто сказала Мария.

– Зато мы будем свободны. Так?

Мария не ответила.

Старуха яростно взмахнула рукой.

– Дух Йамарикума, тебе пора уходить. Если ты на самом деле то, чем кажешься.



Она закрыла глаза и принялась что-то напевать себе под нос – должно быть, заклятие, изгоняющее духов.

Лекарство вдруг выпрямился.

– Я ухожу. Вместе с Йамарикумой.

Старуха кивнула, не прерывая бормотания. Похоже, ей нравилось, что он наконец-то принял решение.

Лекарство сделал шаг от костра. Он прошел – нет, скорее прошествовал мимо своих молчащих товарищей, родичей, может быть, даже жены. Никто не сказал ни слова, не пролил ни слезинки. Юноша подошел к Марии и встал рядом с ней.

– Я не вернусь.

Старая индианка запела чуть громче, как будто стараясь заглушить его слова.

Когда они подошли к «тойоте», Мария открыла дверь с пассажирской стороны и кивком велела ему садиться. Юноша сел и захлопнул дверцу. Девушка медленно обошла вокруг машины, чтобы дать себе время перевести дыхание. Сердце ухало, голова казалась легкой и пустой, как во сне. В левом зеркальце бокового обзора было видно лицо юноши. Он яростно тер вспотевший лоб, словно хотел начисто стереть кожу.

Марии казалось, будто она могла протянуть руку в ночь и нащупать единственно верную невидимую дверцу в следующий день. Этот юноша был драгоценным призом, ее выигрышем. Впервые ей стало интересно, как же его зовут.

Она села за руль рядом с пассажиром, включила зажигание и взглянула на свое отражение в зеркале заднего вида. Белое, расплывчатое лицо призрака.

– Что-то не так? – спросил пассажир.

– Нет, все хорошо, – отозвалась она и нажала на газ. Автомобиль с урчанием покатился в полную звенящих насекомых темноту.

Вскоре, когда они выехали с разбитой колеи на асфальтированное шоссе, сосед тронул ее бедро горячей ладонью. Мария продолжала вести машину и смотрела на полосы света от фар, исчезающие в ночи. Она остановилась только при выезде на основную трассу и, не глядя на юношу, протянула руку, чтобы коснуться его пальцев.

– Мы едем в Ксингу? – спросил он, как ребенок.

– Нет. У меня нет пути назад.

– У меня тоже, – отозвался он.

И дал ей поцеловать себя. И еще раз. И еще.

Перевод Анастасии Дубининой

Александр Тюрин

ЭСКАДРОН ГУСАР ЛЕТУЧИХ

После того, как петербургский фантаст Александр Тюрин на неопределенный срок поселился в Германии, он почти исчез с российского издательского горизонта. А ведь начинал очень мощно, получил премию «Старт» (за сборник повестей «Клетка для буйных», созданный в соавторстве с А.Щеголевым), числился в Семинаре Бориса Стругацкого, выпустил девять книг. Однако трудности постперестроечного быта могут подкосить хоть кого... И все-таки писательского дарования Александр не утратил. В последние месяцы его произведения снова издаются в России — пока в журналах... Миниатюра, которую предлагает вашему вниманию «ЗД», входит в цикл «НФ-хокку». Кажется, этот рассказик нисколько не расходится со словами автора о том, что его творчество «серьезно по смыслу и довольно стебно по форме».

Над столом в морге включился свет, и профессор Осмысловский почувствовал, как страх бьется у него где-то под горлом. Впрочем, спокойные деловые голоса судмедэксперта и следователя Ползикова пролились киселем на взбудораженные нервы профессора и заставили их успокоиться.

– Гражданин этот, представьте себе, погиб от удара настоящей саблей, – не без хвастовства сказал медэксперт. – Если точнее, после удара саблей он протянул еще пару минут, не больше. Обратите внимание на характер раны. Узкая, но глубокая. Рассечена сонная артерия, перебит позвонок. Почему сабля? Потому что простым топором хрен по шее попадешь. Попробуйте, если не верите.

– А почему не нож, охотничий или там большой кухонный? – поинтересовался Ползиков.

– Вы уж простите меня, но как это вы ножом голову оттяпаете? Кон-



фигурация раны указывает на то, что клинок был достаточно тяжелым и что удар наносился сверху и наискосок – как будто с лошади. Так что я бы на вашем месте обратил внимание на чеченцев.

– Я уже думал на эту тему, – поделился Ползиков. – Полистал дела, связанные, так сказать, с гражданами кавказской национальности. Дел много, но что уж точно – сабли и лошадей они с собой не возят. А вы что думаете, профессор?

– Я вам уже говорил, господин капитан, что не считаю себя специалистом в области холодного оружия, – несколько натянуто отозвался профессор и вздернул академическую бородку.

Ползиков бросил на стол пакетик, в котором лежал... старинный офицерский аксельбант.

– Но в этом вы определенно специалист. Сия деталь офицерского обмундирования была зажата в руке убитого гражданина. Ну, как будто он ухватился за этот аксельбант и сорвал его с мундира убийцы, перед тем как схлопотать саблей по шее.

– Изначально этот аксельбант принадлежал воину из лейб-гвардии Царскосельского гусарского полка, – сказал Осмысловский. – Этот полк почти полностью полег в 1916 году на полях Галиции.

– Смотрите, профессор. – Ползиков провел пальцем по воздуху и протянул бинокль. – Там лесопарк, перед ним капустное поле, справа грунтовая автодорога. Следы от копыт десятка лошадей появляются на том конце поля и вдруг исчезают на этом конце. Убийство произошло неподалеку от грунтовки. Там еще обнаружились следы двух автомашин импортного производства, предположительно популярной марки «мерседес-220». Как будто между теми гражданами, кто двигался на копытных животных, и теми, кто ехал на «мерсах», произошла, грубо говоря, разборка. Из-за чего, по-вашему, могли бы повздорить, скажем, лейб-гвардии гусар и, допустим, бандит с золотой цепочкой на шее и стриженым затылком?

– Из-за всего, – кратко отозвался профессор. – Понятия о чести слишком уж разнятся. Только никаких гусар давно уже не существует в природе. Может быть, это постарались какие-нибудь благородные мстители из военно-исторического общества? Есть же такие ряженые, даже потешные бои устраивают.

– Профессор, дорогой, у ряженых нет боевого оружия, и они им на самом деле не владеют. Кроме того, у них плохо с лошадьми. И даже самые разблагородные мстители не появляются ниоткуда и не исчезают никуда.

– Я не физик, господин капитан.



– Вы историк, товарищ Осмысловский. Мне о вас много хорошего говорил один человек.

– Какой человек? – строго вопросил профессор.

– Один арестованный за кражу предметов антиквариата. Он выражался о вас в превосходной степени как об эрудите, чуть ли не энциклопедисте. Но вы это не берите в голову, он уже давно сидит, а ваша фамилия у меня просто в памяти отложилась... Как, кстати, погиб этот самый гусарский полк? Вы, должно быть, в курсе.

Профессор помедлил.

– Несколько эскадронов из Царскосельского полка словно корова языком слизнула. Исчезли бесследно, сгинули без вести. Таких таинственных случаев было немало в истории Первой мировой, особенно в 1916 году. Пропал один британский батальон, несколько немецких и австрийских рот. Но этому всегда находились вполне разумные объяснения. Тогда ведь переносные радиостанции еще не применялись. Если подразделение попадало, скажем, под шквальный огонь противника или под кинжальный удар кавалерии, оно могло полечь полностью за несколько минут и не дать никому никакой весточки... Что, в общем, известно достоверно о судьбе Царскосельского полка? Он должен был нанести фланговый удар по наступающим силам австро-венгерцев. Часть гусар следовала через небольшой заболоченный лесок. И они уже никогда не вышли оттуда. Что любопытно, в это же время и примерно в этом же месте пропала австрийская егерская рота... Собственно, мне больше нечего сказать.

– Что еще интересного происходило в 1916 году? – Ползиков достал из кармана блокнот.

– Битвы под Верденом и на Сомме. Более миллиона убитых с обеих сторон. Впрочем, ни одна сторона не получила стратегического преимущества. Провал турецкой, то бишь галиполийской, экспедиции британцев – четверть миллиона убитых только с их стороны. Как видите, Европа успешно истребляла сама себя, так что все позднейшие войны, революции и деградации – только последствия Первой мировой, на которой полегли лучшие: самые благородные, храбрые, честные и, пожалуй, самые добрые... Зачем я вам только это говорю, конечно же, вас это не очень-то волнует. Может, поедем уже обратно в город?

– Я смотрю, вы до сих пор принимаете события Первой мировой довольно близко к сердцу... Однако меня многое интересует, профессор. Что еще замечательного происходило в этом роковом шестнадцатом? Может быть, что-то не связанное напрямую с войной?

– В области балета, что ли? Ну, была обнародована общая теория



относительности Альберта Эйнштейна, хотя, по мнению некоторых исследователей, создана она была куда раньше. Эйнштейн был странный человек на наш взгляд, он не торопился с обнародованием своих открытий. К 1916 году он, например, выдвинул гипотезу отрицательной гравитации, но о ней широкая научная общественность так и не узнала. И, собственно, после 1916-го, можно сказать — вплоть до самой своей кончины Альберт Германович над чем-то усиленно работал, но результаты этой работы нам неизвестны.

— Ах вот как. Жалко. — Ползиков удрученно прищелкнул языком и сунул блокнот в карман. — Вот незадача. Можно представить, чего мы лишились... Ну, ладно, пойдемте к машине.

— Знаете что, господин капитан. Я еще немного прогуляюсь, места-то больно приятные глазу, а потом поеду на электричке.

Перед профессором стояли трое. Маленький крепыш, «шкаф» среднего роста и верзила. Несмотря на ужас, комичность ситуации тоже чувствовалась.

— Это тот, который с ментом приехал, — ткнул пальцем «шкаф».

Маленький крепыш сделал шаг вперед, немного покачал головой из стороны в сторону, как будто что-то разглядывая на лице профессора, а потом врезал.

Оглушенный профессор прислонился к забору и попытался проглотить кровь, заполнившую его рот, — плеваться ведь неприлично, он ведь никогда не плевался, по крайней мере на улице.

— Ну что, мусор, приссал? Это только разминка была, сейчас мы тебя мочить всерьез начнем, — предупредил верзила.

Главное — не терять достоинства, смотреть мучителям в глаза, проглотить наконец эту кровь.

— За что? — спросил Осмысловский.

— Конкретно за Саньку-Акулу, которого твой Ползиков посадил.

— Я не милиционер, я вашу акулу не то что не сажал, даже в море не видел.

— А нам плевать. Ты с ментами знаешься, значит, типа ответишь.

Профессор увидел, что между этими тремя монстрами и забором остался еще промежуток метра на полтора.

Осмысловский качнулся, словно собираясь упасть, а потом скользнул вдоль забора мимо мучителей. Кто они — уже бандиты или просто хулиганы? — думал профессор на бегу.

Трое то ли бандитов, то ли хулиганов припустили следом.

Вскоре стало ясно, что бег не является их сильной стороной.

Или они как будто не торопились.



Но и профессор чувствовал, как что-то все больше сдавливает его мечущееся сердце: всего две недели назад он вышел из больницы после приступа стенокардии.

Тяжелый удар в спину опрокинул его навзничь. Осмысловский вывернул голову набок и увидел, как верзила готовится влепить ему ногой под ребро...

Резкая боль пронзила профессора сбоку, и он поперхнулся своим дыханием.

«Я не могу больше дышать. Я сейчас умру».

Бандит похаживал рядом и готовился нанести еще удар, подошел поближе и маленький крепыш. Верзила вежливо пропустил товарища, и тот ударил профессора с другой стороны.

Как будто что-то лопнуло внутри, и горячий поток вместе с тошнотой устремился к горлу. Белесый туман застил взор профессора, сделал плоским и мало различимым мир вокруг. Но и сквозь эту плоскость рельефно проступал грязный носок ботинка. Носок приподнялся, отплыл назад...

И вдруг... стук копыт и храп коня. Нога не ударила его. Нога хулигана принялась удирать вместе с другими хулиганскими ногами.

Осмысловский приподнял голову. Всадник на рослом гнедом коне нагонял убегающую бандитскую тройку. Послышался свист шашки, и верзила улегся навзничь в грязь. Двое других бандитов перевалились через забор и исчезли.

– Куда его, господин поручик? – послышался молодой голос с непривычными интонациями.

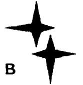
– Не знаю, но и оставлять его здесь нельзя, кажется... у него повреждено легкое.

Профессор увидел склонившегося воина в исторической гусарской форме, со смешными подкрученными усами. Рука воина поднесла к его лицу отнюдь не исторический спрей. Возникло серебристое облачко, которое вошло внутрь и насытило легкие кислородом, распространилось по телу и как будто поглотило боль.

Профессора усадили в седло, и руки словно примагнитились к луке, а ноги были как будто притянуты стременами.

Конь повернул голову и посмотрел дружелюбным взглядом на седока. Это животное не нуждалось в командах и понуканиях, оно вполне самостоятельно понесло Осмысловского. Конь проскакал по топкой проселочной грязи, а потом перед ним вдруг возник обрыв.

Профессор не успел испугаться, самостоятельное животное прыгнуло – и мир свернулся. Но на смену ушедшему миру мигом развернулся другой.



Красные, не приглаженные ветром скалы роняют размытые тени в бездонный каньон; оранжевое высокое небо; в него упирается чудовищный горный пик.

Это была не Земля. Это был... Марс, каньон Валлис Маринерис, та гора называется, кажется, Олимп. Это Марс без сомнения, такое маленькое смешное солнце из-за горы выглядывает, и звезды просматриваются. Однако на этом Марсе люди могут жить без скафандров и даже кататься на умных лошадках.

«Это смертный сон, – сказал себе профессор. – Поздравляю, я – труп».

– Черт, я уж думал вы – покойник, все морги обзвонил. Вернее, программа у меня на компьютере стоит, этим делом занимается. – Ползиков улыбнулся, что с ним случалось не часто. – А вы, оказывается, на отдыхе были. Вот загаром украсились. Или моркови переели. Оттенок какой-то оранжевый. Где ж вы были-то?

– На Марсе. – Осмысловский тоже улыбнулся, что с ним бывало тоже не часто.

– Вы... Я знаю, вы никогда не шутите. Зачем вы с ума-то сошли, профессор? Это так несвоевременно, – укоризненно произнес милиционер.

Осмысловский распахнул пиджак. Под ним был каркас-экран, наглядно представляющий состояние костей и органов грудной клетки с помощью картинок и диагностической информации.

– На ребре уже костная мозоль образовалась, и селезенка срослась – это нанороботы постарались.

– У нас... – Длинный Ползиков сел на табуреточку, как будто сложился.

– У нас такое, может, где-то и делают миллионерам, но марсиане сделали это мне, простому профессору.

– На Марсе не может быть жизни, товарищ профессор.

– А ее там и нет, господин капитан. Я имею в виду, своей собственной... Представьте себе. 1916 год, кругом мясорубка, пехота с ужасом в глазах ходит в обреченные атаки на пулеметы. Эйнштейн уже несколько лет как создал теорию отрицательной гравитации, а сейчас построил Макет, который может высвободить минус-гравитационные силы – при условии получения Начального Импульса. Вероятность получения Импульса всерьез даже не просматривалась, но он пришел – ну, примерно как кредитная карточка от таинственных, но могущественных организаций. И установка сработала весьма нелинейным образом.



– Что это за бяка такая, отрицательная гравитация? Это когда конные и пешие начинают вдруг живьем возноситься на небо? – без всякого воодушевления спросил Ползиков. На его лошадином лице было четко написано: «Только этого нам еще не хватало».

– Я уже, кажется, говорил, что я не физик. Но что точно – дело не ограничивается вознесением на небо. Собственно, к 1916 году Эйнштейн уже отказался от термина «отрицательная гравитация» и использовал слова «телепортационная трубка». Знаете, это, скорее всего, клонирование реальности. Клон реальности, существующей в точке А, переносится куда угодно во времени и в пространстве, в некую точку В... У них там, в марсианской точке В, есть земной воздух и вода и другие элементы земной реальности. У них там, в марсианском царстве-государстве, прошло немало лет после 1916-го – однако меньше, чем у нас. При этом скачок в своем развитии марсиане сделали куда больший, чем мы: и в технике, и в литературе. Хотя от лошадок, кстати, не отказались.

– Прямо утопия какая-то.

– Хотя именно ее они не хотели строить. Скоро эта утопия вернется к нам обратно, потому что заряд негагравитационной энергии иссякнет. Я думаю, многим здесь не поздоровится. Потому что у гусар, как я уже говорил, другие понятия о чести.

Где купить «Звездную дорогу»?

В Москве – в магазинах «Библио-Глобус» (ул. Мясницкая, 6, ст. м. «Лубянка»), «Молодая гвардия» (ул. Б. Полянка, 8, ст. м. «Полянка»), в Доме книги «Пресня» (ул. Красная Пресня, 14, ст. м. «Краснопресненская»), «Доме книги в Сокольниках» (ул. Русаковская, 27, ст. м. «Сокольники»), в сети «Новый книжный» (ул. Маршала Бирюзова, 17, ст. м. «Октябрьское поле»; ул. Сходненская, 50, ст. м. «Сходненская»; Пролетарский просп., 20, ст. м. «Кантемировская»; ул. Декабристов, 12, ст. м. «Отрадное»; ул. Митинская, 48, микр-н Митино; Комсомольский просп., 28, ст. м. «Фрунзенская»; Солянский пр-д, 1, ст. м. «Китай-город»), а также на книжной ярмарке в спорткомплексе «Олимпийский»;

в Санкт-Петербурге – в сети «Книжный салон» (Невский просп., 94, ст. м. «Маяковская»; центр «О'Кей», ст. м. «Озерки»; Будапештская ул., 71, ст. м. «Купчино»; 6-я линия Васильевского острова, 25, ст. м. «Василеостровская»; Большой просп. Петроградской стороны, 86, ст. м. «Петроградская»).

По вопросам приобретения журнала **в других городах** обращайтесь в отделения фирмы «Ода»: Владивосток – «АП ОДА» (т. 4232 23-52-02); Санкт-Петербург – «Нева-Пресс» (т. 812 324-67-40); Ростов-на-Дону – «АП ОДА» (т. 8632 53-19-17); Новосибирск – «АП ОДА» (т. 3832 18-08-53); Пермь – «АП ОДА» (т. 3422 105-193); Самара – «АРПИ-Самара» (т. 8462 53-56-97); Краснодар – «Юг-Пресс» (т. 8612 65-19-91); Уфа – «АП ОДА» (т. 3472 52-35-22); Волгоград – «АП ОДА» (т. 8442 33-73-94).



Кроме того, «Звездную дорогу» 24 часа в сутки можно заказать **в интернет-магазине** «RusHall» (http://www.rushall.ru/).

Мы приглашаем вас к звездам!

Елена Хаецкая



МОРИЦ И ЭЛЬЗА

Талант Елены Хаецкой уникален, других таких в российской фантастике нет. Популярность к этой писательнице пришла после первой же книжки (роман «Меч и Радуга»), а культовый статус обеспечили два цикла — Лангедокский (мистические произведения на материале европейского Средневековья) и «Вавилонские хроники» (для них характерно постмодернистское смешение времен и реалий). Сегодня Хаецкая пишет романы и рассказы об «альтернативном» СССР, воссоздавая, как признается она сама, «мир советских курортных комедий 50-х годов, когда все ищут среди клумб жену профессора». Впрочем, как станет ясно после знакомства с «Морицем и Эльзой», этот мир бесконфликтным не назовешь...

Dahin!.. dahin!..
I.-W.Goethe

– Миссис Бичер-Стоу совершенно убедила меня в том, что негров необходимо освободить! – воскликнул Мориц фон Рутмерсбах, роняя на одеяло «Хижину дяди Тома». – Но как, черт возьми, как?!

Он заложил руки за голову и задумчиво посмотрел на свои ноги в шерстяных носках, задранные на спинку кровати. Казенная кровать, очень голодная на вид, явно намеревалась тяпнуть его за пятку. Вон – и пружиной уже нацелилась...

Со стены, прикрепленные кнопками, смотрели двоюродные предки – партизан 1812 года Александр Фигнер из журнала «Огонек» и революционерка Вера Фигнер, похищенная из пионерской комнаты школы номер 75 Петроградского района. Тоже, видать, о неграх призадумались.

Настоящая фамилия Морица была Фигнер фон Рутмерсбах. Шесть



лет назад, получая паспорт, Мориц чрезвычайно утомил паспортистку, настаивая, чтобы частичку «фон» вписали ему в документ. Нависая над высокой, покрашенной в коричневый цвет перегородкой, он ломким, вороньим голосом втолковывал, что раз все его предки были «фонами», то и ему положено.

– Что, и папа твой – «фон»? – поинтересовалась паспортистка, привыкшая отбивать атаки бестолковых пенсионеров и потому никогда не терявшаяся.

Юный Мориц побагровел.

– При чем тут мой папа? – начал он, но тут очередь начала шуметь: «Молод еще! Фон-барон! Немчура! Нашел, чем гордиться!»

Мориц плюнул и ушел. Он действительно был немец и барон, но в паспорт никакого «фона» ему так и не вписали.

Послешкольная биография Морица состояла из трех решительных зигзагов. Во-первых, он поступил в университет. Во-вторых, почти сразу безоглядно влюбился, отчего не успел сдать курсовую и был отчислен со второго курса. В-третьих, он попал в армию, но не в героический Кандагар, откуда был шанс вернуться Печориным, а под Кострому.

В армии у него были друзья: некто Борода (на тот момент без бороды), тоже из университета, и Заза с профилем принца и глазами оленя, которого по первому году очень били за полное незнание русского языка.

Потом армия закончилась. Заза навсегда уехал обратно в горы, Борода опять восстановился в университете, где учился с перерывами уже десятый год, а Мориц в самый последний момент попал в одну академическую экспедицию на Кольский полуостров.

Задачей экспедиции был сбор веских научных доказательств вреда спуска в северные озера концентрированной серной кислоты. Чтобы утверждать это не голословно, а с цифрами и фактами на руках.

Все лето Мориц кормил сотрудников склеенными макаронами и скелетиками килек с вылезающими из орбит глазками – белыми и как бы удивленными. К концу сезона оказалось, что Мориц, противу всех ожиданий, не заработал на Севере ни гроша, а напротив – остался еще должен десять рублей, поскольку с него, как и со всех прочих, вычитали за питание. Мориц охотно поглядел на столбики цифр и кивнул: он ничего не понял, но начальник экспедиции ему нравился. При прощании Морицу объявили, что выданный в начале сезона ватник он может оставить себе.

Мориц сунул ватник в крафт-пакет, пожал руки двум-трем товарищам и растворился в шумном городе – долговязый и белобрысый, стопроцентный фриц, каких показывают в старом кино про войну.

Осень и зиму Мориц провел у Бороды – в подвале на Дворцовой площади. Борода трудился там дворником. Мориц иногда помогал ему, однако крайне нерегулярно: в библиотеке он набрал гору книг и читал их с утра до вечера.

Весной, объявив, что теперь ему «все ясно», Мориц взял с собой ватник, портреты предков, недочитанную «Хижину дяди Тома», двадцать рублей денег и ушел на Варшавский вокзал.

Был конец мая, двадцать восьмое число. В ноль часов пять минут скорый поезд номер 25 помчался в Варшаву, как спущенный с поводка пес. Вскоре огни большого города погасли, за окнами настала черная кромешная ночь, в вагонах все спали, только шептались на нижней полке две женщины, рассказывая друг другу всю свою жизнь, да возле туалета приглушенно булькали несколько печальных алкоголиков.

А потом настало утро – впрыгнуло в мутные окошки пятнистой зеленью. Мориц вышел в тамбур и закурил.

Тем временем показался и наш городок. Поезд стал замедлять ход. Проплыл окраинный дом, какое-то похожее на барак здание, затем – переезд, возле которого топтался одинокий «ГАЗ», еще медленнее – кладбище, костел, сосенки. Стоп.

Мориц курил в тамбуре и смотрел на маленький костел в жидких сосенках. Две минуты стоянки тянулись вечно, и когда поезд, вздохнув, медленно оттолкнулся от перрона, Мориц внезапно шагнул на землю – так стучатся в первую попавшуюся дверь. Набирая ход, поезд уходил, уходил, позвякивая чайными стаканами, – все шестнадцать вагонов равнодушно скользнули глазами по ничтожному нашему городку и тут же позабыли о нем.

Вскоре земля поглотила перестук колес, и тотчас взревел «ГАЗ», а потом стало одуряюще тихо. Мориц стоял на мазутной земле, вдыхая запах теплых шпал, а городок уже приглядывался к нему: приостановилась, проходя по тропинке над насыпью, женщина в желтом платье; солнечный луч, прыгнув в оконце под крышей костела, мазнул по глазам...

Мориц побродил по леску немного, нашел десяток пыльных, зеленых еще земляничин на откосе, посидел на траве в обществе незнакомой собаки, съел взятые из дома бутерброды – гостинец заботливого Бороды. Когда стало темнеть, он заснул на ступеньках костела.

Утром в воскресенье наш ксендз, пан Малиновский, отпирая калитку церковной ограды, увидел спящего под ватником незнакомца. Хрустя резиновыми сапогами по гравию, Малиновский осторожно подошел к Морицу и тронул его за плечо. Мориц открыл глаза и сел. Несколь-



ко секунд бродяга смотрел на ксендза снизу вверх и моргал. Потом Малиновский сел рядом на ступеньку и начал стаскивать резиновые сапоги, блестящие от росы. Сосны чуть шевелились в вышине.

Мориц потянулся, потер лицо ладонями. Ему на удивление было спокойно.

Малиновский, босой, открыл дверь костела, вошел в холодное, полутемное помещение и исчез за алтарем. Он слышал, как Мориц осторожно бродит по костелу, разглядывая его скромное убранство, стоит перед Богоматерью – мрачноватой, на испанский лад, девочкой с младенцем на руках, трогает потертые кисти кафедрального балдахина, садится на холодную скамейку, ставит рюкзак на пол. Малиновский, уже в ботинках, вышел к нему.

– Помогите мне повесить картину, – попросил он.

Мориц безмолвно взялся за дело.

Картина с пронзительным реализмом изображала пьяного мужа и изнуренную жену. Дети в неопределенном количестве прятались за юбкой матери, муж размахивал кулаками. Интерьер терялся в темно-синем мутном тумане, только на переднем плане виден был диван с вязаной салфеткой в изголовье и стоящая на полу радиола. Возле мужа крутился, кроме того, мерзкий черт, радостно поводя пятачком и потирая ладони, а над женщиной парил грустный ангел.

Морицу картина очень понравилась. И ксендз ему нравился: с пониманием человек и не суетится.

– Оставайтесь – через полчаса служба, – предложил Малиновский, когда работа была закончена. – Вы литовец?

– Нет. Почему вы спросили? – откликнулся Мориц, чутко относящийся к национальному вопросу.

– Потому что с утра служба на литовском языке, а потом еще раз – на польском.

Бродяга промолчал. Малиновский, не дожидаясь ответа, снова ушел.

Мориц прошел вдоль железнодорожного полотна, миновал переезд и оказался на улице Комиссара Эйвадиса, которая, поднимаясь в горку, вела прямо к зданию мэрии. Сначала Мориц разглядел на макушке холма флаг, уныло обвисший в густом жасминном воздухе провинциального мая, потом показалась крыша, балкон, затянутый выцветшим, почти розовым кумачом, затем ослепительно-белые колонны – и наконец вся наша «ратуша» предстала перед пришельцем.

Мориц решительно вошел. У самого входа за столом с пятью разноцветными телефонами сидел с газетой сержант милиции Голицын – дежурил. Попав в полумрак с яркого утреннего света, Мориц сгоряча

не заметил сержанта и двинулся к лестнице, по которой возила шваброй задумчивая уборщица в синем халате.

— Товарищ, товарищ! — вдруг ожил сержант. — Товарищ, минуточку, вы к кому?

Мориц остановился, обернулся и вежливо приблизился к столику с телефонами.

— Я приезжий, — доверительно сказал Мориц. — Хочу вот устроиться здесь на работу. К кому мне обратиться, не подскажете?

Уборщица выпрямилась и с любопытством сощурила глаза.

Голицын полистал паспорт Морица, подумал немного и столь же вежливо начал разъяснять, куда подняться, где повернуть направо и в какой комнате спросить. Мориц уверенно затопал по лестнице на второй этаж.

Коридор был покрыт жестким, словно бы подстриженным под машинку красным ковром. Мориц бесшумно прошел по нему до кабинета с табличкой «Приемная». Проемы между дверями были украшены картинами на исторические темы, начиная с какого-то старинного генерала, ломающего шпагу, чтобы не отдавать ее врагу, и кончая вручением городку ордена Дружбы Народов по случаю его 800-летия.

В приемной оказалась суровая старуха с беломориной в зубах, сидящая за пишущей машинкой в окружении бумаг, папок и телефонов. На ней была белая блузка с кружевными рюшами, заколотыми тяжелой брошкой прямо под горлом. Она допечатала несколько строк, вытащила бумаги из машинки и, просмотрев их, с хрустом проткнула дыроколом.

— Я слушаю вас, — объявила она.

— Видите ли, — начал Мориц, — я хотел бы здесь жить. И работать. Для этого, как я понимаю, нужна санкция мэра города...

Секретарша в задумчивости смяла окурок.

— Я не знаю, есть ли в городе работа для вас... Сейчас спрошу Аллу Валерьевну, сможет ли она вас принять, — сказала она, поднимаясь. — Посидите пока тут.

И скрылась за дверью. Мориц продолжал стоять, ему не хотелось расслабляться. Слегка набычившись, прямо на него с непонятным укором смотрел Ленин. Слева от Ленина в окно рассеянно глядел интеллигентный Энгельс, а справа, растрепанный и жизнерадостный, обозревал кабинет чернобородый Мавр.

— Алла Валерьевна примет вас, — сухо произнесла секретарша, снова усаживаясь за машинку. И, подняв на Морица светлые, очень жесткие глаза, добавила: — Проходите.

Мориц осторожно вошел. Кое-как пристроился на стуле и уперся



коленками в твердый стол. Перед ним высилась сама Алла Валерьевна, женщина-мэр, дама лет пятидесяти, имевшая характерную прическу размером как раз со всю остальную голову, так что казалось, будто у нее две головы. Она была невелика ростом и одновременно с тем монументальна.

Мориц изложил свою просьбу. Она выслушала, приветливо разглядывая его цепкими глазками и не перебивая.

– Я как раз думаю, что бы вам предложить, – сказала она после некоторой паузы. – Вы, конечно, ценный кадр, молодой мужчина, это редко бывает... Не хочется вас упускать, понимаете? – Она неожиданно улыбнулась и снова стала серьезной. – А почему вы уехали из Ленинграда?

– Жилищные трудности, – коротко пояснил Мориц. – И потом, хочется самостоятельности, Алла Валерьевна...

– Да, да, это серьезно... Но ведь и у нас с жильем не очень... Какое у вас образование, вы сказали?

Мориц ничего не говорил про образование, но коротко ответил:

– До армии я два года учился на историческом факультете...

– А почему же не восстановились?

– Так вышло, – нехотя выдавил Мориц.

Лицо мэра неодобрительно омрачилось. Она вертела в полных, очень красивых руках карандаш, постукивала им по оргстеклу.

– Я как раз думаю об одном варианте, – сказала она наконец. – Нам временно нужен сотрудник в краеведческий музей. Пока не подыщем специалиста. Организация выставок, составление экскурсий, может быть, даже самостоятельные какие-то работы. Но главное, конечно, работа с туристами. И уборка помещения.

– Согласен, – быстро сказал Мориц.

– Что-то скоро вы согласились, – сказала она с подозрением. – Это не заработок для мужчины, понимаете? Но мы что-нибудь придумаем. Изыщем резервы. Как, вы сказали, вас зовут?

– Мориц... Рутмерсбах, – ответил он, пропустив «фона».

Впервые за всю жизнь Мориц видел человека, который проглотил его имя, не поперхнувшись.

– Рутмерсбах, – задумчиво повторила мэр. – Что-то подозрительно звучит, а?

– Я немец, – тоскливо пояснил Мориц.

Алла Валерьевна скользнула по нему взглядом. Усомниться в правдивости его слов было невозможно.

– Все-таки в музее – идеологическая работа... – намекнула она. – Недавно вот директор ресторана уехала в Израиль... Если будет второй



такой скандал... – И она снова доверчиво улыбнулась, простодушная, как дитя. – Паспорт у вас с собой?

Мориц вынул из кармана замусоленную книжицу. Алла Валерьевна вызвала секретаршу и распорядилась:

– Сделайте ему временную прописку на улице Партизана Отченашека, дом один. Пока на полгода.

Вскоре Мориц уже шагал по городку. В паспорте подсыхала новенькая фиолетовая печать, в которой резким почерком старой большевички был вписан его новый адрес. Мориц решил сначала въехать в свою комнату, потом пошататься по городу и только наутро явиться в музей, закрытый по случаю отсутствия персонала.

Он прошел по пыльной улице, уже налившейся зноем, спустился к переезду и, перешагнув через две пары синих рельс, очутился в центре городка, перед белой коробкой культурного центра «Колос». Парадный фасад «Колоса» выходил на площадь все того же Комиссара Эйвадиса двумя дверями. Одна вела в кинозал, вторая в ресторан. Подумав, Мориц вынул из кармана два мятых рубля (все, что у него оставалось) и зашел в ресторан. К его удивлению, это был действительно ресторан – облицованные светлым деревом стены, панно-чеканки на сюжеты литовских сказок, закуток официантов, эстрада. В полутемном прохладном зале почти не было посетителей. Мориц уселся за столик возле окна. Окно было занавешено прозрачными желтыми занавесками, и свет, пробивавшийся сквозь легкую ткань, окрашивал все помещение в янтарный цвет. Почти мгновенно к нему подошла официантка – немолодая женщина с усталым и добрым лицом.

– Что пан желает? – спросила она.

– Что можно съесть у вас в ресторане на два рубля?

– Мясо «Рассвет», фирменное блюдо, – предложила официантка, – шестьдесят шесть копеек. Компот или кофе, все равно, двадцать две копейки. Хлеб – бесплатно.

– Вы спасли меня, – прочувствованно сказал Мориц.

– Не стоит благодарно́сти, – ответила официантка, неторопливо записывая заказ в крошечный блокнотик. – Пан дачник?

– Я – новый житель, – гордо сообщил Мориц. – Приехал сюда работать.

Женщина улыбнулась, показав два железных зуба.

– Сейчас принесу покушать. Но вам лучше поберечь деньги. Вы не получите ни гроша до пятого числа. Для вас не будут делать исключение.

Мясо «Рассвет» оказалось мягким, кофе – крепким. Бесплатный хлеб Мориц завернул в салфетку и сунул в карман.

В великолепном расположении духа он выбрался на солнцепек из прохлады ресторанного зала. Из маленькой боковой дверцы, которая, видимо, была служебным входом в ресторан, выползла древняя бабка с огромной, битком набитой сумкой и, пригибаясь к земле, зашаркала прочь вверх по улице. В два прыжка Мориц догнал ее и спросил:

– Бабушка, где здесь улица Партизана Отченашека, дом один?

Она с трудом подняла к нему коричневое, изрезанное морщинами лицо с неправдоподобно ясными голубыми глазами.

– Ась? – переспросила бабка.

– Партизана, говорю, Отченашека улица! – крикнул Мориц. – Дом один.

Она закивала и зашамкала. Потом, видя, что ее не понимают, махнула рукой и показала подбородком.

– Туда иди, туда, – разобрал Мориц. – До озера. Там увидишь.

– Дом один, – приставал Мориц. – Бабусь, дом номер один.

– Да там один только и есть, увидишь.

Она снова потащилась по улице.

Мориц оказался на задах культурного центра «Колос», где росли крапива и лопухи в первозданном изобилии. На склоне железнодорожной насыпи лениво паслась чья-то коза. Пахло пылью и жасмином. Продравшись сквозь кусты, барон вышел к насыпи и пошел по шпалам в направлении, указанном бабкой. Впереди сверкало и переливалось озеро.

На берегу, устланном прошлогодними тростниками, стоял указатель. Во все стороны топорщились маленькие белые стрелочки. На одной было написано «Туалет», на другой – «Культурный центр «Колос»», третья указывала в сторону озера. Тонкие черные буквы на ней складывались в слова: «Улица Партизана Отченашека».

«Какая может быть улица в озере?» – подумал барон и, сощурив глаза, посмотрел в направлении стрелочки. Он увидел пирс, в который упирался понтонный мост, небольшой островок примерно в километре от берега и там, на островке, средневековый замок, сложенный из крупных серых камней. Если бы у Морица был бинокль, он разглядел бы на мощной замковой стене белую табличку, а на табличке надпись: «Улица Партизана Отченашека, 1».

Какая, в сущности, банальность – эти провинциальные замки...
Первый этаж. В центре зала – застекленный макет замка, выполненный из гипса. Реконструкция. По стенам – схемы сражений XIII, XIV и XVII веков, под стеклом и в рамочке. Портрет основателя. Портрет завоевателя. Доспех XVI века, растопыривший мощные блестящие конечности

ти в углу, между схемами. Пушечка – опять же гипсовая, но покрытая черным блестящим лаком. Тема – «История замка».

Второй этаж. В нише – застекленный «уголок природы»: на заднем плане нарисованы березы, елки и травка, на переднем стоят чучела лисицы, куропатки, а также муляжи грибов возле пенька. Пенек, разумеется, натуральный. Тема – «Флора и фауна нашего края».

Третий этаж. Два национальных костюма, мужской и женский, несколько пожелтевших газет с историческими событиями, а в центре круглого зала, под стеклом, – упавший ствол березы, солдатская каска и винтовка.

Далее – крутая винтовая лестница на плоскую крышу донжона. Оттуда открывается вид на озеро – синее или серое. По берегам желтая полоса осоки, а дальше – белые дома и возле каждого дома – цветник, мальвы и люпинусы.

Городок и замок вот уже восемьсот лет поглядывают друг на друга. В последние века замок захирел, но потом, к юбилею, его отреставрировали – восстановили честь по чести все как было, а было, между прочим, по последнему слову тогдашней фортификационной техники.

А теперь вот отыскался и хранитель.

То есть это в городке так считали – «хранитель». На самом деле Мориц фон Рутмерсбах стал владельцем замка, частью его души, и произошло это почти мгновенно.

Разве можно забыть первые минуты на пирсе, когда Мориц шел к нему, все еще не веря, что именно здесь поселили его старая большевичка и двуглавая женщина-мэр, – минуты, когда замок вырастал перед ним, молчаливый и бледный, словно человек в смертельной опасности... Он становился все больше и больше, пока не заслонил собою все. Мориц смотрел на него, задрав голову, а замок стоял перед ним, укрощенный и потерявший былую неприступность, как обращенный в рабство великан, и ждал – какую участь уготовил ему новый хозяин. «Я не оскорблю тебя даже в мыслях», – сказал ему тогда Мориц – и вот, ежедневно оскорблял своими разглагольствованиями у этих, с позволения сказать, экспонатов.

Морица вообще угнетала обязанность водить по замку туристов, следуя «Методическому пособию» – творению Неизвестного Слабоумного. Его нешуточно обижало почему-то, что всем этим посторонним людям глубоко безразличны были Витаутасы и Ольгерды, которые подавляли народные бунты, вылавливали в здешних лесах и вешали на стенах упрямых литовских язычников, дрались друг с другом и с тевтонцами, учреждали поэтические турниры и бесконечно укрепляли, укреп-

ляли свой замок, то возводя новые башни, то подновляя стены.

Только однажды серьезная девочка с толстыми косичками и толстыми коленками, оказавшись в первом же зале (с пушечкой), немедленно вытащила из сумки девчачий блокнот с переводной картинкой-незабудкой на обложке и, не отрывая от страничек строгого взгляда, принялась тщательнейшим образом конспектировать каждое слово экскурсии. Для нее Мориц расстарался – сообщил предание о Белой Даме (иногда является в полнолуние). Остальные, как обычно, норовили пощупать доспех и пощелкать ногтем по пушечке.

А потом все эти люди гуськом шли по понтонному мосту прочь от замка и, расположившись на пляже, принимались жевать.

Голод сильно донимал Морица. Вечерами он закалял волю: сидел на крыше донжона и наблюдал, как из культурного центра «Колос» выносят какую-то съедобную контрабанду. Мориц скрипел зубами и читал «Хижину дяди Тома».

Мориц жил в замке, в тесной комнатке под лестницей, откуда наскоро убрали швабры, ведра, тряпки и всякую рухлядь, из которой внимания заслуживала только плохонькая гитара. Она оказалась способной производить звуки, близкие к героическим, и потому была Морицем пощажена. Все остальное Мориц похоронил в котловане, который собственноручно выкопал у северной стены замка. В каморке стояли: кровать с кусачими пружинами, высокая и худая табуретка, служившая журнальным столиком, и алюминиевая вешалка с четырьмя крючьями.

Мориц немедленно записался в местную библиотеку и читал, пока не становилось темно, а когда сумерки вышибали книгу у него из рук, принимался за гитару.

В общем, он, конечно, больше бездельничал, чем занимался чем-либо иным.

В июне ему наконец выплатили первую получку, и жизнь каким-то образом наладилась. Четырнадцатого июля Мориц решил отметить единственный (кроме Нового года, конечно) праздник, который он признавал, – день взятия Бастилии. Повесил на воротах листок из школьной тетради с надписью «Санитарный день», дважды повернул в замке ключ – такой большой, что его приходилось держать обеими руками, – и отправился на берег.

Городок дремал – брюшком на мягкой белесенькой пыли. Мальвы надменно глядели из-за заборов. Босая девочка пронесла банку молока, прикрывая ее сверху ладошкой. Двое очень мазутных мужчин полулежали на обочине, утвердив затылки в кепках на бревне. Обсуждали что-то лениво. Один сказал, когда Мориц миновал их: «Это тот малахольный с острова».

Мориц прошел насквозь всю улицу Комиссара Эйвадиса и оказался у переезда. Задумавшись сладко ни о чем, побрел вдоль железнодорожного полотна, где в густой пьяной траве паслась угловатая коза. Ветерок доносил запах стали и мазута. Небо темнело, скучнело, наливалось густой влагой, и когда Мориц перешел через горячие грязные доски переезда, упали первые капли.

Женщины кричали что-то под огромным небом, сдергивая с веревок хлопающее белье. Издалека прикатил первый гром. Выгоревший флаг лязгал над зданием мэрии. В пыли на дороге, словно кем-то разбросанные монетки, быстро отпечатывались следы дождинок.

Мориц добежал до брошенного дома и спрятал обувь под досками – не хотел промочить единственные кроссовки.

Гроза явилась как праздник, и прошла все небо из края в край, и сразу намочила всю землю – от горизонта до горизонта.

Перед оконным проемом без стекла покачивалась ветка одичавшей смородины. Потом ветка задергалась, подпрыгнула, и в окне показалось лицо. Оно сразу встретилось глазами с Морицем, нырнуло вниз, а затем опять высунулось.

Так мог бы выглядеть какой-нибудь юный эльф, проведя пятнадцать суток за хулиганство где следует. То есть это была девушка, очень маленькая и худая, стриженая почти наголо, с огромными сероватыми глазами и остренькими ушками.

– Забирайся, – сказал ей Мориц и протянул руку.

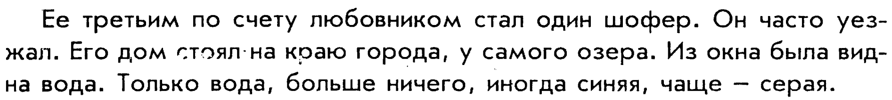
Она тревожно метнула взгляд на него, помедлила и неожиданно неловко вскарабкалась на окно. Ливень продолжался точь-в-точь столько времени, чтобы она успела рассказать Морицу все-все про себя.

Ее звали Эльза, и она была здешним антисоциальным элементом. Да-да, в нашем городке не водилось ни особо злостных пьяниц, ни драчунов, ни воров (в том смысле, что не крали друг у друга, а только у учреждений), а все бродяги рано или поздно становились примерными батраками и подпасками. А вот Эльза – та с малолетства оказалась на обочине социальной жизни, да так и не ступила на торную дорогу.

История Эльзы была невыразимо печальна.

Когда Эльзе было шестнадцать лет, мать выгнала ее из дома. В тот год Эльза остригла под машинку волосы и с тех пор не давала им отрасти: к ее длинному большеглазому лицу шла эта странная стрижка. Мать била ее, следы ударов до сих пор сохранились у нее на руках – вот здесь и еще тут.

Через полгода мать увезли в сумасшедший дом, а Эльза, отвергшая помощь соседок и городских властей, стала жить на содержании у мужчин.



Ее третьим по счету любовником стал один шофер. Он часто уезжал. Его дом стоял на краю города, у самого озера. Из окна была видна вода. Только вода, больше ничего, иногда синяя, чаще – серая.

В этот дом пришла повестка: Эльзу вызвали в мэрию и велели прекратить паразитический образ жизни и устроиться на работу. Маленькая, в широком свитере до колен, в обтрепанных штанах и стареньких кедах, зашитых светлыми нитками, стриженая почти наголо, она стояла в большом зале мэрии меж поникших знамен и гигантских полотен с историческими сценами.

Домой она не вернулась – ее арестовали на две недели за оскорбление общественных приличий. Когда она, похудевшая, с синевой вокруг глаз, возвратилась к своему любовнику, он встретил ее пощечиной, и она молча повернулась и ушла. Эту ночь она провела на кладбище.

Мужчина разбудил ее утром, дернув за плечо: он знал, где в нашем городе ночуют бездомные люди. «Идем», – сказал он кратко. Эльза встала, стряхивая со свитера туман, но за ночь болезнь, как змея, уже вползла в ее тело. Она сделала шаг и качнула головой: «Не могу...» Тогда он сказал сердито: «Что за глупости», – и она сделала еще один шаг и чуть не упала.

«Не пойду, – сказала она, – видишь, я не могу идти». – «Дура», – сказал он ей, а она в ответ процедила бранное слово, и он снова ударил ее. «Сволочь ты», – сказала Эльза, сидя на могиле.

На руках он принес ее в свой дом и восемь дней просидел у постели, где бредила Эльза, – туман и могильный камень высосали из нее тепло и наполнили ее легкие росой; она кашляла и все сердилась.

Дальше все было в том же роде, только еще ужаснее. Для Морица всегда оставалось загадкой: каким образом люди ухитряются за неполные двадцать лет пережить больше, чем иной Жан Вальжан за свои восемьдесят? Он очень быстро перестал слушать горестную повесть и почему-то принялся переводить в уме «Песнь Миньоны». Получалось приблизительно так:

Ты знаешь край, где расцвели лимоны?
В густой листве пылают все цитроны.
....
Ты знаешь этот край? Туда, туда
С тобой, любимый, я б умчалась навсегда!

– Да, – сказал наконец Мориц несколько невпопад, – dahin, dahin!..
Она насторожилась, замолчала.

Дождь тем временем прекратился. Смородина, мокрая, запылала под солнцем. Они выбрались из пустого дома, и Мориц еще раз рассмотрел Эльзу. У нее было удлиненное лицо, сероватое, как у узника, и вечно-голодное, как у беспризорника.

– Хочешь – перебирайся ко мне, – предложил он.

Она осторожно, одними губами, улыбнулась:

– Не цыганишь?

– Чистая правда! – Мориц покивал несколько раз. – Только не стриги больше волосы. Не выношу этого, когда женщина как после тифа.

– И все? – спросила Эльза, темнея глазами.

Мориц криво пожал плечом:

– Наверное, да.

Ему казалось, что он подобрал зверька.

Старый замок принял Эльзу благосклонно. Нашлась еще одна пригодная для жилья каморка, темнее и теснее первой, где положили тюфяк. Мориц не собирался нарушать субординацию и уступать девушке свою кровать. «Я не интеллигент, а феодал», – говорил он в подобных случаях. Живя в подвале на Дворцовой площади, он чтил Бороду как сюзерена; оказавшись владельцем замка, потребовал того же от Эльзы.

Ни проку, ни особого беспокойства от девушки Морицу не было – поначалу. Она скреблась у себя, как мышь, много спала, мало ела, не читала – вообще непонятно чем занималась. Вероятно, размышляла.

На четвертый день после водворения Эльзы на улице Партизана Отченашека посреди экскурсии возник неподходящий человек – жилистый, хмурый, с бронзовой от загара шеей. Он терпеливо выслушал про огневые точки, устроенные немцами на крыше донжона, про то, как советские войска развивали наступление, а потом приблизился к Морицу и сказал:

– Надо поговорить.

Мориц как-то сразу все понял. Пригласил к себе в комнатку, освободил для гостя табурет, переселив книги на кровать. Тот осторожно сел, огляделся.

– Чаю? – предложил Мориц, вытаскивая, как кота за хвост, из-под кровати довольно страшный электрочайник.

Посетитель с жалостью поглядел на чайник и сказал:

– Не мучайся... Парень ты, гляжу, хороший – поговорить надо...

– Угу. – Мориц затолкал чайник обратно, а когда выпрямился, то встретился с гостем глазами. Глаза оказались серые, чуть водянистые, тусклые, но посреди этой серости горели две черные, очень злые точки зрачков. «В армии был сержантом», – определил Мориц.

– У тебя она? – спросил гость.

– В замке, – уточнил Мориц.

– Ладно. Зайди как-нибудь за ее барахлом, – сказал угрюмо гость. – Я там собрал – пара юбок, какие-то бумажки...

– Выбрось, – посоветовал Мориц. – Эта птица гнезд не вьет...

Посетитель хмыкнул, глаза его сделались еще страшнее.

– Она тебя чем взяла? – осведомился он. – Своими бедами? Так ведь все они – вранье...

– У нее другая беда, похуже навранных, – сказал Мориц. – А что про тебя рассказывала, тому я не верю.

Гость ощерился:

– Что еще она болтала?

– Ну, что ты ее бил... из-за тебя на кладбище ночевала – чуть не умерла после...

Мориц вдруг понял, что Эльза задела в своем бывшем любовнике что-то, что болело до сих пор.

– А как визжала – не рассказывала? Как когтями царапаться лезла? Бил я ее... пылинки с нее сдувал, жалел, платье купил – а она все недовольна... Хлебнешь ты с ней. Гони лучше в шею, все равно ведь пропадет.

Мориц встал – такое уважение к «сержанту» охватило его. Поднялся и посетитель.

– Я желаю тебе большого счастья, товарищ, – произнес Мориц с глубоким чувством. – А эту Эльзу – долой из сердца. И вещи ее тоже выкинь.

Гость покрутил головой, мимолетно пожал Морицу руку и вышел.

Почти тотчас откуда-то вынырнула Эльза – напала на Морица во мраке винтовой лестницы, губа закушена, лицо как у привидения.

– Он!.. За мной!.. – зашептала она.

– Он больше не придет, – сказал Мориц. – Иди на крышу. Возьми книги. Я закрою замок и поднимусь.

Вечерами он по-прежнему читал, устроив себе удобное логово как раз там, где у фашистов была оборудована огневая точка. Эльза приносила ему чай и оставалась – смотрела на ласточек, на городок, на озеро. Мориц откопал в библиотеке тоненькую книжку «Орденоносец партизан Отченашек». Партизан на обложке был нарисованный – с бородищей до глаз, в шапке до бровей.

Эльза сказала:

– Тут и полправды про него нет. Можешь не читать – зря время потеряешь.

Мориц отложил книжку.



Эльза заговорила:

– Отченашек был чехом, родом из Праги, из семьи алхимиков. И вот как-то раз в семнадцатом веке один его предок попал в лапы инквизиции и после долгих пыток... – Тут Мориц метнул на рассказчицу такой взгляд, что та сразу перешла к результату: – ...сознался, что уже лет сто как в семье хранится философский камень. Тогда они стали пытать его еще больше, чтобы вызнать, где этот камень прячут, но предок от мучений умер. У него был сын, и как только отца арестовали, сын сразу скрылся – вместе с камнем.

– И не нашли? – спросил Мориц.

– Нет, конечно. Философский камень в конце концов перешел по наследству к партизану Отченашеку – оттого так боялись его немцы. Они-то знали! Лютовали в здешних краях – пытались добраться до Отченашека, но он всегда их побеждал. А после войны, должно быть, спрятал камень... только никто не знает где.

– А дети после него остались?

– Нет, – сказала Эльза.

– Откуда тебе известно?

– Нас еще в школе водили в музей-квартиру в Вильнюсе, – пояснила Эльза. – На снимках Отченашек всегда один. Или ему пожимает руку Рокоссовский.

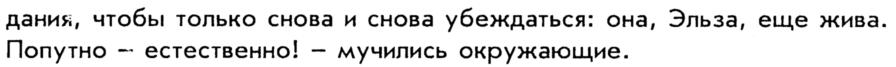
– Про философский камень тоже в музее-квартире рассказывали? – усомнился Мориц.

– Нет, конечно. Это же Знание! Про него не болтают. У нас жила одна старушка, вся скрюченная – это после того, как ее фашисты пытали, – она была в отряде Отченашека. Рассказывать не любила. Както раз только мне одной открылась. Она уже умерла.

Мориц написал карандашом на книжке «Орденоносец партизан Отченашек побеждал фашистов философским камнем» и отнес ее в библиотеку.

В начале августа ночи стояли еще теплые, и Мориц частенько просиживал вечерами у раскрытого окна и смотрел на озеро – как поднимается и повисает над таинственной водой большая желтоватая луна, вся в заметных серых пятнах. Когда пролетал ветер, лунная дорожка морщилась, как будто она была половичком, по которому проскакал кто-то неосторожный.

Об Эльзе Мориц думал часто, но никогда подолгу: эти мысли его огорчали, и он быстро уставал от них. Эльза была живой болью. Как будто ничего, кроме боли, не означало для нее жизни, и когда это чувство вдруг иссякало, она подбадривала себя очередной порцией стра-



дания, чтобы только снова и снова убеждаться: она, Эльза, еще жива. Попутно – естественно! – мучились окружающие.

Мориц запирал ее на ночь в западном крыле замка – чтоб чего не вытворила. Она принимала это с покорностью – даже не спросила ни разу, почему он так поступает. Мориц тоже делал вид, будто так и надо. А у самого то и дело по сердцу царапало. Бедная обезьянка – в бархатной курточке, с цепочкой на шее и нечеловеческой тоской во взгляде.

Из окна Морицевой каморки была видна, кроме озера, еще одна башня, выступающая чуть вперед из стены и входящая прямо в воду. Экспозицию в ней размещать не стали. Предполагалось впоследствии открыть там кафе и магазинчик по продаже сувениров.

Мориц разглядывал башню, освещенную луной, – дорожка света как раз заканчивалась у ее основания, – как неожиданно заметил странное шевеление, словно по каменной кладке ползла змея. Он сел на подоконник, ухватился за оконный проем и почти до половины высунулся наружу. Серый лунный свет размывал, скрадывал то, шевелящееся. Но вот тихо плюхнула вода, и Мориц понял: веревка размоталась и выпала из окна. Вслед за тем в проеме мелькнул силуэт. Он казался вырезанным из картона – совершенно белый, без единого волоска, без единой тряпки на теле, ломаный и тонкий. Как будто резали небрежно, большими портновскими ножницами. Несмотря на наготу, признаки пола были неразличимы. Плоская, ровная бумага, совершенно гладкая.

Силуэт быстро вскочил на подоконник, ухватился за веревку и, упираясь ногами в стену, полез вниз. Угловатая фигурка двигалась неуклюже, но уверенно. Вот она достигла воды, коснулась глади вытянутыми пальцами ноги... У Морица перехватило горло: ему показалось, что сейчас Эльза выпустит веревку и побежит прямо по воде. Но она беззвучно провалилась в глубину, а затем вынырнула и поплыла навстречу луне. То и дело она исчезала из виду и пропадала совершенно в чернильной темноте, но затем по лунной дорожке пробегала дрожь, а раз или два узкое гибкое тело пересекало ее, неожиданно и стремительно.

Мориц закурил, пуская дым в окно. У него щемило в груди, мысли скакали, как потревоженные мустанги, топотали, ржали, обгоняли друг друга... Ее мать – сумасшедшая, а кто ее отец? Если приглядеться – она уродина... А может быть, вообще не человек. Мориц вполне допускал существование Малого Народца – теоретически.

Веревка, свисавшая из выступающей башни, задергалась и напряглась. Из воды выпростались две белых тонких руки, схватились за конец веревки, замерли, чуть согнувшись в локтях. Затем послышался слабый плеск, из темноты проступила, выгибаясь, спина, за нею потя-

нулись худые ровные бедра. Ступни, роняя влагу, припечатались к стене. Медленно поползло существо по стене наверх, к окну, а затем исчезло, провалилось в проем. Мориц еще некоторое время сидел – смотрел в пустоту, докуривал, как вдруг в окне напротив показалось бледное лицо с провалами глаз и рта. Мелькнуло на миг и сразу кануло. Мориц выронил папиросу. Молча лег на кровать и тайно заплакал. Так в слезах и заснул.

На первый взгляд городок наш кажется пестреньким, нарядным, но на самом деле летом преобладает синий цвет. И даже зимой он сквозит из-под снега.

В один из ранних августовских понедельников, когда в замке был выходной, Мориц и Эльза отправились на речку, которую у нас, пренебрегая истинным ее названием, именуют Вертихляйка. Вот где синий цвет никогда не прекращался – даже трава в тени казалась голубоватой. Петляя то так, то сяк, речка заложила многочисленные кольца в хоженом-перехоженом, когда-то партизанском лесу. В нескольких километрах к востоку от города был хутор, где обитала старая Янина. Она жила там одна, но летом наезжали внуки, а как-то раз появилась старшая дочь хозяйки, заслуженная артистка, – чрезвычайно эффектная дама. Она произвела в костеле фурор и поскорее ушла, не дожидаясь окончания мессы. Малиновский потом приходил на хутор – специально к ней.

– Люди всегда ищут ведьму, – говорила Эльза, беспечно топая по лесу. На ней были мужская майка, провисшая под мышками, длинная юбка из неказистого ситца и рваные кеды. – Кое-кто считает, что это Янина и есть.

– Почему? – спросил Мориц, думая об Эльзе.

– Она колченогая, – объяснила Эльза. – Здесь ведь была когда-то мельница – ее фашисты сожгли, – на ней жили колченогие мельничихи. Всегда дочери; а мельников-мужей они брали со стороны – кто согласится. Они-то, эти мельничихи, и были самые взаправдашние ведьмы. – Она остановилась, повернулась к Морицу. Глаза почти черные, бесцветные короткие волосы словно присыпаны солнечным лучом. – Потому что самая первая мельничиха была русалкой – настоящей, с хвостом. А от нее уже стали рождаться девочки с кривыми ножками. Или одна нога сухая...

Они прошли еще немного, и речка сама выскочила им навстречу – прозрачная, неглубокая, чуть выше, чем по колено, она бежала над разноцветными камешками, причесывая длинные подводные волосы, темно-красные и светло-зеленые, а сверху, там, где сквозь листву па-

дали пятна солнца, носились чуткие, очень хищные стрекозы.

Эльза сказала Морицу: «Подожди меня здесь», – и сразу нырнула в чащу. Мориц уселся на берегу и стал следить за стрекозами, как будто что-то мог про них понять. Здесь почти не было синих пятен, только тонкие, как иглы, стрекозиные тела и индиговые их крылья; но все равно, синева таилась повсюду. Стрекозы дерзко намекали на это.

Потом река пронесла мимо глаз Морица странный предмет. Он настолько не ожидал увидеть здесь это, что сперва даже не понял. Предмет повторился – точно такой же, как первый: круглый, небольшой, зеленый. Он застрял на перекате, и на него тотчас опустилась стрекоза. Изогнула хвост, словно собралась ужалить. Мориц протянул руку и взял его из воды. Яблоко. А из-под низко нависшей над рекой ветки уже прибыли, сталкиваясь боками, еще два. Словно пузатые средневековые корабли, они пустились в каботажное плавание, плохо представляя себе, какие дива и страхи ждут их в Terra Incognita.

Одно за другим приплывали к Морицу зеленые яблоки, а он вылавливал их и складывал на берегу, как ядра. На одном перочинным ножиком было вырезано солнышко, на другом – рожица, на третьем – буква «М». Это Мориц съел сразу. А потом яблоки прекратились, и тут из-под ветки показалась мертвая Офелия. Она лежала в воде лицом вниз. Мокрая майка слиплась с телом, юбка оплела босые ноги (кеды куда-то исчезли), руки протянулись вдоль тела, как водоросли. А вокруг плыли, покачиваясь, охапки цветов и еще с десяток зеленых яблок. Тихо скользило все это мимо берега. Потом Эльза вдруг ожила, села на перекате и подгребла к себе цветы и яблоки.

– Принимай! – сказал она, смеясь.

Но Мориц не трогался с места. Сердце колотилось у него в горле. Он несколько раз осторожно вздохнул, взял еще одно яблоко и надкусил его.

Кража яблок у Янины не прошла бесследно. Старуха явилась в замок тем же вечером – стучала в запертые ворота, трясла жилистой, загорелой рукой – угрожала; после в сердцах бросила эльзины кеды под стеной и ушла. Она очень сердилась. Мориц и Эльза ели яблоки и смотрели на нее из окна.

– У нее этих яблок – целый сад, – сказала Эльза.

Мориц начал было произносить банальности, вроде «Если все начнут таскать...», но Эльза перебила его:

– В том-то и дело, что нет никаких «всех»! Здесь их никто не таскает. Только я.

– Она ведь не жадная, – сказал Мориц задумчиво. – Она, [illegible] из принципа.

Тучи начали сползаться постепенно. Сперва Мориц даже не понял, что это тучи. Так, громыхнуло невнятно. Но потом тревожащий знак повторился: на улицах Морицу перестали улыбаться. В фирменном мясе «Рассвет» появились жилы и кости; кофе стал жидким; книги в библиотеке сделались неинтересными. Именно те, на которые Мориц успел положить глаз, непостижимым образом поисчезали с полок. Остались детективы, что-то по школьной программе с подчеркнутыми для сочинений цитатами и пачка растрепанных журналов «Приусадебное хозяйство». Ксендз начал смотреть на него сочувственно, а затем и со строгостью. Из городка на замок потянуло неприятным холодком, и в какой-то момент Морицу открылась леденящая истина: с окончанием туристического сезона его из замка попросят.

Он знал причину. Причина была вовсе не в яблоках. Во всем сразу. Ему не следовало брать к себе Эльзу. Вообще не следовало с ней разговаривать, еще в тот первый день. И время пока оставалось. Совсем немного, правда, но оставалось. Изгнать Эльзу, рассказать добросердечной официантке с железным зубом, как измучила его эта взбалмошная девица, — и городок снова станет теплым. Ничего необратимого пока не произошло — все еще можно вернуть.

В начале сентября пришла открытка из мэрии. Кусочек желтоватого глянцевитого картона с резкими фиолетовыми буквами: «Прошу явиться в мэрию 10 сентября с.г. для собеседования о целесообразности дальнейшей деятельности в качестве экскурсовода в связи с окончанием туристического сезона» — ничего неожиданного, не так ли? — но Эльза побелела, схватилась за щеки, и из глаз ее запрыгали слезы.

— Это из-за меня! — сказала она. — Я должна уйти! От меня одни беды.

Мориц взял ее за локоть, втолкнул в кладовку, где не было окон, и запер. Она по обыкновению этому не удивилась. Мориц представил себе, как она сидит в темноте, одна, съежившись среди тряпья и старых ведер, и в груди у него тяжко заныло. Нельзя допустить, чтобы Эльза сбежала, но объяснять это он не хотел.

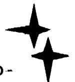
Старая большевичка-секретарь держалась по-прежнему сурово, но теперь под суровостью угадывалась вечная мерзлота рудников Акатуя. Она сухо поздоровалась, погасила беломорину и, надавив желтым никотиновым пальцем кнопку переговорника, произнесла:

— Алла Валерьевна, пришел товарищ Рутмерсбах.

Переговорник кисло отозвался сквозь шуршание:

— Пусть войдет.

Мориц вошел. Алла Валерьевна встретила его ледяным змеиным взглядом.



– Вы понимаете, что с окончанием сезона в ваших услугах город более не нуждается? – осведомилась она.

– Срок временной прописки истекает в ноябре, – сказал Мориц уныло.

– Да, но мы надеемся на понимание с вашей стороны... – взгляд мэра немного потеплел. – Вы догадываетесь, о чем я? Возможно даже оформление постоянной... Я ознакомилась с отзывами. – Она кивнула на папку с развязанными тесемками. – Имеется немало положительного. Накоплен определенный опыт. Вы – человек молодой, творческий, перспективы есть. Но должно быть понимание. Иначе невозможно.

– А если я женюсь? – ляпнул Мориц, ужасаясь сам себе.

– Лично я, – сказала Алла Валерьевна почти сердечно, – не советую решать с кондачка. Лично я. Со временем, когда вы получите жилье...

– Я ее не выгоню, – сказал Мориц прямо. Ему вдруг надоело беседовать намеками.

Мэр немилостиво отвернулась к окну, постукивая по столу карандашом. Затем, не поворачиваясь, произнесла:

– Вы понимаете, что не оставляете мне выбора?

Мориц сел.

– Алла Валерьевна, – осторожно заговорил он, – но ведь она не наносит ущерба... Подметает территорию... Я слежу...

Алла Валерьевна снова посмотрела на него. Сквозь стекла очков глаза ее казались очень далекими – с чужого берега.

– Разговор окончен, – сказала она сухо. – Вы поставлены в известность.

– Но почему? – крикнул Мориц.

Алла Валерьевна раскрыла папку, лежавшую перед ней на столе, и молвила:

– До свидания, товарищ Рутмерсбах.

Выходя от мэра, Мориц, конечно, помнил, что Эльза томится взаперти, но все же вернулся в замок не сразу. Еще с полчаса сидел на берегу, бросал в озеро камешки. Он не пытался размышлять, анализировать случившееся – просто свыкался с услышанным.

Когда он открыл дверь кладовки, то поначалу ничего не увидел. И не услышал. Это его испугало. Он отодвинул ногой упавший поперек входа мешок, заглянул в каморку и позвал Эльзу. Она слабо закопошилась, невидимая в темноте среди кучи барахла.

– Давай руку. – Мориц помог ей выбраться. Она ни о чем не спрашивала. Была заспанной и несчастной. Мориц взял ее за плечи – кост-



лявые, горячие – и несколько раз встряхнул. Она покорно при этом мотала головой.

– Только об одном тебя прошу, – сказал Мориц, – никуда не уходи. Наш дом – здесь.

– Ты меня не выгонишь? – всхлипнула она. – О-о!..

Мориц заскрежетал зубами.

На следующий день они съездили в Вильнюс и вернулись поздно. Крадучись прошли по улице Комиссара Эйвадиса, обогнули культурный центр «Колос», ступили на понтонный мост. Большой удачей для них было, что в городке рано ложатся спать, иначе кое у кого могли бы возникнуть разные вопросы. Например: что такого принес хранитель музея в рюкзаке и трех огромных сумках? До поры это оставалось неизвестным.

Такая поездка повторилась после двадцать пятого числа, но опять же без каких-либо явных последствий. Жизнь на поверхности продолжалась такая же безмятежная, как надлежит; все бури происходили потаенно, приготовляясь в глубокой тайне к тому яростному мгновению, когда настанет им пора вырваться на волю. Последние туристы, забредшие в наши края в поисках какого-то «бархатного сезона», поднялись на крышу донжона и там понаслаждались вволю пронзительным осенним ветром. А потом исчезли и туристы.

В первую ночь октября, когда лунный свет был совсем слабым, ветер чуть беспокоил поверхность воды и каждая камышина у берега готова была обернуться Сирингой, – в эту ночь две фигуры выбрались из замка и что-то такое делали, скрытые темнотой, а наутро городок проснулся и поначалу ничего особенного не заметил. Витало что-то, глазом из привычного пейзажа не выхватываемое: озеро стальное, полоса камыша и осоки – бледная, как крем в торте «Юбилей», замок – серый, обрызганный мятежной волной почти до бойниц. И не сразу поймешь, что переменилось. А потом вдруг до сознания доходит: понтонного моста больше нет. С берега на улицу Партизана Отченашека теперь попасть можно только на лодке. Разрушить понтонный мост немного сложнее, чем это кажется с первого взгляда, но Мориц – спасибо армии – справился. Идеально отреставрированные замковые ворота закрыты, решетки – будьте благонадежны! – опущены, на крыше установлена пушка. Не гипсовая, разумеется; настоящая.

– Бу-бух! – весело сказала эта пушка, когда лодка с сержантом Голицыным на борту отчалила в направлении замка. Фонтан брызг взорвался в неприятной близи. Голицын уронил весла, а лодка отчаянно закачалась. Мелкие злые волны застучали о днище, как градины. Сержант был так удивлен случившимся, что повернул назад. Эльза-пушкар-



ка, в пиратском платке поверх отрастающих одуванчиком волос, заплясала на крыше. Осенний ветер сдул кислую пороховую вонь и унес ее в сторону границы – тревожить сны драчливых поляков.

Между сержантом (красным, мокрым) и Аллой Валерьевной состоялся короткий, энергичный диалог.

– Желательно знать, – проговорил сержант, бесполезно обтирая волосы сырым носовым платком, – откуда в замке боезапас. Равно и его количество.

– Сядьте! – сердито велела мэр. – Возьмите себя в руки!

Сержант сел. Старая большевичка принесла ему стакан крепкого чаю. Алла Валерьевна метнула в нее гневный взор, но та, естественно, не убоялась.

– Так вы поговорили с Рутмерсбахом? – спросила Алла Валерьевна. – Вы вообще с ним виделись? Что он сказал?

– У него там огневая точка, – сообщил сержант и обжегся чаем. – Конкретно: пушка. Кстати, она стреляет. Желательно выяснить подробнее – сколько в наличии пороха и так далее.

– Пушка? – Мэр рассердилась еще больше и вдруг застыла. Немеющей рукой пошарила в ящиках, выдвинула один, отыскала там глянцевую папку с золотым тиснением-веточкой в углу. Полистала. Сержант мрачно хлебал чай. Мэр просматривала бумаги, а багровые пятна ползали по ее щекам, перемещались на шею, одолевая двойной подбородок как ничего не стоящее препятствие.

Наконец она прочитала:

– «Пятое. В связи с юбилеем восстановить традицию производить в полдень сигнальный выстрел, для чего на крыше замка установить действующую пушку образца 1811 года. Ответственный – хранитель музея».

– Ядра-то зачем? – спросил сержант.

Алла Валерьевна покусала карандаш.

– Было решение, – объяснила она наконец.

– Пороха сколько? – заскрежетал Голицын.

– Много, – отрезала Алла Валерьевна, закрывая папку. Как ни тянул Голицын шею, ничего разглядеть не сумел.

– Я посоветуюсь в инстанциях, – молвила Алла Валерьевна. И добавила откровенно: – Как бы нам с вами не наломать дров – понимаете?

Сержант встал, поставил стакан, провел ладонями по бокам.

– Ну – идите, идите! – сказала Алла Валерьевна.

Голицын двинулся к выходу.

– А сами-то вы что думаете? – спросила она вдруг, глядя ему в спину.



Голицын притормозил у самой двери.

– Лично я договорился бы с воинской частью КБ-88/445, – четко произнес он, не оборачиваясь. – У них все равно скоро маневры. Две-три бомбы – и порядок.

И вышел.

– Какие бомбы? Какие еще бомбы? – кричали в инстанциях. Не столько на Аллу Валерьевну, сколько вообще. В воздух летели сметы, счета, схемы, какие-то бухгалтерские писульки. – Вы отдаете себе отчет? Одна только реставрация!.. Вот – вот – и вот! Колоссальные деньги! Памятник архитектуры! Замок европейского значения!

Мэр сердито собрала губы в гузку. Она хорошо помнила, как добивалась – не лично, конечно, а в составе группы компетентных представителей – чтобы замок включили в путеводитель «Тысяча крепостей Европы». Видимо, о том же вспомнили и в инстанциях. Предложили мэру наперсток коньяку, усадили к открытому окну. Алла Валерьевна сосала коньяк, как валидол, и косилась испуганно и зло.

– Подождем, – говорили между тем компетентные представители, – выморим голодом. Не стоит вот так, с кондачка. Не сможет он там сидеть вечно.

– Шестого ноября у нас ответственная делегация. – Алла Валерьевна обмахнула платком вспотевшее декольте.

– Тем более! Не можем же мы показать товарищам руины!

– А что я им покажу – Рутмерсбаха с этой его... пьянчужкой?

В инстанциях переглянулись. Потом тот, что помоложе, сказал – ни к селу, ни к городу:

– А знаете, сколько крупы и килек можно купить на всю получку?

И снова запахло коньяком.

Мориц и Эльза обитали теперь в одной комнате – Морицевой: там имелось застекленное окно. Притащили туда буржуйку – вот бы вызнать, какие воспоминания хранятся в ее ржавой памяти? – добавили на кровать одеял. Все-таки по ночам становилось холодно. Спали, впрочем, по очереди. Один постоянно находился на крыше донжона возле пушки. Мориц соорудил там отличное укрытие от дождя и ветра. Иногда они с Эльзой сидели там вдвоем. Жевали бутерброды с килькой, пили горячую воду из термоса (чай из соображений экономии решили не закупать). Глядели на городок.

Стрелять им пришлось еще раз, когда флотилия из трех лодок и одной прогулочной яхты попыталась высадить на остров десант. Одно ядро снесло яхте мачту, экипаж завяз в парусах, и кораблик закрутился

на месте, как растерянная собака. Две лодки повернули назад, а последняя почти добралась до замка, когда меткое попадание опрокинуло ее. Мориц наводил пушку с крайней осторожностью: категорически требовалось никого не убить. Борода в свое время говорил, что это подчас куда сложнее, чем убить. Кроме того, Мориц был благодарен городским властям за то, что катеров не посылали. Попадание ядра в катер неизбежно закончилось бы взрывом. Как хорошо, что это понимал не только Мориц.

Между выстрелами проходило около десяти минут. Это создаст осажденным большие трудности, если неприятель вздумает двинуть на замок много лодок одновременно. Но в любом случае озеро – лишь первая линия обороны. Имеются еще стены, которые до XVIII века оставались неприступными.

Вообще же, как оказалось, быть осажденным – занятие уютнейшее, почти как сидение в тапочках у телевизора. Мориц так себя и чувствовал: старым пердуном в кресле-качалке, на коленях плед, под ногами заслуженная охотничья собака. А Эльза вся светилась – ожила, про беды свои позабыла. Волосы как у подростка после летнего лагеря – еще короткие, но уже растрепанные, в глазах – обожание, преданность, восторг. Поначалу-то – Мориц знал – мечтала она исступленно, пока часами высматривала врага на водной глади (а вдруг аквалангистов зашлют?): вот захватят замок лютые недруги, скрутят Эльзе тоненькие ручки, потащат на веревке судить-пытать... А Мориц ничего этого уже не увидит. Останется лежать на берегу, и густое пятно будет не спеша расплываться по его одежде... Но потом эти грезы непонятно почему стали утрачивать сладость, и вот уже лихорадочный восторг из глаз исчезает, а его место заступает покой. И впервые в жизни не исходит Эльза болью. В ее душе поселилась тишина.

Как-то раз ветром прибило к берегу старую лодку с пробитым днищем. Она лежала на здоровом боку, покачиваясь, полная желтых листьев. Как будто подарок от кого-то лесного. Лодку просушили и приспособили под растопку, хотя понтонного моста, если топить экономно, хватит на всю зиму. Листьями Эльза украсила стены жилой комнаты.

Теперь двоюродные предки выглядели чуть по-иному, чем в самом начале. Бывалая сиделица по крепостям Вера Фигнер сурово поджимала губы: «Впереди – серьезные испытания! Готовься, товарищ!» Темное платье, девический пробор в волосах. Партизан 1812 года Александр Фигнер подбоченился и задрал подбородок еще высокомернее: «Саблю наголо! Ты что, собираешься жить вечно?»

А вокруг, как бабочки, пришпиленные к ящику в коллекции, – лис-

тья, листья с блестящей кнопкой посередине. Мориц, глядя на партизана Фигнера, супил брови. Именно что хотел. Он хотел жить вечно. Здесь, в этом замке. Просто беда какая-то.

Именно так он и объяснил ксендзу, когда тот явился для переговоров. Установил на носу лодки хоругвь, тяжелую от золоченых кистей и шитых медной нитью лент. С темно-красного бархата смотрела тревожно юная Богородица, а по лентам сбегали в воду головки ангелов и растопыренные крылья. Концы лент чуть волочились по воде. Ксендз в развевающемся кружеве сам сидел на веслах. Он приравнивал свой визит к крестному ходу.

Мориц смотрел на него с крыши, одной рукой обнимая Эльзу. Потом велел ей переодеться и сбежал вниз по винтовой лестнице – отворять ворота. Не главные, конечно, а маленькие, предусмотренные для вылазок. Лодка медленно приближалась к берегу; потом тихо зашуршал песок. Малиновский сложил весла, встал. Мориц встретил его у стен замка. Поцеловал, опустившись на колено, ленту с ангелком.

Малиновский сошел на берег, пролез в узкую щель, которую Мориц сразу же затворил дубовой дверцей, и проследовал по мощеному двору к главной башне. С тех пор, как он был здесь в последний раз – а жители городка нечасто навещают замок, – многое изменилось. В те времена замок представлял собой грозную развалину, где можно было вволю воображать себе всевозможных героев, от алчных крестоносцев до несгибаемых партизан. Теперь здесь все ожило. Малиновский кожей ощущал воплощенность мечты, ее осязаемость. Чьей-то мечты – не его; но и его немного тоже.

А потом из башни выступила Хозяйка – на голове тяжелый обруч и легкие белые шелка, плоское тело заковано в атлас. Ксендз побледнел и еле слышно ахнул. На мгновение он поверил. Мориц поклонился женщине и пропустил Малиновского вперед. Величаво приложилась она к его руке, и он одарил ее благословением – ничего иного не оставалось.

Его проводили в комнаты, усадили в деревянное кресло, похожее на ребра грудной клетки. Сбоку топорщился доспех. Беспощадный луч света и холода врезался в узкое окно. Поднесли кипяток в серебряном кубке и ячневую кашу на фаянсовом блюде. Малиновский поскреб по каше неудобной, очень тяжелой ложкой.

Сказал:

– В городе готов приказ о вашем аресте.

– Сожалею, – хмыкнул Мориц.

Малиновский поднял глаза:

– Я могу помочь вам бежать. Пока что это возможно.

Мориц покачал головой.



– Зимой озеро замерзает, – предупредил Малиновский.

– Придется разбивать лед ядрами, – ответил Мориц.

Ксендз мимолетно глянул на Эльзу. Бывшая бродяжка держалась так уверенно, словно и впрямь находилась у себя дома. Она ничего не боялась. И платье, снятое с манекена, было ее собственным. Вот так.

Малиновский доел кашу, встал.

– Покажите мне вашу часовню, – попросил он. – Сдается мне, много лет не служили здесь мессы.

Второго ноября младший лейтенант ВДВ Сабин стоял на берегу озера и смотрел в бинокль. Чуть расставив длинные ноги, четко, углом, отведя локоть, он изучал обстановку. Ладный комбинезон в пятнах – так выглядят леопарды в Изумрудном городе. Сабин был сегодня важнее всех, кто еще собрался на берегу: важнее женщины-мэра с растрепанной прядкой у дряблого, озабоченного виска, важнее сержанта Голицына, беспощадно задвинутого далеко назад, важнее даже двух членов специальной комиссии в одинаковых мешковатых костюмах коричневого цвета. Старая большевичка с беломориной в зубах холодно посматривала со стороны на продуваемую всеми ветрами комиссию, на замок – он как будто немного отдалился от берега, стал еще более отчужденным. От осенних дождей каменная кладка потемнела.

Сабин опустил бинокль. Оглянулся на своих. Девять ребят беспечно курили в камышах – ждали, пока будет принято конкретное решение. Ситуация такая: решение принимают эти нервные ослы в костюмах, а конкретность всему придает младший лейтенант ВДВ Сабин.

– А там что за башня? – спросил младший лейтенант у Аллы Валерьевны, показывая биноклем на ту, что вдавалась в озеро. Просто так спросил – на самом деле он думал о другом.

– «Беглянка». – Мэр улыбнулась комковато накрашенными губами. – Так она называется. Думали на следующий сезон организовать там кафе...

– Угу, угу. Подземными коммуникациями снабжено строение?

– На планах – нет.

Алла Валерьевна полезла в сумочку и быстро вытащила сложенный во много раз лист бумаги. Ветер схватил край листа, быстро развернул его, превратив в огромную, рвущуюся из пальцев простыню. Сабин уложил ее на траву, придавил коленом. Алла Валерьевна, наклонившись, подобрала камень, прижала другой край.

– Угу, угу, – бормотал Сабин, быстро водя по плану взглядом. Подошли и ребята, бросив курить. Обступили план.

– Огневая точка на крыше, – проговорил один. И с интересом на-



клонил голову, разглядывая донжон в проекции то так, то сяк.

В небе ураганно заревело, волосы у комиссии внезапно вздыбились – вернулся вертолет. Сабин зашагал туда. Высунувшись из кабины, кричал плохо слышимый летчик. До Аллы Валерьевны доносилось только часто повторяемое слово «сволочь». Сабин что-то отвечал, показывая руками на озеро и замок.

– Не бойся! – крикнул Мориц Эльзе, когда вертолет в первый раз поднялся в воздух. – Сейчас он ничего делать не будет! Только посмотрит!

Стрекоза приближалась с берега. По воде от нее бежали мелкие волны, расходясь проплешинами, как нечистые круги на зеленых полях английских фермеров. Чуть задрав хвост, вертолет сделал первый круг, огибая замок. В глазу, который умел смотреть и прямо, и сбоку, Мориц на короткое мгновение разглядел лицо летчика – загорелое, крепкое, совершенно чужое. Почти инопланетянское. Натолкнулся на его взгляд – и что-то в душе Морица содрогнулось, испытав страх. Вертолет еще поревел и отправился восвояси. Скоро лопасти завертелись над осокой. По осоке ходили какие-то плохо различимые люди. Потом побежали к вертолету, пригибаясь, – человек восемь. Десант. Мориц глядел на них с крыши – пушка под правой рукой, Эльза под левой – и знал, что стрелять не будет. Не станет он сбивать вертолет, чтобы десяток парней, пахнущих свежим хлопком и разогретой мускулатурой, погибли так бесславно. Не станет – и все. Только вот ребята этого не поймут и не оценят. По барабану им нравственные метания какого-то Морица. У них задание.

– В тюрьме знаешь что плохо? – задумчиво проговорила Эльза. – Даже не то, что взаперти, кругом воняет, все грубые и еда дрянная. А то, что порознь. Ты отдельно, я отдельно.

Мориц не ответил. Только обнял ее покрепче. Он до сих пор – странное дело! – не жалел, что отказался бежать тайно, как предлагал ему Малиновский. Кем бы был тогда Мориц фон Рутмерсбах, если бы сбежал? Этого, впрочем, тоже никто не оценит.

Лопасти вертолета завертелись над осокой быстрее – десант погрузился и готовился подняться в воздух. Сейчас взлетит. Мориц осторожно, чтобы не слышала Эльза, вздохнул.

И тут донжон чуть накренился. В первую секунду Мориц решил, что от сильных переживаний у него закружилась голова, но нет: двинулась и пушечка. Мориц, еще ничего не успев понять, схватил ее и, толкая изо всех сил, приблизил к краю.

– Что ты делаешь? – закричала Эльза.

Мориц не ответил. Последнее усилие – и пушка полетела вниз, на

мощеный булыжником двор. Донжон накренился снова, на сей раз в другую сторону и сильнее. Мориц едва успел схватиться за зубец. Эльза с размаху плюхнулась на пол, как кукла. Сидя, она отъехала к стене укрытия.

– Держись! – Мориц почти не слышал собственного голоса, так шумела в ушах кровь.

Раздался сильный треск – как будто рвали плотный сатин. Раз, другой, третий. Одно из деревьев у стены на берегу острова вдруг повалилось. Сильно тряслись – словно букет в руке бегущей девочки – кусты. Посыпалась с береговой линии трава, и в потревоженной воде запрыгали зеленые запятые.

Донжон кренился то вправо, то влево, точно мачта. Расставив ноги пошире и прильнув к зубцу башни, Мориц держался – держался изо всех сил.

Ветер все усиливался. Темнело – буря вокруг замка сгущалась. Вертолет забуксовал в воздухе, стараясь преодолеть ветер, а затем сдался, и его понесло обратно к берегу. Лицо летчика в стрекозином глазу покрылось жгучим конденсатом пота.

На берегу члены специальной комиссии давили в пальцах валидоловые слезки. Алла Валерьевна схватилась за грудь и неловко села на землю. Строгая юбка при этом чуть треснула и заползла повыше колена, открыв кружево сорочки.

Старая большевичка выбежала к самому краю воды. Ураганные порывы хлестали ее по лицу, вызывали на глаза слезы; волны подскакивали, как псы, норовя ухватить за подол; намертво приколотый брошкой воротничок трепало, пытаясь сорвать с горла. Она смотрела в небо.

Медленно оторвавшись от глади вод, поднимался навстречу облакам замок. Оборванные корни свисали внизу, как шерсть. Несколько уцелевших деревьев сильно качали ветвями. Упала с края летучей земли какая-то доска, плюхнулась в воду и поплыла, суетливо подскакивая на волнах. В реве ветра слышалась грозная музыка. Издалека донесся вдруг звон колокола и тотчас стих. Замок вместе с островом, Морицем и Эльзой торжественно летел по воздуху. Долго еще был виден он с берега – удаляющаяся точка над горизонтом. А потом все исчезло.

Городок наш стоит и поныне – цел и невредим, что ему сделается. Алла Валерьевна давно на пенсии. Равно как и члены правительственной комиссии по расследованию причин исчезновения памятника средневековой архитектуры. Ксендз Малиновский предполагал, что дело в философском камне, который партизан Отченашек прятал в подвалах замка, но мнение свое благоразумно удержал при себе.

Джеймс Ганн





В будущем году американскому писателю и литературоведу Джеймсу Ганну исполнится 80 лет. В нашей стране его знают не очень хорошо, а ведь вся его жизнь посвящена Ее Величеству Фантастике, которой он служит на разных поприщах. Участник Второй мировой, он начал писать НФ в 1948-м и быстро добился известности. Всего на его счету около 100 рассказов и с десяток романов (один из наиболее ранних — «Звездный мост», созданный в соавторстве с Джеком Уильямсоном, — издавался в России). В 1971—1972 годах Ганн был президентом Ассоциации американских фантастов, а в середине 70-х забросил собственное творчество и целиком посвятил себя тому, что пишут его коллеги (к тому времени он стал профессором литературы в Университете Канзаса). Он изучал историю жанра (книга «Другие миры», 1975), подготовил «Новую энциклопедию НФ» (1988), составил шеститомную антологию «Дорога к научной фантастике»... А при Университете Канзаса Ганн основал Центр по изучению фантастики, в котором есть свой Зал славы и вручаются ежегодные премии имени Джона Кэмпбелла и Теодора Старджона. Словом, профессор — настоящий энтузиаст, да и писатель любопытный. Это видно даже по такому маленькому рассказу, как этот.

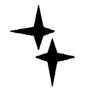
День первый

Учитель сказал моему родителю, что я самый медленный ребенок в классе, но сегодня в третьем квадранте детского сада я создал звезду.

Учитель был удивлен. Он попытался скрыть это и сказал, что солнечный огонь – это красиво, но какая от него польза?

Мне все равно. По-моему, он хороший.

«Kindergarten» by James Gunn



День второй

Сегодня я создал планеты – четыре большие, две среднего размера и три маленькие. Учитель засмеялся и спросил, зачем я сделал так много, ведь все, кроме трех, слишком горячи или слишком холодны для жизни, а большие планеты чересчур массивны и ядовиты, чтобы их вообще можно было использовать.

Учитель не понимает. Цель творения не сводится к примитивной пользе.

Кольца вокруг шестой планеты прекрасны.

День третий

Сегодня я создал жизнь. Теперь я понимаю, почему считается, что творение стоит выше всего остального.

Я слышал, как философы обсуждают смысл существования, но раньше мне казалось, что это признак возраста. До сегодняшнего дня мне вполне хватало ощущения радости: играть с другими детьми, носиться по бесконечному космосу, взрывать нестабильные звезды, превращая их в сверхновые, убегать от гнева взрослых – этим была заполнена вечность.

Теперь я знаю лучше. У жизни должна быть функция.

Учитель был прав: только две планеты среднего размера и одна маленькая годились для жизни. Я создал ее для всех трех, но лишь на третьей планете от солнца моя попытка завершилась успехом.

Я дал жизни на ней одну-единственную функцию: выживать!

День четвертый

Все мое внимание уделено третьей планете. Бульон ее океанов кишит жизнью.

Сегодня я задал вторую функцию: размножаться!

Формы, развивающиеся в океанах, становятся все сложнее и сложнее.

Дети зовут меня поиграть с ними, но я не пойду.

Здесь интереснее.

День пятый

Раз за разом я вытаскиваю морских тварей на сушу и поддерживаю в них жизнь после того момента, когда им следовало бы умереть. Наконец у меня получается. Некоторые из них приспосабливаются к новой среде обитания.

Я был прав. Океан – это, без сомнения, сдерживающий фактор.

Приятно видеть успех обитателей суши.



День шестой

Все, что я сделал до этого дня, – ерунда. Сегодня я создал разум.

Я добавил третью функцию: знать!

Маленький примат превратился в чудесное существо. У него две ноги, оно ходит выпрямившись и смотрит по сторонам любопытными глазами. У него слабые руки и крохотный мозг, но оно побеждает прочих тварей.

Оно даже начало рассуждать обо мне!

День седьмой

Сегодня занятий нет.

После хлопот творения здорово играть снова. Все равно что вырваться из гравитационного поля белого карлика и собрать свою разорванную кометную оболочку.

Учитель опять поговорил с моим родителем. Он сказал, что за последние несколько дней я добился заметного прогресса, но мое творение безнадежно деформировано и противоречиво. Более того, оно потенциально опасно.

Учитель сказал, что его нужно разрушить.

Мой родитель возразил ему, указав, что реакции, протекающие на солнце, научат опасную форму жизни на третьей планете термоядерному синтезу. Если же учесть функции, которые я дал этой форме, проблема отпадет сама собой.

На это учитель сказал, что отвечать придется не моему родителю, а лично он не намерен рисковать.

Я не стал дожидаться завершения спора. В хорошем настроении я отправился по своим делам.

Мне действительно все равно. К тому же от старого творения я устал. Я создам новое – куда лучше.

Но это все-таки была первая вещь, которую я сделал, и потому от легкой сентиментальности никуда не деться.

Если кто-то видит большую комету, устремившуюся к солнцу, то это не я.

День восьмой...

Перевод Александра Ройфе

Евгений Дрозд

ЗОМБИ В НОВОЛУНИЕ

На рубеже 80—90-х годов прошлого столетия имя минчанина Евгения Дрозда было хорошо известно любителям фантастики. Его рассказы печатались в журналах и книгах, а в издательстве «Эридан» вышел авторский сборник «Тень над городом». Увы, бум переводной литературы и разъединение наших государств практически отлучили белорусских фантастов от российских читателей (единственное исключение — Юрий Брайдер и Николай Чадович). Только сегодня восстанавливаются разорванные нити. Новая книга Евгения Дрозда стоит в планах издательства «Вече», новая повесть — выходит в «ЗД».

Страшные секунды полной потери ориентации, когда внезапно просыпаешься в почти абсолютном мраке, в незнакомом помещении, в неведомом месте, глаза различают лишь смутные тени и ничего не могут подсказать разуму, а внезапная мысль «Вдруг снова?!..» готова зашвырнуть тебя в пучину панического ужаса...

«Спокойно... спокойно... я Перегрин Такэда, гражданин Соединенных Штатов, сын японца и индианки племени яки, этнограф, плыву в Пуэрто-Манчо... а! ну, да – я на корабле, корабль называется "Тонто суэньо", а каюта кажется незнакомой, потому что я только сегодня ее самовольно занял...»

Такэда отбросил пропитанную тропической влагой и его собственным потом простыню и уселся на койке.

«...а капитан, конечно, тот еще тип – ну какого, в самом деле, черта должен я терпеть храп соседа, когда по левому борту все каюты свободны?! Так нет же: "Сеньор Такэда должен проживать в той каюте, номер которой указан в его билете..." Сволочь! Хорошо, ключ подошел к дверям вот этой... Но почему я все-таки проснулся? Таблетки на ночь принял, тут все нормально...»

Такэда медленно водил головой по сторонам, вслушиваясь в темноту. Привычный плеск волны за открытым иллюминатором, привычная качка... она, конечно, усилилась после того, как из Панамского канала «Тонто суэньо» вышел в Панамский же залив, но Такэда морской болезнью не страдал и мерного покачивания палубы под ногами уже и не замечал. Что-то, однако, было не так. А... вот оно что – не слышно ровного гула корабельных машин. Стоим почему-то. Странно: до Пуэрто-Манчо никуда заходить не должны. А это что?.. Такэда насторожился: до его ушей донесся приглушенный звук двигателя, работающего на малых оборотах. Только это не были мощные моторы «Тонто суэньо». Что-то калибром поменьше подходило к кораблю с левого борта.

Перегрин высунул голову в иллюминатор.

Над колышущейся черной гладью залива висел тонкий серп старого, на последнем издыхании месяца. Света, однако, было достаточно, чтобы разглядеть темный силуэт приблизившейся почти вплотную к «Тонто суэньо» яхты, шедшей с погашенными огнями. На яхте заглушили движок, и с ее палубы кто-то замигал фонариком. Где-то над головой Такэды послышались негромкие голоса, на яхту перебросили швартовы. Перегрин ощущал в груди восторженный холодок: он, аккуратный университетский мальчик, выпускник колледжа, белый воротничок, типичный представитель «миддл клэсс»; стал невольным свидетелем той стороны жизни, о которой раньше лишь в книжках читал. «А капиташа-то наш не промах! Ясное дело, контрабандой промышляет... может, даже перевозкой наркотиков... на какой-нибудь Медельинский картель работает...» От этой мысли стало жутко: ребятишки в картеле крутые, свидетелей не любят, но Такэда с иступленным любопытством наблюдал, как с борта «Суэньо» к яхте протягивают трап, потом один из принимавших его людей что-то говорит в мобильник, затем наступает минутная пауза... А потом сверху донесся звук чьих-то тяжелых шагов, и восторг щенячьего любопытства у Такэды как ветром сдуло. Он ошеломленно смотрел, как по трапу на борт яхты спускаются люди, которых – Такэда голову на отсечение давал – он за время рейса ни разу не видел, ни среди пассажиров, ни среди команды. В людях этих не было на первый взгляд ничего особенного – ну шагали, быть может, чересчур размеренно, интервал держали с математической точностью, руками и головами подергивали как-то механически... но Такэда, глядя на них, ощущал, как в душу закрадывается тревога, переходящая в темный, необъяснимый ужас. «Роботы какие-то, андроиды...» – мелькнула мысль. «Роботы» спускались на палубу, все той же механической походкой делали несколько шагов и исчезали в чернеющей пасти люка,



ведущего куда-то во чрево яхты. Три или четыре человека, находившиеся на палубе, старались держаться от «роботов» подальше. По их напряженным позам Такэда понял, что испытывают эти люди то же самое, что и он, — страх.

Всего на яхту перешло десятка полтора «андроидов», а процессию замыкал человек, движения которого менее всего можно было назвать механическими. Он преодолел трап в два прыжка с какой-то обезьяньей ловкостью. Это был мулат небольшого роста, очень ладно сложенный, очень гибкий, с наголо выбритым черепом. На нем была блестящая черная рубаха — шелковая или атласная, белые брюки и белые туфли. Мулат проследил, как последний из «роботов» спускается в черный провал, и захлопнул за ним крышку люка. После чего легкой походкой, как бы пританцовывая всем телом, прошел к людям из команды яхты.

Над головой Такэды снова послышались приглушенные голоса, в которых явственно сквозило облегчение. Трап поспешно втягивали назад, на борт «Тонто суэньо». Мулат что-то говорил людям с яхты, которые держались все с той же напряженностью. Перегрин решил, что мулата они боятся, пожалуй, даже больше, чем «андроидов».

Желая получше его разглядеть, Такэда высунулся из иллюминатора чуть дальше и тут же пожалел об этом. Мулат как будто затылком почувствовал его взгляд. Он крутанулся вокруг своей оси с грациозной стремительностью и полоснул по борту «Тонто суэньо» белыми глазами, в которых, казалось, вовсе не было зрачков. Зрачки, конечно, были, но суженные в точку — и на микроскопическую долю секунды они встретились со зрачками испуганно — но недостаточно быстро — отпрянувшего Перегрина.

Оказавшись в уютном мраке каюты, Перегрин испытал вполне детское желание нырнуть в койку, под простыню, накрыться с головой и отгородиться от всего мира: я не я, ничего не видел, ничего не слышал... Сердце бешено колотилось. А в голове вертелась лишь одна мысль, один вопрос: успел разглядеть его мулат или нет? Дурацкий вопрос на какое-то время полностью парализовал волю к действию, пока — через несколько секунд — не возопил инстинкт самосохранения. «Да что же это я?! У них там мобильник... сейчас свяжутся с командой... пошлют людей...» Такэда подхватил одежку, лихорадочным взглядом окинул помещение — не оставил ли чего своего, что может послужить уликой? — выскочил в тускло освещенный коридор и в два прыжка добежал до своей законной каюты.

Могучий храп соседа-коммивояжера показался ему сладчайшей музыкой. У Такэды достало самообладания, чтобы забросить одежду в

шкафчик, прежде чем рухнуть на койку и накрыться простыней. В самый раз: из коридора послышался звук осторожных шагов и негромкие голоса. Такэда, лежа на правом боку, зажмурил глаза и сжался в комок. Он лежал, ожидая неизвестно чего и проклиная гулкий стук сердца, который, как ему казалось, набатом разносится надо всем Тихим океаном. И дождался: рукоятка двери тихо провернулась – Такэда видел это сквозь ресницы не до конца закрытого правого глаза – и дверь стала бесшумно открываться. Из коридора в каюту протянулась полоска тусклого света. Она уперлась в койку Такэды и медленно расширялась. Перегрин, лежащий в позе эмбриона, усиленно дышал обеими ноздрями, изображая глубокий сон. Но сквозь ресницы он увидел, как в каюту кто-то заглянул, несколько секунд стоял неподвижно, вслушиваясь и всматриваясь, затем подался назад и так же тихо затворил за собой дверь. Звук крадущихся шагов удалился, затих, снова возобновился, сильно ослабленный стенками и расстоянием. Должно быть, проверяли каждую каюту.

Еще какое-то время Такэда лежал неподвижно, напряженно вслушиваясь в ночную темноту, а потом незаметно для себя заснул.

Утром все случившееся ночью казалось сном, но раздумывать об этом было некогда. Корабль уже входил в гавань Пуэрто-Манчо, и нужно было быстренько собраться и успеть заскочить в кантину. Завтрак входит в стоимость билета, так не пропадать же добру. За столом все было как обычно – никто не вперял в него пристального испытующего взора, никто зловеще не перешептывался, кося взглядом в его сторону...

Сухо попрощавшись с капитаном и забросив на плечо здоровенную сумку, Такэда по шаткому трапу сошел на твердую почву гавани Пуэрто-Манчо, откуда вскорости ему предстояло отправиться в этнографическую экспедицию по изучению шаманских практик племен, проживающих в самих глухих уголках и дебрях Восточных Кордильер и в междуречье Инирида – Гуавьяре.

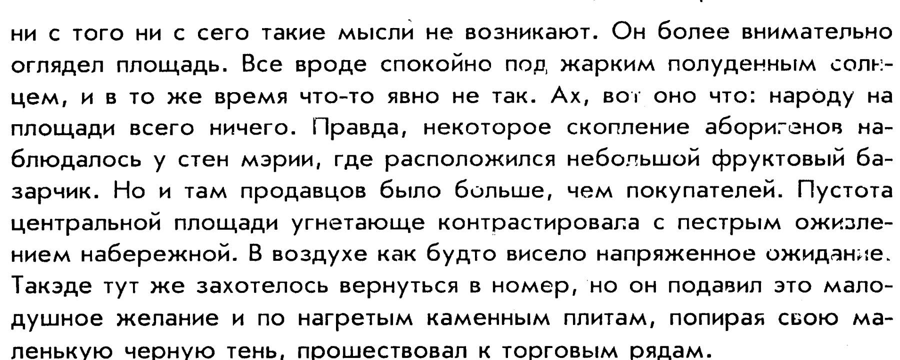
Оставив за спиной гудки буксиров, завывание портовых кранов и вопли грузчиков у открытых ворот пакгаузов, Такэда вышел на набережную. Остановился у пальмы, обвел взором панораму невысоких аккуратных зданий, выстроенных явно в позапрошлом веке в испанском колониальном стиле. Задрав голову, перевел взгляд выше, на окружающие городок зеленые холмы, густо поросшие тропической растительностью. Порыв ветра, пришедший, должно быть, из самых глубин континента, принес с собой незнакомый пряный аромат, от которого у Такэды расширились ноздри. Каждый город обладает своим неповторимым запахом – своего рода визитной карточкой. У Пуэрто-Манчо кар-

точка эта была привлекательной. Порыв ослабел, и Такэда окунулся в стихию запахов уже знакомых, но тоже приятных. Слева от него, в маленьком кафе под полосатым тентом, готовили крепкий и ароматный кофе по-турецки. Сам кофе, разумеется, был бразильским. Мимо с достоинством прошествовал седоусый сеньор в белом костюме и белой широкополой шляпе. Он курил сигару. Из кафе через дорогу доносился аромат приготавливаемых мясных блюд с незнакомыми Такэде специями. Аромат был такой, что Перегрин невольно проглотил слюну, хотя завтракал совсем недавно. С пляжа тянуло запахом выброшенных на берег водорослей. Громкая музыка заставила этнографа оглянуться. На пляже, на белом песке, группа смуглых парней, одетых лишь в длинные, по колено, трусы ярких расцветок, под звуки самбы, несущиеся из мощного кассетника, отрабатывала прыжки и стелющиеся подсечки капоэйры. Их подбадривали темнокожие подружки в белых бикини. По набережной мимо Такэды пробежала пестрая стайка девчонок самого опасного возраста, одарив этнографа огненными взорами влажных черных глаз, хихиканьем и сложным запахом французского парфюма.

Да, Такэде здесь положительно нравилось. Он ухмыльнулся, жестом тормознул такси и отправился в гостиницу.

Отель «Паласио» на площади Оружия был выстроен все в том же староиспанском стиле. Побеленные стены, карнизы и навесы, жалюзи и узорные чугунные решетки на окнах, балкончики с чугунными же перилами. У регистратора Такэду поджидала записка от Виктора, который должен был стать проводником Перегрина на первом этапе экспедиции. Виктор писал, что в связи с некоторыми вновь возникшими обстоятельствами выезд задерживается на несколько дней, приносил извинения, просил ожидать его в отеле и не скучать. Такэда слегка нахмурился. Перспектива проторчать неизвестно сколько в городке, в котором нет ни одной знакомой души, Перегрину вовсе не улыбалась. Но делать было нечего. «Ладно, – решил Такэда, – назовем это периодом акклиматизации...» Он забросил вещи в номер и отправился осматривать местные достопримечательности.

Помимо отеля на площади располагалась мэрия, кафедральный собор с барочным фасадом и – в самом центре – памятник какому-то невнятному генералу, герою какой-то то ли войны, то ли революции позапрошлого столетия. Такэда на секунду застыл в нерешительности, не зная, в какую сторону податься. Открытый портал собора манил прохладной мглой, предлагая спокойное убежище. Такэда сузил глаза. Он не понимал, с чего бы это в голову пришла мысль об убежище, и ему это не нравилось. Такэда привык доверять своей интуиции и знал, что

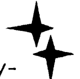


ни с того ни с сего такие мысли не возникают. Он более внимательно оглядел площадь. Все вроде спокойно под жарким полуденным солнцем, и в то же время что-то явно не так. Ах, вот оно что: народу на площади всего ничего. Правда, некоторое скопление аборигенов наблюдалось у стен мэрии, где расположился небольшой фруктовый базарчик. Но и там продавцов было больше, чем покупателей. Пустота центральной площади угнетающе контрастировала с пестрым оживлением набережной. В воздухе как будто висело напряженное ожидание. Такэде тут же захотелось вернуться в номер, но он подавил это малодушное желание и по нагретым каменным плитам, попирая свою маленькую черную тень, прошествовал к торговым рядам.

Ну, с фруктами и овощами все было в порядке, чего не окажешь о продавцах. Видимо, по какому-то древнему обычаю торговлишкой в Пуэрто-Манчо занимались исключительно мужчины, причем все как на подбор – вне зависимости от национальной и расовой принадлежности – крутые амбалы с крайне неприятными и даже отталкивающими физиономиями. Интуиция уже не нашептывала свои предостережения Перегрину, а просто орала на два голоса, в паре с инстинктом самосохранения, что нечисто что-то на этой площади и что надо по-быстрому отсюда сваливать. Такэда так и хотел сделать, но гордость не позволяла выказывать поспешность. И он даже заставил себя задержаться у последнего в ряду торговца – здоровенного негра с переломанным носом и разбитыми бровями профессионального боксера – и поинтересоваться ценой авокадо и папайи. Негр не ответил – он напряженно вглядывался вдаль поверх плеча Такэды. Этнограф невольно обернулся, и проследил взгляд торговца: с ведущей к набережной улицы на площадь въезжали гуськом несколько армейских джипов. Джипы как джипы, ничего особенного. Но когда Такэда в легком недоумении снова повернулся к негру, в руках у того уже находилось оружие – то ли маленький автомат, то ли очень уж внушительный пистолет.

Американских детишек с самых ранних классов учат, как надо поступать, когда вблизи оказывается злой дядя с оружием в руках и загадочным блеском в глазах.

Такэда рухнул ничком на теплые каменные плиты и откатился в сторону прежде, чем на площади разразился ад. «Продавцы» дружненько палили по джипам, оттуда тоже, кажется, начали отвечать. Такэда высмотрел вблизи проход между зданиями и с низкого старта рванул к нему. Шальная пуля с визгом срикошетила у самых его ног. Ныряя в проход, Перегрин краем глаза заметил, что из джипов действительно выпрыгивают люди и, прячась за машинами, открывают огонь по «торговцам».



Проход на деле оказался тупиком. Прямо перед Такэдой была глухая перемычка между домами, справа – совершенно глухой брандмауэр, в стене слева – одно окно, однако на высоте второго этажа, не достать. Перегрин понял, что тут он в ловушке, но на площади, помимо одиночных выстрелов и автоматных очередей, начали греметь уже и взрывы, и возвращаться туда очень не хотелось. Поэтому этнограф забился в самый дальний угол тупика, спрятался в густой, чернильной тени, по диагонали перечеркивающей прямоугольник шириной метра три и длиной метров шесть.

Вжимаясь в стену, Такэда напряженно вглядывался в неширокое пространство площади, доступное его взору. Однако события происходили за пределами этого узкого горизонта. Там гремели взрывы и выстрелы, слышались вопли и стоны, ругательства и команды. А в поле зрения Перегрина лишь проплывали облачка порохового дыма, да временами видно было, как пули вышибают осколки из каменных плит. Такэда уже начал надеяться, что все как-то обойдется, но тут в тупик, заслоняя вид на площадь, ввалилась крупная фигура – тот самый негр, у которого этнограф ценами интересовался. Негр прижался к стене и, бормоча себе под нос что-то невнятное, выщелкнул пустой магазин своей пушки и вставил новый. Такэду он пока что не замечал, и этнограф стоял ни жив ни мертв. Негр, держа пистолет обеими руками, осторожно высунулся за угол, и тут на площади, метрах в трех от тупика, прогремел взрыв ручной гранаты. Взрывной волной негра забросило в тупик, и он рухнул на ярко освещенный камень неподалеку от границы света и тени. Это уже потом Такэда сообразил, что негр, по сути дела, спас его, приняв на себя все осколки. Но сейчас у Перегрина ослабли колени, и он сполз по стене, опустившись на корточки и в ужасе разглядывая труп. Пробитая во множестве мест белая рубашка убитого быстро превращалась в красную. Зрение Такэды необычайно обострилось, он с ужасающей отчетливостью и ясностью воспринимал самые мельчайшие детали: красные прожилки на белках закатившихся глаз негра, ниточку слюны в углу огромного полураскрытого рта, блестящую зеленую муху, по-хозяйски опустившуюся на этот самый уголок... Из-под затылка, покрытого жесткими черными кудряшками, вытекала тонкая струйка крови и быстро устремлялась по каменным плитам, казавшимся в ярком солнечном свете почти белыми, к затененному участку, где притаился Такэда. Казалось, кровь спешила укрыться от палящего солнца. Этнограф как под гипнозом следил за ее веселым бегом. Вот струйка пересекла границу света и тени, вот она достигла носка правой кроссовки этнографа... Тут в мозгу Перегрина как будто что-то взорвалось. Он метнулся к трупу и яростно принялся выдирать

пистолет из судорожно сжатых пальцев негра. Каждый палец пришлось отгибать по отдельности. Завладев оружием, Перегрин пришел в себя. Он уже не чувствовал себя агнцем на заклание. Теперь он и огрызнуться сможет. Тяжесть оружия в руке придавала уверенности. Такэда внимательно вглядывался в выход из тупика. Высовываться он не намеревался, но в случае чего гостей встретит достойно...

Гости не замедлили явиться. На этот раз в тупик после особо яростной серии взрывов, воплей и пальбы забежали двое. Оба в светлых гражданских костюмах, не скрывавших, однако, армейской выправки. Тот, что помоложе, – бритоголовый негр с чеканным римским профилем – стал у самого выхода, держа револьвер обеими руками и стволом вверх. Время от времени он высовывался за угол, делал выстрел-другой и тут же укрывался в тупике. Второй, постарше, светлокожий, с ежиком коротко стриженных седых волос, стоял спиной к Такэде; он тоже был вооружен, но ствол его револьвера смотрел в землю.

Этих двоих Перегрин не видел среди «торговцев» фруктами, потому заключил, что они из другого лагеря. Во всей этой заварушке Такэда был фигурой приблудной, но в силу обстоятельств приходилось определяться – на чьей он стороне. Эти двое казались гораздо симпатичнее «торговцев». Такэда уже принялся обдумывать, как ему поделикатнее выдать свое присутствие, да так, чтобы его при этом не пристрелили, но тут какой-то бесшумный отблеск, скользнувший по тупику, заставил его поднять глаза. Он увидел, как медленно, осторожно открывается единственное окно в стене напротив и из него выглядывает некто с еще более отталкивающим лицом, чем у всех «торговцев» вместе взятых. Вслед за лицом из оконного проема высунулся ствол автомата Калашникова. Незнакомец, изогнувшись и опершись локтем на подоконник, с жестокой улыбкой на ярко накрашенных губах целился в спины людям, стоявшим у выхода из тупика.

У Такэды были доли секунды для принятия решения, перевернувшего всю его жизнь, и он его принял. Оп поднял свой пистолет и нажал на спусковой крючок.

У проклятой штуковины оказалась сильнейшая отдача, подбросившая руку Такэды вверх, так что большая часть пуль ушла в небо, а грохот выстрелов просто оглушил его. Но две или три пули цели достигли.

От шока Такэда впал в состояние, которое уже приключалось с ним несколько раз в жизни – всегда в критических ситуациях – и которое он называл «объемным зрением». Он схватывал всю картинку как бы со стороны и сверху, и события в охватываемом таким зрением объеме развивались в замедленном темпе.



Вот он сам стоит, отчаянно пытаясь удержать в руке дергающееся оружие... вот медленно переваливается через подоконник тело убийцы с «Калашниковым»... вот оборачиваются на грохот выстрелов стоящие у выхода из тупика, стволы их револьверов поворачиваются в сторону Такэды и, возможно, пальцы уже начали давить на спусковые крючки...

Выпавшее из окна тело с глухим стуком ударилось о землю рядом с трупом негра. Объемное зрение пропало, и время помчалось с обычной скоростью. Реакция у тех двоих оказалась хорошей: они мгновенно оценили обстановку и придержали пальцы на спусковых крючках. Но Такэду это не утешило, ибо обнаружился еще один свидетель, которого этнограф меньше всего хотел бы здесь видеть. В оконном проеме, из которого выпал тип с помадой на губах и с «Калашниковым» в руках, на секунду возник персонаж из ночного кошмара Перегрина — мулат с яхты. Мулат цепким взором белых глаз зафиксировал общее положение дел и сгинул во мраке проема, прежде чем Такэда принялся по нему палить. На этот раз этнограф держал свою пушку обеими руками и пули шли более кучно, хотя и бесполезно: у мулата реакция тоже была хорошей. Такэда, однако, жал на курок, пока не закончились патроны.

— Ну, хватит, хватит, успокойтесь, дружище!

Этнограф, продолжая целить в окно, резко повернул голову на голос.

К нему обращался тот, что постарше, — он неслышно подошел к Такэде. Негр остался удерживать позицию у выхода из тупика.

— Хорошее у вас оружие, — сказал подошедший, внимательно разглядывая пистолет в руках Такэды.

— Это не мое, это вот его... — Перегрин показал стволом на труп негра. — А что — действительно хорошее?

— М10, «Ингрем», — пояснил незнакомец. — Серьезная машина. Запрещена к продаже частным лицам. Но разрешите представиться — полковник Хиткот Элгертон, отдел по борьбе с наркотиками, ФБР.

Полковник слегка поклонился и даже, кажется, каблуками прищелкнул.

— Перегрин Такэда, этнограф. Я тоже американец...

Полковник произнес что-то дежурно-вежливое и склонился над трупами. Сначала осмотрел негра.

— Этого не знаю, — заметил он и перешел к лежащему ничком автоматчику. — Вы мне не поможете?

Вдвоем они перевернули застреленного Перегрином типа на спину. Пули Такэды попали ему в грудь и живот, лицо оказалось нетронутым.

— Голубой, что ли? — спросил Такэда, разглядывая толстый слой пу-

дры, ярко накрашенные губы, накладные ресницы, умело наложенные тени на веках и серьги в ушах.

Полковник не ответил, а только как-то странно посмотрел на Такэду и сам задал вопрос:

– В кого вы только что палили? Там еще кто-то был? – Он махнул рукой в сторону окна.

Перегрин кратким, но исчерпывающим образом описал ему облик мулата.

Полковника как будто током ударило. Он, ни слова не говоря, метнулся к негру и бросил ему несколько фраз. Негр как бы даже с испугом оглянулся на Такэду и, козырнув, исчез за углом. Полковник занял его позицию и временами высовывался из-за стены на площадь, но не стрелял. Пальба к тому моменту почти затихла. Издали донеслось завывание полицейской сирены.

– Наконец-то! – сказал полковник подошедшему к нему Такэде. В голосе его звучала ирония. – Славная полиция Пуэрто-Манчо заподозрила, что в городе что-то не в порядке.

– А далеко отсюда до полицейского управления?

– Невероятно далеко, дружище, целых два квартала!

Негр вернулся через несколько минут и на немой вопрос полковника слегка развел руками:

– Никого, сэр, в мэрии только служащие: их всех в одну комнату согнали и заперли... А еще там торговцы – настоящие – да несколько случайных прохожих. Ясно, что бандитами на площади руководили из здания мэрии, но сейчас там никого. Ни главарей, ни рядовых, сэр. Я на всякий случай оставил там сержанта Уиллиса и пару ребят.

Полковник помрачнел и на минуту задумался.

– Ладно, – сказал он наконец. – Ясно, что операция провалена, даже не начавшись. И, судя по тому, что нас ждали, утечка произошла на самом высоком уровне. Здесь нам теперь делать нечего, отходим на базу.

– На побережье, сэр? – спросил негр.

– Да. А Перегрин... кстати, познакомьтесь, джентльмены: капитан Джотам Пентекост, ФБР, – Перегрин Такэда, этнограф... Так вот, мистер Такэда, вы поедете с нами.

– Но, сэр! – запротестовал этнограф. – У меня совсем другие планы! Через несколько дней я должен отправиться в экспедицию, мне только человека дождаться надо.

– Боюсь, мистер Такэда, вы не понимаете всей серьезности положения, и боюсь, у меня для вас очень плохие новости. Вы слыхали про наркобарона Эскапильо?



Перегрин кивнул.

– Так вот, человек, которого вы подстрелили, – это Альфонсо Бьой Контаридо по кличке Чикилла, любовник Эскапильо. А мулат, который знает, что это сделали вы, зовется Гектор Пончиа. Его кличка Эль Диабло, он – правая рука Эскапильо, специалист по самым грязным и кровавым делам. Вы и с нами не будете в безопасности, но если вы останетесь один в этом городишке, то за вашу жизнь я и цента не дам. Несколько минут назад вы, Перегрин, самолично подписали себе смертный приговор. И если вы попадете в лапы Эскапильо, то с вашей стороны будет очень наивно рассчитывать на быструю и легкую смерть.

Полковник Элгертон замолчал и стоял, со значением разглядывая этнографа.

Тот с отвисшей челюстью переваривал услышанное.

Капитан Пентекост нетерпеливо переводил взгляд с полковника на Перегрина.

– Но... у меня там вещи в гостинице... и Виктора предупредить надо... – наконец выдавил из себя Такэда.

– Мы не сразу уезжаем, – терпеливо пояснил Элгертон. – Пока все формальности с полицией уладим, потери подсчитаем, состояние джипов проверим... вы все успеете сделать. Идемте же.

Из пяти принадлежащих команде полковника джипов на ходу были три. В них и разместились все уцелевшие и легкораненые. Двоих убитых и одного тяжелораненого оставили в Пуэрто-Манчо под ответственность полиции и местных спецслужб.

Маленькая колонна продиралась по грунтовке сквозь гущу прибрежных дождевых лесов. Моторы джипов взревывали на колдобинах и ухабах, колеса пробуксовывали в красном суглинке. Но вопли попугаев и яростные трели других тропических птиц заглушали даже гул двигателей. Такэда вместе с полковником и капитаном ехал в средней машине. Кроме них и водителя в джип втиснулись сержант Уиллис и еще два спецназовца – так Перегрин окрестил про себя этих крепких парней в штатском, но при оружии.

– Так что же, дружище, занесло вас в эти края? – спрашивал полковник.

Такэда, все еще не пришедший в себя после столь резкого поворота судьбы и ломки всех планов, глядя неподвижно перед собой, монотонно пояснил:

– Этнографическая экспедиция с целью изучения шаманской практики диких племен, обитающих в джунглях междуречья Инирида – Гуавьяре и в отрогах Восточных Кордильер...



Полковник Элгертон и капитан Пентекост смотрели на него, как на марсианина.

– Джунгли... – мечтательно протянул капитан. – Кровожадные дикари, пляски у костра и грозный гул барабанов. И кругом – опасности...

– Ну да, – подхватил полковник, – ягуары и эти... анаконды...

– Кайманы и пираньи...

– Огненные муравьи и ядовитые пауки марки «черная вдова»...

Оба глубоко вздохнули.

– Мне очень жаль, Перегрин, – мягко сказал полковник, – что все так получилось и вы к своим дикарям если и попадете, то не скоро. С ними вам было бы лучше и гораздо безопасней.

– А я, сэр, – сказал капитан, – с самого начала понял, что не будет нам в этом деле удачи. Утром, когда я выходил из дома, мне дорогу перебежала черная кошка; как только я вывел машину из гаража и выехал на шоссе, меня подрезал черный «понтиак»; а когда мы на базе в Майами выруливали на взлетную полосу, у нас перед самым носом стартовал черный самолет...

– Ну, во-первых, Джотам, вам как чернокожему несчастья должны приносить не черные, а белые кошки, а во-вторых, что это еще за черный самолет?

– Ну, этот сверхсекретный «Стеллс F-22»...

– А-а...

Полковник хотел, видимо, что-то сказать, но не успел.

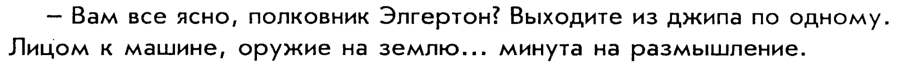
Водитель резко ударил по тормозам, потому что идущий впереди, метрах в двадцати от них, джип внезапно подпрыгнул и превратился в огненный шар. Такэда, парализованный ужасом, смотрел, как из шара выпала темная человеческая фигура, окутанная пламенем. Она свалилась в высокую траву и каталась в ней, пока не замерла.

Послышался негромкий хлопок и сразу же вслед за ним взрыв сзади: теперь загорелся третий в колонне джип.

– Боже! – прошептал кто-то из спецназовцев.

Руки водителя на рулевом колесе были совершенно белые.

Слева и справа от джипа, в густых непроницаемых стенах тропической зелени, замелькали веселые огоньки, послышались не то автоматные, не то пулеметные очереди, но пули прошли гораздо выше машины, срезая ветки, веточки и листья, которые градом посыпались на крышу. На капот с глухим стуком свалился подстреленный шальной пулей попугай гуакамайо и затрепыхался, теряя перья голубых крыльев и красного хвоста. Через несколько секунд стрельба прекратилась, и послышался усиленный громкоговорителем голос:



– Вам все ясно, полковник Элгертон? Выходите из джипа по одному. Лицом к машине, оружие на землю... минута на размышление.

Говорили по-английски, но с местным акцентом. Воцарилось молчание, даже вопли птиц затихли, только слышался треск пламени двух страшных костров, блокирующих дорогу.

Капитан посмотрел на полковника. Тот едва заметно пожал плечами.

– Выходим, – сквозь зубы сказал он.

Капитан кивнул сержанту Уиллису, тот дал знак водителю:

– Давай ты, Хобарт, а потом вы, ребята. – Он повернулся к двум спецназовцам.

Водитель – бледный парнишка, самый молодой из всех, – спиной вперед полез из машины.

– Хотел бы я знать, – процедил капитан, – на кого это мы нарвались – на картель или на партизан?

– И если это партизаны, сэр, – добавил сержант Уиллис, – то кто – «Тупак Амару» или «Сендеро Луминосо»?

– Не все ли равно? – пробурчал капитан.

– Не скажите, сэр. «Тупакамаровцы» сейчас озлобленные после той истории с захватом новозеландского посольства, они могут и сразу шлепнуть, а «сендеровцам» нужны заложники, тут у нас есть шанс...

– Я не удивлюсь, – сказал полковник, – если среди этих партизан мы увидим людей из картеля.

Он повернулся к окаменелому Такэде.

– Очнитесь, дружище, приехали. Вылезаем...

Он чувствительно потряс этнографа за плечи. Это помогло. Перегрин чуток собрался с силами и полез вслед за полковником наружу.

Когда они все стояли, выстроившись в шеренгу лицом к джипу и заложив руки за голову, из леса начали выходить обильно вооруженные люди в камуфляже, в армейских шапочках с козырьками, усатые, бородатые и длинноволосые.

– Слава Богу, – тихо сказал сержант, – «Сендеро»...

Чуть позже выяснилось, что радовался сержант рановато, а полковник оказался пророком. После того, как партизаны весьма грубо обыскали пленников и, разрешив им повернуться лицом к лесу, принялись потрошить содержимое их сумок и багажника джипа, из зеленой стены вышли еще двое. Ну, один был явно командир – команданте: хотя и в той же пятнистой униформе и в той же кубинской шапочке, но борода погуще, сигара потолще, револьвер в кобуре на боку какой-то уж больно здоровый – «магнум», что ли? – а на брюхе болтаются бинокль и мегафон. Но вот второй...

Увидев его, Такэда мысленно застонал: «О нет! Только не это!..» Но это был именно он. Перегрин понял, что этот человек – его судьба, его рок, злой гений и личный даймоний...

Мулат мгновенно вычислил этнографа среди пленных и направился именно к нему. Подошел вплотную, мельком окинул взглядом остальных, слегка задержавшись на полковнике и капитане, после чего принялся спокойно, как бы изучая и оценивая, разглядывать Такэду. Этнограф почувствовал, как у него все внутренности стянулись в тугой узел. У Гектора Пончиа радужки глаз в силу каких-то причин обесцветились и почти сливались с белками, а зрачки были суженные – с булавочную головку. Он выглядел персонажем низкобюджетного фильма ужасов.

Наконец, видимо удовлетворенный осмотром, он оскалился в ухмылке, от которой у Такэды все внутри заледенело, и, обернувшись к полевому командиру, сказал:

– Хорошо, Эдериго, босс будет доволен. Это немного смягчит горечь его утраты. Грузитесь и поехали.

И через несколько минут Такэда – все в той же компании и в том же джипе – ехал в неизвестном направлении. Только теперь все они были связаны и без оружия, а джип спереди и сзади сопровождали два открытых бронетранспортера советского производства, битком набитые веселыми, жизнерадостными партизанами. Такэда, однако, еще до отправления успел заметить, что когда к партизанам приближался мулат, всякое веселье тут же исчезало, сменяясь настороженным молчанием.

Неведомой пленникам цели достигли под вечер. Ею оказалась заброшенная в джунглях деревушка, расположенная у самого подножия крутого, поросшего лесом склона, тянущегося с севера на юг. По каким-то неуловимым признакам Такэда заключил, что если подняться на этот гребень, то сверху можно увидеть просторы океана. Пленников вывели из джипа, полевой командир коротко переговорил с мулатом, махнул рукой своим людям и запрыгнул в БТР, после чего обе машины развернулись и уползли в лес, оставив после себя бензиновую гарь и быстро затухающий шум моторов. Совсем другие люди окружили пленников. Вооружены они были не хуже партизан, но этим сходство и кончалось. Одеты кто во что горазд, взгляды пристальные, тяжелые. Они бесцеремонно разглядывали пленных, обменивались негромкими репликами. Из ближайшей бревенчатой хижины торопливым шагом вышел бородач в широкополой шляпе, белых парусиновых штанах и жилетке на голое тело. Подойдя к мулату, он почтительно снял шляпу и согнулся в поклоне.



– Буэнос тардес, сеньор Пончиа!

Мулат в знак приветствия грациозно-небрежно махнул рукой.

– Асор, – сказал он негромко, – завтра к нам прибудет сеньор Эскапильо... Чтобы поговорить вот с этими... – Короткий взгляд в сторону пленных. – И он будет очень, очень разочарован, если их здесь не застанет... особенно вот этих троих... – Жест в сторону Такэды, полковника и капитана. – Но ведь мы не хотим огорчать сеньора Эскапильо?

– Ну что вы, сеньор Пончиа, как можно! Тюрьмы у нас здесь, конечно, нет, но из хижины они тоже никуда не сбегут: ребята глаз не спустят, вот увидите...

– Погоди, Асор, не мельтеши. Я вот что подумал: а не переправить ли их сразу же на Рока Алегре...

– Хорошая идея, сеньор Пончиа, – ухмыльнулся бородач Асор.

– ...и не поручить ли их заботам *моих* мальчиков – надо же их в деле испытать, – завершил мысль мулат, сделав легкий нажим на слове «моих».

Ухмылка тут же сгинула с лица Асора, он непроизвольно обернулся на пленных, которые угрюмо слушали непонятный, но, ясное дело, не сулящий им ничего доброго диалог.

– Как скажете, сеньор Пончиа. Вам виднее, вам решать.

– Вот я и решил, Асор, – мягко закончил разговор Пончиа. – Распорядись отконвоировать этих на Рока Алегре, а следом я приведу *своих*. Действуй.

Асор кивнул, нахлобучил шляпу и принялся действовать. Вскоре полторы дюжины вооруженных автоматами бандитов погнали семерых пленных вверх по склону.

Шедшая среди кустов и деревьев тропа была извилиста, очень неровна, но довольно полога. Подъем занял минут пятнадцать. Как и предполагал Такэда, когда они достигли вершины гребня, оттуда открылся вид на пустынные просторы Тихого океана. Сам гребень порос невысокими кустарниками и редкими пальмами. Пленников вывели на утоптанную проплешину, на которой кустарник был вырублен. Площадка круто обрывалась вниз, и если стать на самом краю, можно было видеть, как далеко внизу бурлила белая пена прибоя, разбивавшегося об острые скалы. Такэда, оказавшийся именно на краю, от которого, впрочем, его тут же отогнали, оценил высоту метров в сорок–шестьдесят.

На проплешине, разделяя ее пополам, были уложены метров тридцать рельсового пути, а на рельсах покоилась решетчатая конструкция на роликах – выдвижной мост. Два толстых каната тянулись от моста к

базальтовому столбу-утесу с ровной площадкой на вершине. Утес и континентальный гребень разделяла широкая расселина. Асор повелительно махнул рукой, и четверо его людей навалились на рукоятки ручной лебедки. Мост дрогнул и заскользил по рельсам в сторону утеса. Когда его дальний конец уткнулся в площадку на вершине и расселина оказалась перекрытой, Асор обратился к пленным, апатично наблюдавшим за ходом операции.

— Сеньоры! — произнес он, широко ухмыляясь, как будто сообщал некое чрезвычайно радостное известие. — Добро пожаловать на Рока Алегре — место, где сеньор Эскапильо любит беседовать со своими гостями. Да только вот жалость: гости этих бесед не любят, они от них помирают...

Тут Асор не выдержал, прыснул и разразился искренним, давно удерживаемым смехом. Его люди тоже радостно заржали, загоготали. Под этот веселый аккомпанемент пленников по шаткому мосту перегнали на утес. Переводили по одному, в сопровождении двух амбалов, плотно державших конвоируемую единицу, чтобы та не вздумала какой-нибудь номер выкинуть. «Без глупостей, — предупредил весельчак Асор перед началом операции. — Может, кто-нибудь из вас задумал вызвать недовольство сеньора Эскапильо и с моста спрыгнуть? Так лучше сразу скажите — мы вам тогда жилы на ногах подрежем и на руках перенесем. А только до встречи с сеньором Эскапильо вы все доживете, это я вам обещаю...»

Неизвестно, как у других, но у Такэды, не ожидавшего от завтрашнего дня ничего радостного, такие мысли возникли. Но Асор явно не шутил, и пришлось смиренно позволить двум гориллам перевести себя по раскачивающейся конструкции на ту сторону. Мост казался хлипким и ненадежным, смотреть вниз было жутко, и, оказавшись на твердой почве, Такэда невольно испустил вздох облегчения. Хотя радоваться, конечно, было нечему. Такэда угрюмо осмотрел место, которое, судя по всему, должно было стать его последним пристанищем, и не увидел ничего обнадеживающего: голая каменная площадка, почти круглая, чуть больше, чем цирковая арена, в центре торчат несколько столбов с перекладинами и заостренные колья. Догадаться о назначении этих нехитрых приспособлений было несложно: фрагменты человеческих скелетов, обильно сваленные у подножия этой архитектуры, говорили сами за себя. На один из кольев была насажена совсем еще свежая жертва — череп грифы уже отполировали, но на корпусе и конечностях еще болтались черные ошметки плоти и лохмотья одежды. Когда пленников начали загонять на утес, несколько грифов с оглушительным хлопаньем крыльев и недовольными, пронзительными воплями тя-



жело снялись с площадки и утянули в сторону материка. Сейчас они вернулись и плавно кружили над гребнем. Такэда с тоской посмотрел на них и отвернулся в сторону океанских просторов.

«Если бы Виктор не подвел, сейчас уже ехал бы в сторону междуречья...» – подумал он с горечью.

Внезапно атмосфера на утесе резко изменилась, и это заставило этнографа снова обернуться в сторону моста. Над площадкой повисло угрюмое, настороженное молчание, бандиты перестали гоготать и отпускать шуточки по поводу пленных. Причина была очевидной: по мостику на утес шествовала вереница новых людей. Ну, Такэда их уже видел прошлой ночью – Господи! еще и суток не прошло, а кажется, это было полжизни назад! – потому он был как-то подготовлен к этому явлению, но фэбээровцы, да и бандиты тоже, как будто внезапно почувствовали ледяное дыхание вечной полярной ночи. «Роботы» из ночного кошмара Такэды ровной механической поступью выходили на площадку и, выстраиваясь в шеренгу перед пленными, замирали в неподвижности. Бандиты невольно попятились, сбились в кучу и заняли позицию за спинами пленных. Перегрин при свете дня смог более подробно разглядеть «роботов» – если не смотреть на лица, то ничего особенного: в основном крепкие мужики, среднего возраста, всех цветов кожи, только вот все одеты в черные, подозрительно хлипкие, хотя и фасонно пошитые костюмы, у многих уже разошедшиеся по швам. Но лица... Тоже, конечно, самые разные, но различия начисто смазывались одним общим свойством – полным отсутствием какого бы то ни было человеческого выражения. И глаза как мутные цветные стекляшки. Казалось, само солнце потускнело, когда эти твари вышли на площадку. Такэда, глядя на них, ощущал, как у него под кожей пробегают волны ледяного озноба. А еще он отметил деталь, которую ночью не разглядел: у каждого из «роботов» над переносицей блестел небольшой – размером с монету – кружок из белого металла.

Последним на площадку вышел мулат, осмотрел диспозицию, остался ею доволен, отдал негромкое приказание – и начался какой-то сюрреалистический ритуал. Пленных поодиночке проводили перед шеренгой «андроидов», причем возле каждого из них нужно было останавливаться на пару секунд, мулат произносил одну и ту же фразу на незнакомом языке, и пленного подводили к следующему «роботу». У Такэды вновь прорезалось объемное зрение, он охватил всю сцену одним взглядом откуда-то сверху и со стороны – океан, гребень с пальмами, волны и пена прибоя, грифы и чайки, базальтовый утес, пестрая банда, угрюмые пленные, зловещая шеренга... и по достоинству оценил восхитительный абсурд происходящего. «Это все со мной происходит?!»

До банального «А может, я сплю?» Перегрин все же не скатился – знал, что не спит. Нормальное восприятие мира вернулось, когда настала очередь самого Такэды проходить перед строем. И когда слева от него оказался первый из «андроидов» и Такэда вновь ощутил ледяную волну под кожей, а его дрогнувшие ноздри явственно учуяли запах сырой земли, откуда-то из подсознания выплыло наконец нужное слово, и этнограф только поразился: как же он раньше не догадался, с кем или, вернее, с чем они имеют дело? Ему захотелось выпалить это слово вслух. Но он сумел сдержаться.

Лишь когда бандиты торопливо и нервно – а Гектор Пончиа небрежно-вальяжно – удалились с утеса и, навалившись на рычаги лебедки, перетянули мост назад к гребню (так что утес с материком снова соединял лишь переброшенный через шкив канат), а пленники, согнанные в центр площадки к зловещим столбам и кольям, в угрюмом молчании рассматривали сплошное кольцо неподвижных стражей с мачете в руках, – лишь тогда наконец слово было произнесено:

– Зомби!

Все посмотрели на этнографа. Сержант Уиллис, носком ботинка осторожно сдвигавший в сторону кости и черепа, чтобы расчистить место, где можно было бы сесть, прервал свое занятие и спросил:

– Что зомби?

Этнограф махнул рукой в сторону кольца стражей.

– Все эти твари. Это зомби.

Капитан иронически приподнял бровь, полковник посмотрел на Такэду пристально.

– Мы не в кино, – сказал он медленно.

– Да причем тут кино?! – завопил Такэда и, боясь, что ему не дадут говорить, принялся объяснять сбивчиво и торопливо:

– Это все реально... я читал отчет Денниса Аллена из бостонского «Биофарма». Колдуны вуду умеют изготавливать так называемую «пудру смерти»... главный компонент там – яд рыбы пузана, который содержит тетродотоксин... человек от этой пудры впадает в летаргию, которую практически невозможно отличить от смерти... особенно в какой-нибудь провинциальной клинике, где нет современного оборудования. Человека хоронят, потом тайно откапывают... Если с ним больше ничего не делать, то постепенно он вернется к нормальной жизни, но, конечно, в зомби его не для этого превращают... Обычно таких отвозят на дальние плантации, а там с помощью какого-то специального пойла, изготавливаемого из множества трав, поддерживают в промежуточном состоянии между жизнью и смертью – у человека полностью

подавлена воля, начисто отсутствует память, он не знает, кто он такой, но работать может, команды и приказания понимает и выполняет... идеальный раб... и зарплату платить не надо. Известны случаи, когда такие рабы, которым по какой-то причине переставали давать это травяное пойло, приходили постепенно в нормальное состояние, убегали с плантаций и возвращались в родные деревни. Вот радость для земляков, которые его лет пять назад собственноручно похоронили!..

Такэда замолчал, обвел фэбээровцев глазами. Фэбээровцы переваривали услышанное.

Молчание нарушил сержант Уиллис:

– Я вот что скажу, джентльмены: сдается мне, что так оно и есть. Землей от этих гадов разит, и костюмчики на них... видите, у многих уже швы разошлись?.. это же специальная одежка для похорон...

– И дорого обходится создание одного зомби? – поинтересовался у Такэды полковник Элгертон.

– Недешево, наверное. Компоненты в эту пудру входят редкие и дорогие. Да ведь Медельинский картель – не бедная организация, может себе такие траты позволить. А для их плантаций коки это идеальные работники. Ну и для других целей тоже...

– Ладно, – задумчиво произнес полковник, – зомби так зомби... Но что нам это дает? Можем мы как-то это знание использовать?

Он требовательно посмотрел на этнографа. Такэда поначалу растерялся, но потом ему в голову пришло одно соображение, которым он и поделился:

– Все зависит от того, какой приказ они получили. Если, скажем, им велено не выпускать нас из круга и больше ничего и если кто-нибудь из нас все-таки из круга вырвется, то преследовать они не будут: своей инициативы у них нет.

– Уже кое-что, – буркнул полковник, все так же не спуская глаз с Такэды, – жаль только, что нам неизвестно, какой приказ был им отдан. Кто-нибудь знает язык, на котором к ним Пончиа обращался?

Языка никто не знал.

– Ну, уж точно можно сказать, – заговорил доселе молчавший капитан Пентекост, – что инструкций рубить канат им не давали, Иначе как бандиты сами сюда завтра попадут?.. И если бы кому-нибудь удалось вырваться из круга, то можно было бы по канату на ту сторону перебраться.

– А дальше что? – спросил полковник.

Ответил ему не капитан, а сержант Уиллис.

– Разрешите, сэр?.. На той стороне главное – до джипа добраться.

– И?

– Понимаете, сэр, я там под днищем скотчем примотал маячок, настроенный на нашу «тревожную» частоту, – заначку такую вот сделал на всякий случай. Похоже, ни партизаны, ни бандиты его не заметили, когда нас шмонали. Если бы удалось до него добраться... только кнопку нажать, и через час тут будут вертолеты с нашими ребятами.

Фэбээровцы переглянулись. Такэда отметил, что лица их обрели некое определенное выражение. Появилась конкретика, с которой можно было работать, тут они были в своей стихии.

– Что ж, – медленно проговорил полковник, – если, конечно, бандиты не уехали на нашем джипе в соседнее село к девочкам, то это шанс. Теперь вопрос: полностью Пончиа своим зомби доверяет или все же оставил где-нибудь там в кустах, – полковник махнул рукой в сторону гребня, – парочку наблюдателей. Я бы оставил.

– В любом случае, – задумчиво произнес капитан, – прорываться надо будет ночью.

Он повернулся к этнографу.

– Скажите, Перегрин, в том отчете, о котором вы говорили, ничего не сказано – могут они в темноте видеть?

– Нет, – наморщив лоб, ответил Такэда, – это ведь обычные люди, только у них блокированы определенные участки мозга. А зрительный аппарат у них такой же, как и у нас. Вот боли они не чувствуют...

– Ну, а насчет этих металлических дисков над переносицей там что-нибудь говорилось?

– Нет. Это что-то новое, я нигде про такое не читал и не слышал.

– Ясно. Ну, а насчет смысла этой церемонии «представления», которой мы все подверглись, есть какие-нибудь соображения?

Такэда лишь развел руками.

– Значит, у нас тут два полностью неизвестных фактора. Придется держать в голове – могут быть сюрпризы...

Капитан повернулся к полковнику с видом человека, ожидающего приказаний.

– Сэр?..

Спецназовцы и сержант Уиллис подтянулись и тоже глядели на полковника выжидательно.

Полковник Элгертон согнал с лица задумчивость и сформулировал задачу:

– С наступлением темноты предпримем попытку прорыва. До этого – непрерывная разведка боем. Будем постоянно провоцировать зомби – не доводя до крайнего – с целью получить максимальную информацию об их тактике и бойцовских качествах.

Этим и занимались до самой темноты.



Жутких стражников испытывали на вшивость самыми разными способами: то поодиночке или всем скопом медленно подходили к кому-нибудь из них, чтобы выяснить, на каком расстоянии он начинает реагировать и как именно; то кто-нибудь из спецназовцев стремительно подбегал к выбранному стражнику и столь же стремительно ретировался; то пленники по команде проделывали это одновременно во всех направлениях. Вскоре выяснилось, что внутри кольца зомби существует некий круг, в котором пленники могли делать все, что заблагорассудится, никакой реакции стражи это не вызывало. Но стоило кому-нибудь выйти за пределы этого круга, как кольцо ощетинивалось лезвиями мачете и начинало вести себя как единый живой организм – меняло форму, стягивалось к месту наибольшей концентрации людей, лезвия мачете превращались в сплошную сверкающую завесу, и пленным приходилось спешно отступать во внутренний круг.

Двое спецназовцев – звали их, кстати, Джес Хантер и Гилрой Скотт, и были они парнями весьма неразговорчивыми и в чем-то неуловимо схожими – испытывали на стражниках всякие каратистские штучки, пытаясь вывести их из строя или хотя бы на время сбить с ног. Кто-нибудь из парней стремительно бросался на произвольно выбранного стража, наносил или пытался нанести удар и так же быстро кувырком или отскоком отходил назад. Такэда только диву давался, как Хантеру и Скотту удается без единой царапины ускользать от ударов свистящих лезвий. Но ни разу они не смогли сбить с ног ни одного из зомби.

– Не чувствуют они боли, сэр, это точно, – угрюмо говорил в очередной раз Джес или Гилрой, вернувшись из вылазки, – видели, сэр, какой я ему йоко-гери-кеаге по плексусу провел? Человек давно лежал бы, а эти...

Сержант Уиллис вместе с Хобартом и Такэдой попытались было раскачать и вытащить хотя бы один из кольев, но забетонировано было надежно, и они быстро бросили эти попытки.

Сержант мрачно сплюнул.

– Не будет у нас оружия, с голыми руками идти придется. – Он зыркнул глазом в сторону кольца зомби. – Чисто нас прошмонали...

Наконец полковник приказал прекратить испытания и подвести итоги.

– Без потерь не обойдется, – мрачно резюмировал сержант Уиллис. – Даже если они в темноте, как и мы, ни бельмеса не видят, все равно – обязательно кого-нибудь достанут, даже просто наугад своими железками махая. Ну, а если жестянки у них на лбах – это что-нибудь для ночного видения, какие-нибудь инфракрасные детекторы, то и вообще никаких шансов – всех нас порубают...

Тут впервые подал голос парнишка-водитель.



– Разрешите, сэр, – сказал он, слегка запинаясь от волнения.

Полковник Элгертон кивнул.

– М-мне к-кажется, что н-ничего нам не грозит. П-пончия Асору ясно говорил, что м-мы нужны им завтра живыми.

На секунду все оцепенели, потом капитан Пентекост хлопнул себя по лбу.

– Боже мой! О самом простом и не подумали!

– Это точно, сэр, – поддакнул сержант Уиллис и повернулся к двум спецназовцам. – А вам, парни, не показалось, что с вами в поддавки играют?

Джес и Гилрой посмотрели друг на друга, покачали головами.

– Мы всерьез работали, сэр.

– Но не получили ни единой царапины, точно?

Спецназовцы промолчали, сержант повернулся к полковнику.

– Все ясно, сэр! На понт они нас берут этими железками. Так что, я думаю, можно прорваться. Может, прямо сейчас и попробовать? Все, конечно, не пройдем, и побьют нас здорово, но под шумок кто-нибудь сумеет промеж ног проскользнуть... ну, и на ту сторону...

– Не забывайте, сержант, – ответил полковник, – на той стороне могут быть наблюдатели, так что прорываться будем в темноте.

Он выпрямился и отдал приказ:

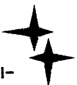
– Действуем так: как только стемнеет, по моей команде все вместе плотной компактной группой идем на столкновение с ближайшим к канату стражником. Главное – двигаться как можно быстрее. Резкость и скорость – вот что нам нужно. Сержант Уиллис идет сзади. Реакция у зомби хорошая, но несколько секунд замешательства и неразберихи нам гарантированы. И прежде чем они отбросят нас назад в круг, сержант должен успеть проползти между ног зомби и добраться до каната. Думаю, у нас есть шанс.

Полковник посмотрел вверх.

– Небо, кажется, тучами затягивает, значит, ни звезд, ни Луны... да и новолуние сегодня... тьма, стало быть, будет полная. Вот только кому это больше на руку – нам или им?

Никто ему не ответил. Остальные пленники тоже подняли глаза к небу: кто-то лишь для того, чтобы бросить мимолетный взгляд, кто-то – чтобы подольше задержаться на пустых пасмурных просторах, прежде чем снова опустить взор и заняться тем единственным, что им оставалось, – ожиданием темноты.

Полковник оказался прав: тучи затянули небо, и время заката можно было определить лишь по тому, что на маленькое плато опустилась



кромешная тьма. Полковник шепотом отдал приказание, и пленники выстроились боевым порядком. Впереди ударная двойка Джес и Гилрой, на флангах – капитан и полковник; Такэду и водителя Хобарта, как самых хилых, поставили в серединку, а замыкал построение сержант Уиллис. Все держали друг друга за плечи и стояли согнувшись, в напряженном ожидании.

– Ну, с Богом! – произнес наконец полковник свистящим шепотом. – Вперед!

И группа что было сил рванула вперед. В темноте люди поневоле толкали друг друга, но старались бежать кучно. Такэда держал глаза закрытыми, поскольку все равно ничего не было видно. Когда бежавший впереди него Гилрой Скотт наткнулся наконец на стражника, а этнограф, соответственно, налетел на спину Гилроя, он, следуя инструкциям полковника, испустил истошный вопль, который подхватили остальные пленники. Тут из темноты на левый глаз Такэды обрушился удар такой силы, что этнограф, оторвавшись от земли, отлетел назад, упал навзничь, врезавшись затылком в камень, и потерял сознание...

Когда он пришел в себя, вокруг была все та же непроницаемая чернота и царила абсолютная тишина. Цветовые пятна в левом глазу разнообразили мрак, однако ничего не освещали. Такэда приподнялся, ощупал затылок. Голова болела, но тошноты и головокружения не чувствовалось, значит, сотрясения мозга не было. Перегрин настороженно водил головой по сторонам, пытаясь хоть что-нибудь услышать. Судя по всему, операция «прорыв» закончилась, и, каков бы ни был результат, ему следовало вернуться к центру площадки, ко всем этим столбам и кольям. Но он не знал, в какую сторону двигаться, а приближаться к зомби не испытывал ни малейшего желания. И он почему-то не решался подать голос, чтобы выяснить, где все остальные.

Наконец этнографу показалось, что он услышал чей-то стон, тихий голос... Такэда поднялся на ноги и двинулся было на звук, но тут из-под его ступни с глухим стуком откатился в сторону какой-то предмет. Такэда остановился, нагнулся вперед, принялся нашаривать во мраке неведомый объект. Ладонь сразу же въехала в лужу какой-то жидкости. «Пролили что-то», – недоуменно подумал этнограф. Двигая ладонь дальше, он нащупал и загадочный предмет. Осторожно прошелся пальцами по его поверхности, пытаясь сообразить, с чем имеет дело. А когда понял, что это чья-то отделенная от туловища голова, нервы его не выдержали. С воплем, способным сбросить в океан всех зомби, Перегрин сломя голову бросился прочь от страшной находки. То, что при этом он выбрал неверное направление, этнограф понял, когда из темноты на него обрушился град свирепых ударов. Причем били и руками,

и ногами, и рукоятками мачете, и лезвиями плашмя. Удары отбросили Такэду в нужную сторону, и, не удержавшись на ногах, он приземлился на захрустевшие под его весом кости, сложенные в кучу сержантом Уиллисом.

Из темноты неподалеку донесся негромкий голос:

– Кто тут? Это вы, Такэда?

Перегрин находился в состоянии, близком к истерике, его била крупная дрожь, но он смог все же подтвердить, что это именно он, и спросить, кто тут и чем дело кончилось.

– Здесь полковник Элгертон и капитан Пентекост. У капитана, кажется, сломаны несколько ребер, и ему трудно говорить. А остальные... Дело наше, Перегрин, закончилось полной катастрофой. Вы-то сами что ви...

Полковник хотел сказать «видели», но сообразил, что Такэда, как и он сам, не видел ровным счетом ничего, поэтому переделал фразу:

– ...а вам что известно? Что вас так напугало?

– Там лежит голова Хобарта, сэр.

– Почему вы решили, что это Хобарт?

– У него у единственного из всех были длинные волосы.

Из темноты донесся сдавленный голос капитана Пентекоста:

– Бедный парнишка! Ему и двадцати-то, кажется, еще не было.

– Завтра, Джотам, мы все будем ему завидовать, – тихо проговорил полковник.

– Ведь это он же и решил, что нам ничего не грозит, и вот... – прошептал Такэда. – А остальные? Тоже... там?

– Видимо, да. Хобарт ошибся только частично. Это мы трое нужны Эскапильо живыми, на остальных ему плевать. Это насчет нас троих зомби дали указания только бить, но не убивать, это нам ничего не угрожало, а не им... Я, старый дурак, мог бы и додуматься...

– Значит, сержант не прорвался?

– Скорее всего, нет. Видимо, эти металлические штуки у них – действительно какие-нибудь датчики инфракрасного излучения, раз они так точно смогли определить, кто есть кто. А значит, вся наша затея заранее была обречена...

Такэда нащупал в темноте ближайший столб, придвинулся поближе и уселся, привалившись к нему спиной. Каждое движение отзывалось взрывами тупой боли во всем теле и в голове. Его продолжала колотить крупная дрожь. Отчаянье, безнадега.

Чернота в душе и чернота снаружи.

– И таблетки они у меня отобрали, – простонал Такэда.

– Какие таблетки?– недоуменно спросил полковник.



— Я перед сном транквилизаторы принимать должен, — пояснил этнограф, — а они и их забрали, когда нас в лесу обыскивали...

— Господи! Какой вздор человека беспокоит... — пробормотал полковник, и после этого на площадке не было произнесено ни слова. Все трое погрузились в свои невеселые мысли и гоняли их раз за разом по одному и тому же замкнутому кругу, пока усталость и нервное напряжение всего дня не взяли свое. Чтобы заснуть, этнографу таблетки не понадобились.

Полковник играл в мяч с трехлетним внуком на зеленой лужайке своего загородного дома под Аннаполисом. Ярко светило солнце, и в рощице старых вязов оглушительно щебетали птицы, но было почему-то очень холодно, должно быть, тянуло прохладой со стороны Чесапакского залива, и Элгертон никак не мог запахнуть поплотнее полы куртки, чтобы не чувствовать ледяного ветерка. Внук в очередной раз, широко улыбаясь, метнул в деда мяч, полковник поймал его и хотел бросить обратно, но вдруг увидел, что у него в руках отрезанная голова водителя Хобарта...

Полковник проснулся. Действительно было очень холодно — все тело закоченело, — и действительно в зарослях на гребне стоял оглушительный птичий гомон. В той стороне показался уже багровый краешек солнца, на фоне которого пальмы казались вырезанными из черного картона. Полковник обвел взглядом кольцо живых трупов, выглядевших особенно жутко в багровом освещении. Он поискал глазами своих людей, но на площадке еще лежали слишком густые тени, чтобы что-нибудь разглядеть. Полковник обернулся. Небо к утру очистилось, в темной синеве еще переливались самые яркие звезды, облака же спустились вниз, и теперь во все стороны от утеса и до горизонта тянулись бледно-розовые, волнистые пласты тумана.

Утро было потрясающе красивым, мир как будто хотел напомнить полковнику о своем великолепии, но от всего этого он — видимо, навсегда — был отрезан кругом недвижимых выходцев из могилы.

Рядом послышался стон, это проснулся капитан Пентекост.

— Доброе утро, капитан, — мрачно приветствовал его полковник.

Пентекост пробурчал что-то невразумительное. Полковник посмотрел через левое плечо, чтобы узнать, как там этнограф, ничего не увидел, с трудом развернул одеревеневшую шею и посмотрел через правое. С тем же результатом. Полковник замер.

— Капитан, — проговорил он негромко, — вы этнографа видите?

Что-то в его интонации заставило Пентекоста оторваться от своих мрачных мыслей и поднять голову.



– Нет, – ответил он, – а вы, сэр?

– Я тоже.

Оба, не сговариваясь, вскочили на ноги, причем капитан зашипел от боли и скрючился, схватившись за правый бок.

Полковник быстро огляделся по сторонам. Багровый диск уже почти полностью вынырнул из-за гребня, длинные тени, протянувшиеся от неподвижных стражей через всю площадку, на глазах укорачивались, туман над океаном истончался, в образовавшихся просветах-провалах можно было уже разглядеть блеск океанских волн. В пространстве между кольцом зомби и кругом обитания пленников подсыхали лужи крови и валялись изрубленные трупы. «Четверо, – подсчитал полковник, – не прошел сержант...»

Единственным, кого не было на площадке Рока Алегре, оказался этнограф Перегрин Такэда.

Полковник и капитан повернулись друг к другу и увидели в глазах друг у друга один и тот же вопрос. Какое-то время они стояли неподвижно, напряженно придумывая, обдумывая и отбрасывая возможные варианты, – ни один из них так и не был озвучен.

Солнце между тем взошло уже достаточно высоко, обрело свой нормальный цвет и стало пригревать.

Капитан, стоявший лицом к гребню, посмотрел вдаль, над плечом полковника, и сказал:

– А вот и гости, сэр.

Полковник стремительно обернулся.

На проплешину перед утесом в сопровождении полутора десятков бандитов выходил Гектор Пончиа и еще некто в белом костюме, белом же широкополом «боливаре» и со стеком в руках.

– Сеньор Эскапильо, – процедил полковник – Не так я хотел с ним встретиться, не так...

На той стороне расселины бандиты навалились на рукояти лебедки, и выдвижной мост неудержимо пополз в сторону утеса.

Когда он коснулся края площадки, полковник повернулся к капитану:

– Давайте, что ли, прощаться, Джотам...

Мужчины обменялись рукопожатиями.

Полковник вдруг почувствовал, как ладонь капитана окаменела, и поднял глаза:

– В чем дело, капитан?

Пентекост явно к чему-то прислушивался.

– Тише, сэр! Вы ничего не слышите?

Полковник напряг слух. Да... кажется... точно! Там, за гребнем, шум мотора. Слабый пока, но приближается, нарастает.



Полковник и капитан переглянулись, в их глазах засветилась надежда.

Шум двигателей услышали и на той стороне расселины. Сеньор Эскапильо, ступивший было на мостик, вернулся на проплешину. Бандиты с оружием наизготовку обернулись назад и напряженно вглядывались во что-то, чего не было видно с Рока Алегре.

Шум нарастал с каждой секундой, потом где-то там, за гребнем, началась стрельба, шум еще усилился, перешел в рев, и вот из-за гребня вынырнули два боевых вертолета класса «чингачгук», проскочили в сторону океана, развернулись и зависли над утесом.

Несколько секунд тянулась томительная пауза, затем у кого-то из бандитов не выдержали нервы, и он дал по зависшим в воздухе машинам очередь.

Тут-то все и началось. Как бы грозно ни выглядели бандиты, увешанные оружием с ног до головы, им нечего было противопоставить плотности огня современных боёвых машин. Происходящее в течение нескольких последующих минут можно смело было назвать бойней. Бандиты разбегались по склону, как зайцы, паля из своих автоматов и пистолетов, а один из вертолетов барражировал над гребнем и методично расстреливал их поодиночке и группами. Второй вертолет, спустившись так, чтобы его стволы находились чуть выше уровня площадки утеса, в упор расстреливал несчастных зомби, которые все так же неподвижно несли свою стражу и не думали даже убегать или прятаться. От них только куски в разные стороны летели.

Полковник и капитан рухнули ничком при самых первых выстрелах, и теперь Элгертон, изредка подымая голову, лишь изрыгал проклятья да в бессильной ярости стучал кулаком по камню, наблюдая, как уничтожается материал, относительно которого он за несколько секунд успел уже построить далеко идущие планы.

Когда все кончилось, один из вертолетов снова ушел за гребень, откуда все еще доносилась стрельба, другой же опустился на площадку утеса. Из него тут же высыпала небольшая группа автоматчиков в пятнистых комбинезонах. Их командир, тоже в камуфляже, но с лейтенантскими нашивками, подошел к поднявшимся на ноги Элгертону и Пентекосту.

— Полковник Элгертон? — спросил лейтенант и, получив утвердительный кивок, представился: — Лейтенант Оукли, сэр. Прибыл в ваше распоряжение. Жду ваших приказаний, сэр.

— Как вы нас отыскали, лейтенант?

— По сигналу маячка на «тревожной» частоте, сэр, — пояснил лейтенант с некоторым недоумением в голосе.

– Вы действуете самостоятельно?

– Нет, сэр, там внизу, в поселке, находятся местные армейские подразделения. Работаем во взаимодействии.

– Тогда, лейтенант, прикажите вашим людям погрузить в вертолет тела наших ребят и пять-шесть самых целых трупов из тех, что на площадке валяются. Берите только такие, у которых головы не затронуты. Остальных же – немедленно в океан. И позаботьтесь о капитане Пентекосте: у него ребра сломаны. Когда все будет сделано, немедленно возвращайтесь на базу. Проследите, чтобы трупы положили в лед. Я улечу с другим вертолетом. Их, кстати, только два?

– Нет, сэр, пять, считая с нашим. Еще четыре – за гребнем.

– Прекрасно. Капитан Пентекост, вы поняли мои инструкции, данные лейтенанту Оукли? Оставляю вас здесь за старшего. Проследите...

С этими словами полковник направился к мостику. На той стороне он задержался на несколько секунд, чтобы проинспектировать труп Эскапильо, потом наклонился и подобрал первый попавшийся автомат. Проверил боекомплект и еще несколько минут прочесывал проплешину и кустарник, внимательно осматривая каждого убитого и раненого. После чего по тропинке отправился вниз, в деревню, стрельба в которой к этому времени уже прекратилась.

Внизу полковнику пришлось прежде всего пообщаться с командирами подразделения спецназовцев, прилетевших на других вертолетах, и с офицерами местных армейцев. Только после этого он смог отправиться на встречу с этнографом.

Такэду полковник обнаружил в указанной ему хижине. Перегрин сидел за дощатым столом в компании двух весело ржущих усачей в камуфляже. Те подшучивали над громадным, расплывшимся на пол-лица фингалом под левым глазом Такэды и выдвигали самые эксцентричные версии об обстоятельствах его появления. Проникавшие сквозь щели в стенах лучи солнца нарезали клубы сигарного дыма на равномерно отстоящие друг от друга световые плоскости, в которых извивались дымчатые струи. Все трое пили черный кофе, наливая его в пластиковые стаканчики из большого металлического термоса. По кругу шла плоская фляга, в которой, надо полагать, было что-то покрепче кофе. Хотя полковник был в штатском и вояки его не знали, что-то в облике Хиткота Элгертона заставило их вскочить и вытянуться во фрунт. Полковник отослал их нетерпеливым жестом, и бравые молодцы испарились, прихватив с собой флягу, но оставив на столе термос.

Полковник уселся за стол напротив Такэды, налил себе стаканчик кофе и медленно осушил. Все это в полном молчании и не спуская глаз с



этнографа. Если бы Перегрин носил очки, то самое время ему было бы снять их и в глубоком смущении очень долго протирать тряпочкой.

Наконец Элгертон поставил на стол пустой стаканчик.

– Ладно, Такэда, – сказал он. – Я понимаю, что маячок под джипом отыскали и включили вы и тем самым второй раз спасли наши жизни, за что я вам очень благодарен, но, Бога ради, скажите мне: как? как вы это сделали?!

Такэда ухмыльнулся.

– Можете мне не верить, сэр, но я сам не знаю. Скорее всего, я прошел через расселину по канату, спустился вниз и отыскал джип...

– Что значит «скорее всего»? И – мне не послышалось? – вы действительно сказали, что прошли по канату? Не на руках перебрались, а именно прошли в абсолютной темноте?.. Вы что – акробат? профессиональный канатоходец?

– Ни то, ни другое. Я сомнамбула.

– Что?!

– Сомнамбула, лунатик. Хожу по ночам, если перед сном транквилизатор не приму. Не каждую ночь, конечно, но случается. Друзья мои даже на видео как-то сняли, как я разгуливаю по карнизу отеля в Сан-Диего на высоте восьмого этажа. После этого я к врачам обратился. Они мне и прописали таблетки. Помните, на утесе я жаловался, что бандиты у меня их забрали?..

Полковник выглядел ошарашенным.

– Так, стало быть...

– Ну да! Весь день в напряжении, таблеток нет – все это и спровоцировало приступ. В то же время в подсознании сидит установка – выжить! Плюс способ выжить – добраться до маячка. Что я и проделал. А как – понятия не имею, может, на руках перебрался, а может, действительно просто перешел. Я, как лицо заинтересованное, естественно, много читал про сомнамбулизм; так вот, если верить некоторым свидетелям, то лунатики временами прямо-таки чудеса творят – расхаживают, например, по таким тонким ветвям деревьев, которые ну никак не должны их вес выдерживать, а те даже и не гнутся. Как будто у сомнамбул во сне способность к левитации прорезается. Так что не знаю... Проснулся я уже под джипом, нащупал маячок, нажал кнопку и отполз в кусты погуще, где и дождался вертолетов...

– Это я понимаю, – перебил полковник, – но как вы мимо зомби прошли? Почему они вас не задержали?

– Помните, мы решили, что металлические кружочки у них на лбу – это что-то для ночного видения? Что-нибудь вроде инфракрасных локаторов. Но ведь тогда при свете солнца они были бы совсем слепыми.



Значит, тут что-то другое. Я думаю, это детекторы излучения биотоков мозга, нечто вроде дистанционных энцефалографов. У каждого человека есть свой, исключительно индивидуальный рисунок излучения мозга и его биоритмов. Это как отпечатки пальцев. Вот зачем была нужна та процедура «представления» – они запоминали картинку наших биоизлучений. В темноте-то они так же слепы, как и мы, но по этим излучениям могли следить за нами и определять, кого надо просто оттолкнуть, а кого можно и мачете полоснуть... – Лицо Такэды помрачнело.

– Да, но как вы все-таки мимо них прошли? Ведь во время прорыва они вас точно так же били, как и нас с капитаном!

– Так ведь на этот раз я спал, а у спящего человека совсем другой рисунок ритмов и излучений. На человека с таким рисунком у них команды не было.

– Замечательно! – покачал головой полковник. – Зомби и лунатик! Прямо-таки мистическая поэма в духе Эдгара По: «И только спящему дано пройти кольцо из мертвых стражей!..»

Полковник на несколько минут ушел в себя, что-то прикидывая и просчитывая. Наконец он встрепенулся, как бы придя к какому-то решению.

– Мистер Такэда! Есть все основания полагать, что в ФБР вскоре откроется отдел по изучению некоторых загадочных феноменов. Я официально предлагаю вам работу в нем.

Такэда пришел в замешательство.

– Я... э-э... не знаю. Я думал – теперь, когда все закончилось, – в джунгли отправиться...

Полковник бросил на него непонятный взгляд и произнес вкрадчиво:

– Я ни в коем случае не желаю, чтобы у вас, мистер Такэда, сложилось впечатление, будто я оказываю на вас давление, но мой долг – информировать вас о том, что Гектора Пончиа нет ни среди убитых, ни среди взятых в плен бандитов, а следовательно...

Такэда при этих словах аж подпрыгнул на месте и завертел по сторонам головой, словно бы ждал, что страшный мулат вот-вот вылезет из-под ближайшей лавки. Потом взял себя в руки и обреченным тоном сказал:

– Я подумаю...

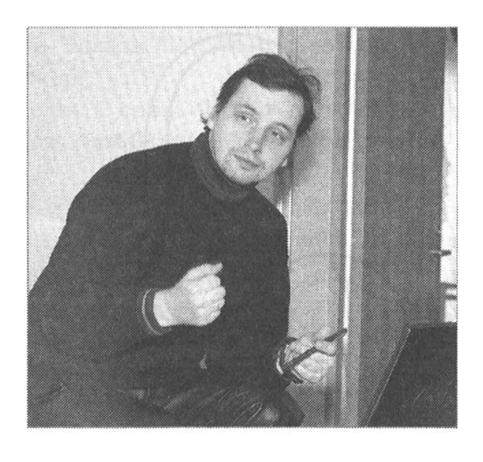
БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ



Ник Перумов:

«Волшебник в голубом вертолете к нам не прилетит»

Встретить в России Ника Перумова — популярнейшего российского фантаста, автора романов «Кольцо Тьмы», «Алмазный меч, деревянный меч», «Дочь некроманта», «Разрешенное волшебство», «Череп на рукаве» и многих других, — в принципе можно, хотя это и непросто: живет писатель в Америке, а на родину приезжает по особым поводам — например, на «Роскон» или на Московскую международную книжную ярмарку. Главный редактор «Звездной дороги» пересекся с Ником на Украине — в городе Харьков, на конвенте «Звездный мост-2002». Там и состоялась эта беседа.



— Начнем с самого начала. Откуда вы родом, кто ваши родители? Вы же питерский?

— Питерский. Выходец из среды технической и естественнонаучной интеллигенции. Один дедушка был академик по электродвигателям. Второй был доктор технических наук, профессор, завкафедрой в Ленинградском инженерно-строительном институте. Отец — доктор биологических наук, главный научный сотрудник лаборатории молекулярной и радиационной биологии Института ядерной физики в Гатчине. Мама — инженер-проектировщик, строитель, писала диссертацию по старой архитектуре Ленинграда, точнее, имперского Петербурга. То есть



все располагало к тому, что чадо уйдет в литературную деятельность, потому что должна была прерваться эта череда деятелей науки.

— А у вас какое образование?

– Естественнонаучное, естественно. Учился, как многие питерские писатели, как Житинский, в Политехническом институте на физико-механическом факультете. После окончания десять лет отработал по специальности в одном ленинградском НИИ, который занимался, помимо всего прочего, еще и нарушением Женевской конвенции о запрещении бактериологического оружия. Но это было много лет назад. Теперь от НИИ осталась только вывеска, никто уже ничего не нарушает. А те, с кем я работал, оказались очень востребованы, поскольку мы занимались иммунологией. Сейчас они тесно связаны с практической медициной, не умерли, держатся на плаву.

— Когда же вы решили стать писателем? В какой момент ощутили потребность сочинить историю и изложить ее на бумаге?

– Ну, сочинять истории я стал еще в пионерском лагере. Я рассказывал их «сокамерникам» во время тихого часа.

— А записать?

– А записать – это где-то в классе восьмом-девятом.

— Что вдохновляло тогда? Какие книги читались?

– Читался Лем, читался Брэдбери, читался Шекли, читался Саймак. Читалась вся разрешенная советским правительством фантастика. У родителей была собрана неплохая библиотека Стругацких. В «Знании–силе» читали «Жука в муравейнике». Чтобы его скопировать у приятеля, я начитывал текст себе на магнитофон, поскольку ни ксероксов, ни пишущей машинки не было...

И захотелось писать самому. Но тогдашняя фантастика мне казалась слишком доброй, слишком светлой. И вот потянуло сочинить что-нибудь более резкое и радикальное. Так появились первые рассказы в жанре классической НФ – подражание тому же Лему, тем же Стругацким.

— Рассказы про что?

– Один рассказ был про то, как в силу какой-то жуткой ошибки, грубо говоря, обесточивается вся Земля и некоему командиру некоей экспедиции приходится решать, можно ли пустить в расход инопланетную цивилизацию, дабы эту планету скормить в утилизатор и обратить в энергию. Только не спрашивайте, каким образом полученная энергия будет переброшена на Землю: не знаю, не помню. Но вот был моральный выбор: на одной чаше весов – Земля, на другой – чужая планета.

— И что выбрал командир?

– Он выбрал, естественно, эту цивилизацию стереть под корень, а свои чтобы жили. Недобрый был рассказец...



— Вообще-то, классическая НФ в советском варианте не предполагала такого финала. Согласно канонам, в последнюю минуту должен был обнаружиться какой-нибудь альтернативный источник энергии. А персонажи должны были радоваться внезапному счастью и думать о его хрупкости.

— Возможно. Но у меня альтернативы не обнаруживалось, у этого капитана даже происходил мятеж в команде, и он его подавлял железной рукой...

— Это на самом деле очень интересный момент, поскольку и последние ваши романы тоже в известном смысле пренебрегают нормами политкорректности, тоже подчеркивают первичность «своей рубашки». Этот выбор, значит, был сделан уже тогда. Почему?

— Наверное, потому, что у нас тогда «своей рубашки» не было. «Все вокруг колхозное, все вокруг мое». У меня не было чувства, что есть что-то такое, за что нужно драться зубами и когтями. Нельзя было сказать, в отличие от героя «Отягощенных Злом»: «Здесь врастаю». В существовании в конце 70-х отсутствовала точка опоры. Казалось: вот проснусь завтра — и будет у меня совершенно другая жизнь.

— То есть это была тоска по «своей точке»?

— Да, по чему-то своему, за что ты будешь стоять насмерть и пойдешь на все, отринешь моральные нормы, пожертвуешь своей честью, может быть, даже душой. Тоска по каким-то основополагающим сверхценностям. Как сказал бы Вячеслав Рыбаков, суперавторитету. Это больше понятия «родина». Тем более что тогда это понятие было искорежено, измордовано коммунистической пропагандой, которая вызывала только отторжение... И концовка моего рассказика — по-детски злобная и неуклюжая — была попыткой протеста, а также осознанием того, что бывают ситуации, когда нет этого третьего решения, не прилетает волшебник в голубом вертолете, не решается все к всеобщему счастью и благополучию, а Экселенц (помните «Жука в муравейнике»?) таки нажимает на спуск. Мне до сих пор интересна эта тема — выбор между меньшим и большим злом.

— Выбор, который, по сути, каждый день делает каждый из нас...

— ...хотя литература уверяет, что нет большого зла и маленького зла, что к нему нужно повернуться спиной. Якобы всегда может найтись «хорошая» альтернатива. А я считаю, что от этого выбора нам никуда не деться. Но где граница? Что делать, если и большое зло, и маленькое все время увеличиваются?..

— Следить за темпами роста зла?.. Однако переменим тему. Как в вашу жизнь вошел Толкин?



– В конце 70-х я прочитал «Хоббита» и долго им болел. Сочинял какие-то варианты – о том, что могло случиться после. В каких-то ранних-ранних моих набросках гоблины добирались до Хоббитании, шли огнем и мечом... Потом начало 80-х, массовый призыв в толкинисты. А затем сбивают «Боинг», и Рейган произносит знаменитую речь, где были «land of shadow», «evil empire» и все прочее. Я не могу найти, но у меня четкое ощущение, что я читал в «Литературке» статью, где Толкин громился. В общем, его перестали издавать. А у меня после первого тома началась жуткая «ломка». И тогда каким-то чудом добыли три английские книжки, и я засел за перевод.

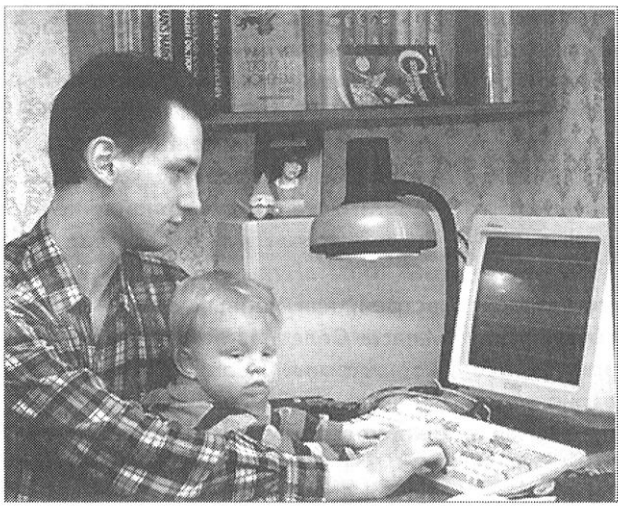
— А потом написалось и продолжение — роман «Кольцо Тьмы»?

– Да. Хотя я не ставил перед собой цели написать именно продолжение. Если бы я писал продолжение, я бы, наверное, взял прежних героев. А тут сразу проходит большой промежуток времени, все новое, все другое. Вначале я хотел написать что-то по духу толкиновское, но поскольку к тому времени уже накопились разногласия с профессором, они очень быстро прорвались наружу. И это к лучшему, как выяснилось. Чтобы книга была живая, с классикой нужно спорить.

— В чем была суть разногласий?

– Читая «Властелина Колец», я думал: ну что же они такие вот черно-белые все, плосковатые немножко? Прекрасный мир, но характеры заменены типажами. И второе: ну что же зло такое глупое? Что же Саурон такой идиот?.. В свое время я написал пародию на Кира Булычева «До новых встреч, или Черный орден против Алисы Селезневой», где ужасный космический пират, поймав Алису, излагал ее биографию и заканчивал фразой: «И, совершив все это, ты будешь утверждать, что ты обыкновенная московская школьница?» У меня все это было применительно к Саурону: после всех его «подвигов» автор будет утверждать, что Саурон не может додуматься до каких-то простых вещей, до которых додумался бы полуграмотный прапорщик советской армии? Что вокруг единственного места, где можно уничтожить Кольцо, неплохо бы расставить охрану? Что наносить в войне удары нужно не растопыренной пятерней, а кулаком? Постепенно разногласий становилось все больше. Скажем, почему все орки – такие исчадия ада? Почему вся эта нация объявлена испорченной изначально – и, следовательно, руби под корень?!

— Это тоже вопрос из жизни. И сейчас есть нации... Например, мусульманский мир, который у многих вызывает такое же отношение, как и орки. Нечто чужеродное и опасное по сути своей.



Семейный подряд

создать врага со своей правдой, с которой мы можем не соглашаться, драться насмерть, но все-таки это не Черный Властелин, а человек из плоти и крови. И посмотреть, что получится из такого столкновения. Получилась взаимная аннигиляция, уничтожение старой магии и торжество лозунга «Средиземье – для людей!».

– С чужой нацией можно драться, если она на тебя нападает; нужно отбить нападение и желательно победить. Но в любой вражеской нации найдутся нормальные особи. А у гуманиста Толкина очень четко подчеркнуто: вот этих – рубить всех, от и до! Даже если враг сдается, его все равно уничтожают... А мне хотелось столкнуть в Средиземье именно человеческие характеры, хотелось дать тем силам, которые выступают за сохранение старого наследия, врага умного, хитрого, который побеждает не потому, что он великий и ужасный, а потому, что он – ловкий, удачливый правитель, умелый военачальник, который привлекает людей, орков и кого угодно не страхом, не колдовским могуществом, а достаточно простыми идеями. То есть

— Вы пишете очень объемные, масштабные романы. Это именно эпическая фэнтези. Такой в России пишется совсем мало, а ведь именно эпика дает автору фэнтези большой шанс. Вспомнить того же Роберта Джордана, популярность которого, по-моему, обусловлена только масштабами его эпопеи...

– Моя эпичность выросла как естественное продолжение чтения «Старшей» и «Младшей Эдды», «Нибелунгов», «Песни о Гильоме Оранжском». Мне с самого начала казалось, что когда ты пишешь фэнтези, ты создаешь огромный мир и для тебя сцена протягивается от горизонта до горизонта. А тяготение других авторов к этакой камерности – это, наверное, продолжение русской традиции, наиболее четко выраженной Антоном

Павловичем Чеховым... Ведь русского эпоса как такового не существует. Есть локальные квесты героев. Скажем, Илья Муромец побеждает Соловья Одихмантьевича, змея, который девиц крадет... Наверное, у русских в силу всегдашней огромности территории не было такой остро ощутимой нужды в эпическом пространстве сказки. Реальные размеры превращали саму жизнь в эпос и разъединяли людей, давали им чувство «Моя хата с краю». Чуть что, можно уйти в непроходимые леса, где до тебя никто не дотянется. Это же был очень популярный «модус вивенди» и «модус операнди». Во все века на Руси искали счастья на границах...

— То есть вы идете в разрез с отечественной традицией?

– Да. Где-то иду в разрез и, наверное, поэтому никогда не пробовал писать так называемую славянскую фэнтези. Это, конечно, вполне условный термин... Я начинал работать в северной традиции, мне были очень близки скандинавские боги, их мрачная обреченность, предчувствие неизбежного Рагнаради и такой вот стоицизм богов, которые знают, что они падут, и тем не менее будут держаться до последнего.

— А вы не переносите это на политические реалии последних лет? Уход старых богов — это крушение коммунизма, скажем...

– Честно говоря, отражения конкретной политики я всегда старался избегать. А вот Анджей Сапковский, напротив, написал фэнтези, в которой отражается коварный раздел Польши между Советским Союзом и Германией. Возможно, это круто и оригинально. Возможно, фэнтези, в которой действуют Борис Николаевич Ельцин и Владимир Владимирович Путин, будет хорошо продаваться...

— А что? Ельцин — это старый бог, который, отходя от дел, передает эстафету молодому...

– Вот в это меня никогда не тянуло. И вообще, никогда особенно сильно не тянуло писать о современности.

— Но ведь такие опыты у вас были. Вспомним «Полину Каминскую»...

– Я к тому и вел. Единственный эксперимент... В общем, все надо попробовать в жизни и в писательстве. Я попробовал – не понравилось. Но это был заказ. Это была, наверное, единственная заказная вещь, которую я написал.

— То есть издательство сформулировало тему?

– Да. Я тогда уже был профессиональным литератором... В 1994 году у меня родился ребенок, и я ушел с научной работы, потому что надо было о нем заботиться, а у меня хорошо продавалось «Кольцо...», выходили дополнительные тиражи, мне за них платили. И все же пришлось взяться за «псевдонимщину», писать приключения и продавать их оптом и в

розницу. Тяжелый был период в моей биографии, но за это неплохо платили и ту трудную зиму мы пережили. Тогда «АРМАДА» хорошо стояла, «Фантастический боевик» улетал огромными тиражами, и они высказали пожелание, чтобы был герой из нашего мира и чтобы он совершал путешествия в другие измерения и там геройствовал.

— Что-то типа «Приключений Блейда»?

– Что-то типа того. И я сказал: ладно, я попробую. Я рассматривал это как эксперимент над собой. Конечно, результатами я не шибко доволен, эти книги мне не удались, я понял, что жанр не мой и уж если высказываться на современные темы, то в каких-то иных формах. Одна из этих форм пришла только сейчас – «Череп на рукаве», космическая опера...

— Кстати, хотелось бы прояснить один вопрос, связанный с этим романом, который открывает новую дилогию. В нем очень подробно описана некая межзвездная империя. Это перекликается с повышением частоты употребления слова «империя» во внутренней жизни России. Никакой нет связи между вашей империей и тем термином, которым здесь кидаются направо и налево?

– Я думаю, что есть, потому что мои родители и их знакомые, интеллигенты до мозга костей, демократы, все чаще и чаще повторяют классическую формулу «Сталина на вас нет». То есть вот это мордование, которое длилось 10 лет, мордование, особенно тяжело ударившее по поколению наших родителей, – оно неизбежно вызывает откат, мечту о сильной руке... О Железной Пяте, выражаясь языком Джека Лондона. Я это ощущаю совершенно четко. Только пиар-технологии удерживают от формального сползания в авторитаризм. Но что людям хочется справедливого правителя, который отбросит насквозь фальшивую демократическую процедуру, – это чувствуется.

— И вы это реализуете в своем романе...

– Именно. Другое дело, что для меня это не идеал, что это опять выбор между большим и меньшим злом. Да, описанная мной империя отбрасывает демократические процедуры, да, она стирает свастику с римского орла и в эту эмблему – орел, сидящий на венке, – ставит восходящее солнце. Все наиболее одиозные моменты скрыты. «Арийцы vs. все остальные» заменены на «Люди vs. Чужие». То есть я совершенно сознательно делал эту империю в чем-то привлекательной. Я не хотел превращать ее в такое исчадие ада, чтобы сразу все было понятно: бей, круши их и ломай.

— Империя «с человеческим лицом» есть и в фильме «Звездный десант». Кстати, гениальное ведь кино. Даже лучше, чем книжка Хайнлайна...

– Абсолютно согласен: фильм гениальный. Его мало кто оценил, все кричали: «Где скафандры?! Почему нет?!» А я этот фильм очень люблю, смотрел его множество раз, у меня он есть во всех мыслимых версиях.

— А есть разные версии? Director's cut?

– Есть. Collector's edition. Там еще ролик, где Каспар ван Диен играет с партнершей – репетируют какую-то сцену, которая потом не входит в фильм... Мне кажется, вся его прелесть – в маленьких детальках. Например, мало кто обратил внимание, что в этом свободном как бы обществе все старшеклассницы носят уродливые полувоенные сапоги.

— Ну, мода такая...

– Нет, это униформа! И вот так по всему фильму рассыпаны мелкие «звоночки»... Не уверен, что это заметили российские зрители: когда судят преступника («Убийца был схвачен и подвергнут суду сегодня» – это в новостях), слово «виновен» произносит не старшина присяжных, а судья. И таких вот признаков «мягкого тоталитаризма» очень много.

— Вернемся к литературе. «Череп на рукаве» — это ведь не единственный ваш нефэнтезийный роман, было еще произведение, которое вы написали в соавторстве с американским фантастом...

– Да-да, стыд мой и позор. Рву волосы из всех мест и посыпаю главу пеплом.

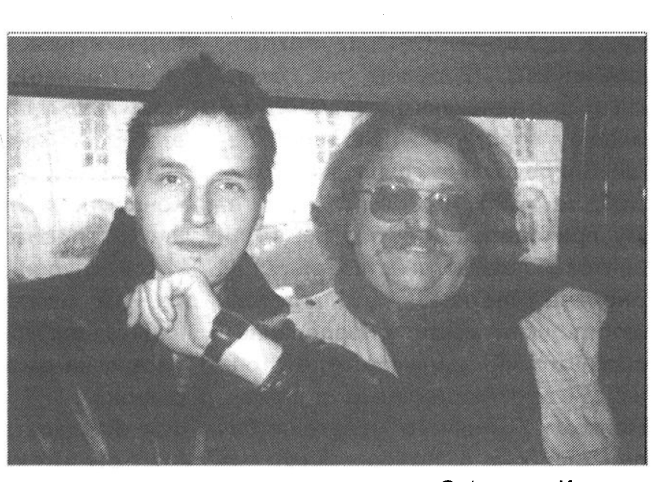
— Но почему? Вы имеете в виду русский текст в том виде, в каком он увидел свет?

– Да, именно это. Это даже не «Ужас!», а «Ужас! Ужас! Ужас!». Понимаете, мне было интересно поработать с американцем и написать на английском. Попытаться войти в американскую книжную струю...

— А там эта книжка выходила?

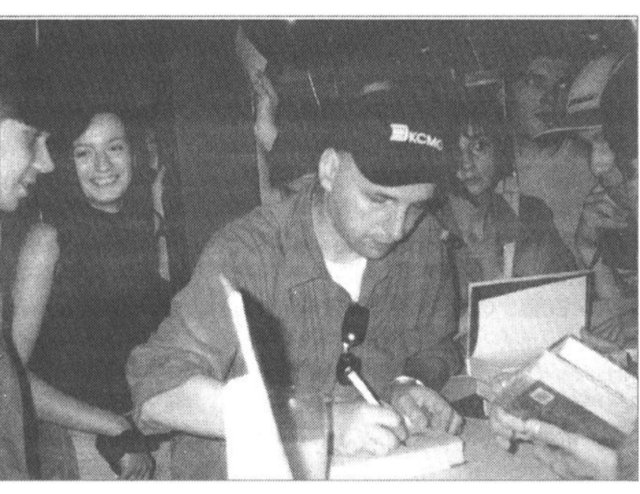
– Там не выходила. К сожалению, мой соавтор Алан Коул сейчас сочиняет какие-то сценарии к телевизионным шоу. А на фантастику он просто забил болт.

— Как вы с ним работали?



С Аланом Коулом





Автографы, автографы...

– Мы работали с помощью Интернета, то есть мы писали куски и обменивались. Алан правил текст – в основном грамматику, порядок слов в предложении. Я хотел узнать, как работает американская книжная индустрия, – и я это узнал. У них есть издатели двух типов. Первый – те, которые рискуют и выпускают тексты странные, экспериментальные. Это «Tor» и «DAW». А второй – те, кто не рискует вообще. Скажем, у Шелли Шапиро из «Del Rey Books» была теория, что печатать нужно только проверенные сюжетные схемы. Я ей сказал както: «Шелли, ну вот книги Эддингса, к примеру. Они же похожи, как клоны». (В целом они полностью соответствуют «Малому типовому набору...» покойного Леши Свиридова: в глуши живет герой, не знает, что он герой, к нему приходит седобородый маг, и начинают они странствовать...) И она мне ответила: «Наши читатели любят испытывать определенный сорт эмоций, и они знают, что они найдут эти эмоции в наших книгах. Поэтому мы ничего менять не будем». Наша с Коулом книга не вписалась в их каноны, хотя Алан изо всех сил пытался написать так, чтобы все каноны были соблюдены. Но не получилось. Не получился ни коммерческий американский текст, ни нормальный русский текст. Получилась смесь бульдога с носорогом.

– Чтобы выпустить вашу книгу, «ЭКСМО» пришлось приглашать переводчика...

– Переводчика пригласили, потому что я понял, что тратить на это время мне жалко. Я бы начал все переписывать от начала и до конца, но меня уже гораздо больше интересовали другие проекты. И я махнул на это рукой.

– А может, «ЭКСМО» решит издать английский вариант? Ворвется на американский книжный рынок...

– Гм, достаточно дерзкая идея (*смеется*). Мне это как-то не приходило в голову. Хотя сейчас

мои произведения потихоньку начали двигаться на Запад. В Польше вышел перевод «Кольца Тьмы», попал там в бестселлеры, издатели довольны, сейчас выпускают другие мои книжки. Перевод «Кольца...» вышел и в Болгарии. Это совершенно анекдотический случай. Выпустило его некое издательство «Эльф», некто Пламен Митрев. Я о них ничего не знал, пока мне не прислали ссылки на их интернет-магазины. Смотрю: предлагают перевод книги Ника Перумова. Как? Что? Почему? Пишу на своем сайте разъяренную реплику, что издание пиратское, что они не только ни черта не заплатили, но даже авторских экземпляров не прислали. Поляки честно прислали вот такие кипы томов, а эти – ничего. Проходит какое-то время, и я получаю электронное письмо из Софии, где этот Пламен Митрев с обидой пишет: «Ну как же так, господин Перумов?! Я честно купил права на ваши книги...»

— У кого?

– У неизвестного мне В.Семенченко из издательства «Кубань-пресс». Какую-то фантастику оно издавало лет 10 назад. Нашли по старым базам данных. И господин Митрев за 300 долларов радостно купил у господина Семенченко права на издание «Кольца Тьмы», причем с преференцией на все остальные книги.

— И недорого... А какое продолжение будет иметь эта история?

– Да что с них взять?

— Все издают «Кольцо Тьмы»...

– Не все. Только бывшие социалистические страны. А вот издатели из Германии, Франции, Италии отступились, они сказали: да, нам нравится, но мы не хотим связываться с «New Line Cinema», которая, насколько мне известно, выкупила у «Харпер-Коллинз» все права на персонажей Толкина. В то же время они взяли на опцион другие книги. Французам понравился «Алмазный меч, деревянный меч», немцам – что-то еще. Так что я надеюсь, что «дойдет и до картечи».

— Вы пишете на русском, а живете в основном в Америке, в другой языковой среде. Выручает Интернет?

– Конечно! Без него я в Америке не выжил бы. Я практически каждый день отвечаю на вопросы на своем сайте, время от времени что-то пишу в ФИДО и все-таки сохраняю свое присутствие в русской Сети. А поскольку Сеть – необыкновенно моторное и мощное средство обратной связи, то мне это очень помогает, я не чувствую себя оторванным. Америка очень приблизилась сейчас.

— А вы продолжаете работать в лаборатории?

– Одно время я там работал, потому что был дефолт, гонорары упали здорово. Потом как-то все выправилось. Не хочу хвастаться, но тиражи мои все эти годы неуклонно ползли вверх.



— Какой был стартовый тираж «Черепа...»?

— Сто тысяч. Роман вышел в конце января — начале февраля, прошло шесть месяцев, и его тираж уже подбирается к двумстам.

— И эти гонорары позволяют жить там, в Америке?

— Ну, сейчас, когда набрана определенная инерция, идут постоянно переиздания, позволяют.

— Это замечательно. Раньше российских гонораров хватало на достойную жизнь, условно говоря, в Харькове. А тут оказывается, что и в Америке можно жить...

— Да, только вначале нужно отпахать десять лет, накопить «писательскую массу», составить имя, брэнд. Опять же не хочу хвастаться, но читатель от моих книг упорно не отворачивается. Хотя многие меня именовали тем самым «милордом глупым», которого с рынка нести никак нельзя, однако вот народ несет, что-то он в этом находит ему, народу, интересное. А стартовый тираж следующей моей книги — «Война мага» (первый том выйдет в январе, а всего их задумано три) — будет сто пятьдесят тысяч. Пока еще я не сравнялся с Донцовой и Марининой, но отличаюсь от них уже не на порядок, а только в два раза.

— Но ведь разные читательские аудитории у вас и у Марининой, разные люди вас читают.

— Конечно.

— Так, может, у ваших читателей просто увеличилась покупательская способность? Может, их и раньше было много, просто им денег не хватало?

— Ну, хочется верить. Вот узнаешь о своих старых приятелях — и почти у всех что-то налаживается, уже нет такого беспросветного отчаяния, беспросветной нищеты. Кто-то открыл маленькую фирму, кто-то устроился на работу в западную компанию и пишет программы в Москве или в Петербурге, кто-то челночит (научная работа) — полгода сидит в Германии, потом возвращается обратно.

— А сами вы как планируете — будете жить в Америке или по желанию несколько месяцев здесь, несколько месяцев там?

— Я не знаю. Тут и личные есть обстоятельства, про которые я не хотел бы говорить. Я сейчас в подвешенном состоянии, между небом и землей. Выбор еще не сделан и даже не особенно сформулирован. Мне на удивление хорошо в последнее время писалось, и я не хочу разрушить состояние души, которое сейчас есть. Ездить-то я буду, уже в январе снова приеду в Россию.

— А работаете над чем? «Война мага» еще, видимо, пишется?

— Да, она еще не завершена. Всего в романе будет за 60 авторских листов. А потом у меня в планах — завершение «Черепа...».

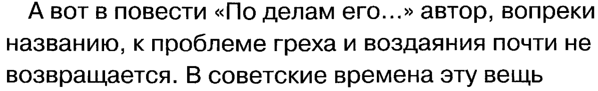
Беседовал
Александр Ройфе

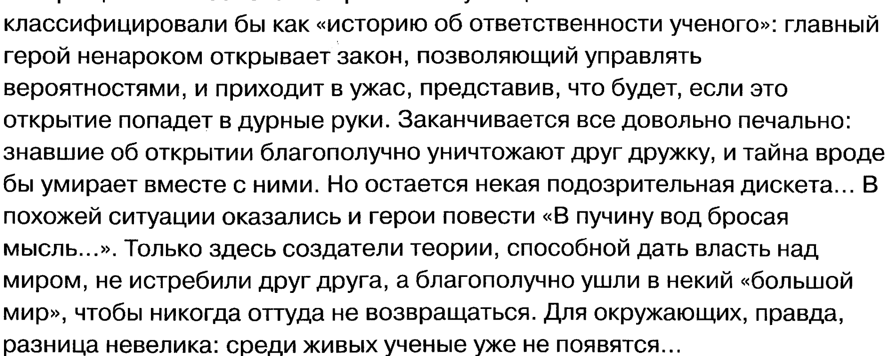
Рецензии

Из дальних странствий возвратясь...

Амнуэль П. Все разумные: Повести, рассказы. – М.: АСТ, 2002. – 432 с. – (Звездный лабиринт). 10 000 экз. (п) ISBN 5-17-014732-5

Часть текстов, вошедших в эту книгу, издается в России впервые, хотя созданы они довольно давно. Отлежавшись «в столе», они, как ни парадоксально, зазвучали по-новому – более актуально, что ли. Перечитывая сегодня тот же «День последний – день первый» (действие повести происходит в Москве, написана же она уже после переезда Павла Амнуэля в Иерусалим, где и опубликована отдельной книгой в 1993 году), обращаешь внимание не на неизбежную «развесистую клюкву», а на философскую начинку произведения. Вопрос и в самом деле непрост: имеет ли человечество моральное право на существование, если благополучие homo sapiens строится на крови и грязи? Достигнет ли совершенства мир, в котором любое движение возможно лишь благодаря противодействию двух начал – добра и зла, темного и светлого, высокого и низкого? Или, может быть, с точки зрения высшего существа проще стереть все подчистую, вернуться к истокам и построить новую Вселенную на иных принципах?





А вот в повести «По делам его...» автор, вопреки названию, к проблеме греха и воздаяния почти не возвращается. В советские времена эту вещь классифицировали бы как «историю об ответственности ученого»: главный герой ненароком открывает закон, позволяющий управлять вероятностями, и приходит в ужас, представив, что будет, если это открытие попадет в дурные руки. Заканчивается все довольно печально: знавшие об открытии благополучно уничтожают друг дружку, и тайна вроде бы умирает вместе с ними. Но остается некая подозрительная дискета... В похожей ситуации оказались и герои повести «В пучину вод бросая мысль...». Только здесь создатели теории, способной дать власть над миром, не истребили друг друга, а благополучно ушли в некий «большой мир», чтобы никогда оттуда не возвращаться. Для окружающих, правда, разница невелика: среди живых ученые уже не появятся...

Космогония – конек Павла Амнуэля: именно в этой области он лучше всего ориентируется, именно это ему более всего интересно. Если уж замахиваться, так сразу на законы природы; если совершать открытия, то фундаментальные; если овладевать силой, то способной зажигать звезды и разрушать планеты. Драмы людей в произведениях Амнуэля всегда неразрывно связаны с драмами идей, иначе неинтересно. Даже в повести «Лишь разумные свободны» – сиквеле «Жука в муравейнике» Стругацких – писатель выдвигает еще одну оригинальную космогоническую теорию: по его мнению, чем активнее действует разум, чем больше у него возможностей для влияния на мир, тем менее предсказуема, менее детерминирована Вселенная. *«Только разумное существо способно принимать и выполнять полностью немотивированное решение»*. А значит, безудержное развитие разума по меньшей мере самоубийственно... Именно на эту мысль, полагает главный герой, должны были навести земное человечество «подкидыши» Странников – Лев Абалкин, Корней Яшмаа и другие.

Естественно, автор, живущий на Земле Обетованной, не мог обойти вниманием и религиозный вопрос. В рассказе «Приди, Ибрагим!» Амнуэль предлагает изящное и нестандартное решение проблемы конфессионального противостояния – нечто в духе Филипа К. Дика. Приятно осознавать, что, покинув Россию, писатель сумел сохранить хорошую литературную форму. Далеко не всем это, увы, удается.

Василий Владимирский

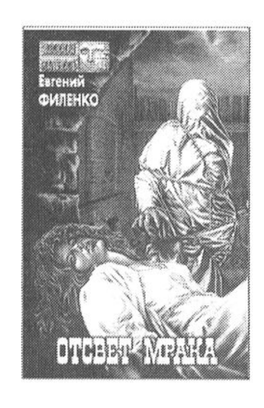
«Скрадываем» надежду?

Филенко Е. Отсвет мрака: Роман, повести. – М.: Вече, 2002. – 352 с. – (Жестокая реальность). 7000 экз. (п) ISBN 5-94538-054-7

В конце романа «Отсвет мрака» отсутствует дата завершения вещи, но, судя по старомодным «политическим отступлениям» и мрачной безысходности, которой наполнено произведение, точку автор поставил не вчера, а лет десять тому назад. Мне кажется, сейчас даже закоренелый пессимист не станет предсказывать такое беспросветно-безнадежное будущее нашему государству и его гражданам. Да и пермяка Евгения Филенко, известного своим жизнеутверждающим циклом «Галактический консул», всерьез называть пессимистом я бы поостерегся...

2022 год. Гигаполис с 42-миллионным населением (*«пространство сплошной застройки, возникшее на пересечении нескольких промышленных регионов центральной России»*) битком набит нищими,

бандитами, наркоманами, проститутками, «спидюками», серийными убийцами и какими-то мерзкими спригганами, имеющими наглость бесплатно пользоваться общественным транспортом. Есть еще кобольды, банши, урохи и непременные крысы, придающие абсолютную законченность апокалиптической картине. Эту разношерстную компанию пытаются держать под контролем государственный Департамент охраны порядка (ДЕПО) и тайная преступная организация со строгой иерархией (Пекло). Властные и мафиозные структуры вынуждены сотрудничать, поскольку уродливой жизни города-гиганта угрожает непонятная третья сила, освобождающая для себя жизненное пространство и использующая кадавров-инкубов для реализации своих страшных планов. Инкубы готовят уничтожение сердца Гигаполиса – *«энергетического процессора аннигиляционного типа»*. Впрочем, вполне возможно, что их появление – это своеобразная защитная реакция природы на Гигаполис со *«всеми его шахтами, заводами, фекальными стоками, газовой оболочкой, которую только кретин назовет воздухом»*.



Моральный климат в Гигаполисе тяжелый, зато нет проблем с достижениями технического прогресса. К услугам жителей супергорода – схемосканы (лэптопы, запросто идентифицирующие личность по ее психоэнергетической матрице), элкары (летающие средства передвижения), шок-ганы (парализаторы) и прочие не менее интересные штуки. Запоминается описание процедуры ментосканирования – леденящая душу беседа комиссара Сполоха с мозгом мертвого полицейского. Правда, лично мне испугаться по-настоящему помешал невольный каламбур: я подумал, что термин «ментосканирование» в данном случае вполне уместен, поскольку сканируется именно мент, пусть даже и убитый.

При чтении романа я несколько раз споткнулся об устаревший глагол «скрадывать», который используют по разным поводам разные персонажи. В словаре Ожегова «скрадывать» расшифровывается как *«утаивать, скрывать, делать менее заметным»*. У Даля это слово означает *«украсть, выкрасть, подстеречь»*. Евгений Филенко, судя по контексту, глагол «скрадывать» употребляет скорее в значении «ловить». Но не будем придираться: а вдруг это словечко и впрямь станет популярным в 2022 году...

Кроме «Отсвета мрака» (а сделан этот роман, надо признать, мастерски), в книгу вошли два ранних произведения Е.Филенко о всепобеждающей

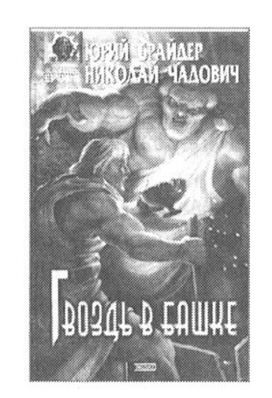
силе любви. В фантастической мелодраме «Эти двое» (1988) любовь чисто человеческая, а вот в трогательном повествовании «Дарю вам этот мир» (1990) звездного драйвера Панина, совершившего вынужденную посадку на опасной планете, нежно полюбят (пусть далеко не сразу) местные кошмарные вродекоты-квазифелисы. Кстати, в последней повести я тоже отыскал обожаемый автором глагол «скрадывать».

Владимир Ларионов

В лабиринтах прошлого

Брайдер Ю., Чадович Н. Гвоздь в башке: Роман. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с. – (Абсолютное оружие). 15 000 экз. (п) ISBN 5-699-00327-4

Читатели Юрия Брайдера и Николая Чадовича подустали от цикла «Тропа». Утомил он и писателей: недаром с каждой книгой соавторы из Минска уходят все дальше и дальше от этого сериала, в свое время принесшего им успех. В противоположность Артему из «Тропы», чей дух и тело укрепили бесконечные странствия по мирам, герой нового романа намертво прикован к постели. Случайная жертва теракта, Олег Наметкин оказался парализован из-за обрезка гвоздя, поразившего двигательный центр в мозгу (отсюда и название книги). Но это не мешает ему путешествовать – правда, не в пространстве, а во времени и не физически, а лишь ментально. Это как генетическая память, только наоборот: не воспоминания предков, проявляющиеся у отдаленных потомков, а сознание нашего современника, наслаивающееся на сознание предка и способное временами перехватывать власть над телом. Чем дальше в прошлое, тем шире ареал обитания предков Наметкина – от Древнего Египта до норвежских фьордов и от Эллады до бескрайних скифских степей. Прием довольно оригинальный: разумеется, среди множества способов перемещения во времени, придуманных фантастами, встречается и этот, но используют его не слишком часто.



Однако на том фантастические открытия Брайдера и Чадовича не заканчиваются. Бродя по запутанным тропинкам прошлого, Олег случайно сталкивается с представителями иного разумного вида, обитающими на знаменитом острове Крит. В нашей реальности наиболее пассионарный представитель этого вида, известный под именем Минотавр, был убит



Тезеем, одним из величайших героев Древней Греции. Но из-за невольного вмешательства Наметкина вся история пошла сикось-накось. Происходит непредвиденное: Минотавр убивает Тезея, и будущее человеческой расы оказывается под угрозой. Наследники критского чудовища умнее, сильнее, плодовитее людей, они превосходят человека практически во всех отношениях – разве что по части нравственности у них не ахти. Но поскольку *«история вовсе не застывший монолит, а изменчивый и прихотливый поток»*, status quo еще можно вернуть – и Олег Наметкин вновь и вновь ныряет в ментальный океан в надежде исправить содеянное...

К сожалению, увлекшись одним традиционным парадоксом, связанным с путешествием во времени («что будет, если путешественник из будущего убьет своего дедушку?»), авторы так и не смогли – не захотели? – использовать свою идею на всю катушку, развернув перед читателями целый букет альтернативных историй. Финал остается открытым, мы так и не узнаем, удалось ли герою исправить свою фатальную ошибку, Брайдер и Чадович могут садиться и прямо с этого места начинать писать следующую книгу... Но станет ли «Гвоздь в башке» первым романом нового цикла? Не уверен. Хотя писателям наверняка есть еще что сказать.

Анатолий Гусев

Первая мировая, вариант второй

Марков А. Там, где бродит смерть...: Роман. – М: Вече, 2002. – 384 с. – (Жестокая реальность). 7000 экз. (п) ISBN 5-7838-1187-4

Имя Александра Маркова пока незнакомо широкой аудитории: «Там, где бродит смерть...» – дебютный роман автора. Динамичный сюжет, пожалуй, читателя не удивит (кому еще тренировать воображение, как не начинающим?), но вот логичность поступков героев, их живые образы, зрелость их мировоззрения – это в дебютных работах встречается, прямо скажем, не часто.

Роман относится к популярному сегодня направлению литературы – «альтернативной истории». Действие происходит во время Первой мировой войны. Автор попытался представить, как могли бы повернуться события, если бы уже изобретенная русскими учеными на тот момент техника (например, самолеты «Илья Муромец», автоматы) существовала не в единичных экземплярах, а стояла бы на вооружении российской армии. Главный герой возглавляет группу, которая забрасывается в немецкий тыл. Ей поручается сложное задание, способное предопределить не только

дальнейший ход военных действий, но и более масштабные мировые процессы... Вот такой на первый взгляд развлекательный сюжет. Однако при этом автору удалось мастерски пройти между голливудскими историями-катастрофами с непременным хэппи-эндом и эдакими штампованными поделками, которые, по меткому выражению Кира Булычева, *«в крови и сперме по колено»*.



Роман действительно не отпускает до последней страницы. В его пользу говорит необычный, сочный и точный литературный язык (*«кривые, точно изуродованные артритом ветви»* – это про немецкий лес). Приятно отметить, что каждого персонажа, даже эпизодического, Александру Маркову удалось сделать «индивидуальным», узнаваемым. И когда кто-то из них погибает (а это при военных действиях неизбежно), его становится жалко...

Как-то на мой вопрос о том, многое ли приходится писателю-фантасту придумывать, Евгений Лукин ответил: *«А ничего. Все беру из жизни. Все, что пишу, – это наше время, мы сами»*. Схожее ощущение возникло у меня и от романа Маркова. Война для его героев лишена какой бы то ни было романтики, но вместе с тем нет в профессионалах и излишней жестокости. Для опытных бойцов это *«грязная работа, как, впрочем, и слишком многое на этой войне»*. Побеседуйте с кем-нибудь из тех, кому приходилось воевать, и он подтвердит, что на самом деле так и есть. И это, мне кажется, в какой-то мере может служить ответом на возможный вопрос: «Зачем в который раз возвращаться к истории, есть ли смысл говорить в сослагательном наклонении о том, что было и быльем поросло?»

Оксана Дрябина

Черные Вигвамы России

Пыхов А. Заложники утонувшего города: Повесть. – М.: А.Пыхов, 2002. – 352 с. 5000 экз. (о) ISBN 5-9500002-1-8

Сегодня начинающему автору напечататься довольно сложно. Крупные издательства предпочитают работать по принципу «от добра добра не ищут» и, как правило, выпускают книги писателей, проверенных рынком, гарантированно приносящих прибыль. Журналы также, несмотря на все свои декларации, нередко подменяют понятия – известное имя вместо высокого качества.

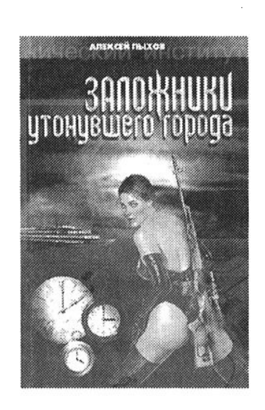


Куда же в такой ситуации податься бедному неофиту? Известно куда: к спонсору. Неофиту же богатому и этого не надо. Возможность выпустить книгу «за счет средств автора» пока никто не отменял. Чем не преминул воспользоваться Алексей Пыхов и напечатал в типографии ОАО «Молодая гвардия» аж 5000 (!) экземпляров своей повести «Заложники утонувшего города».

Первый взгляд на обложку книги вызывает острейший приступ дежа вю. Затянутая в кожу полуобнаженная девица с автоматом на плече будто явилась с аляповатых брошюр, наводнивших книжные лотки с приходом гласности. Однако следует сразу же отметить, что лучшим лекарством от этого приступа стал текст, скрывающийся за «работой неизвестного художника».

Повесть сделана крепким профессионалом – по всей видимости, журналистом, тем более что главным героем произведения является сотрудник московской газеты «Молодежная правда» Константин Иванов. Перед нами типичная социальная фантастика, написанная на стыке «альтернативной истории» и путешествий по параллельным измерениям. Только, в отличие от стандартного подхода к теме «Наш человек в чужом мире», когда супергерой огнем и мечом проходится по инопланетным весям и показывает, кто в доме хозяин, А.Пыхова прежде всего интересует «Россия, которую мы потеряли». Но ответ на вечные вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?» в очередной раз остается ненайденным...

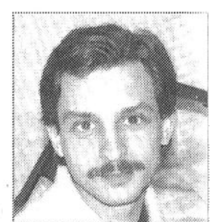
Присутствуют в «Заложниках...» и элементы мистики. Так, способ, посредством которого Константин попадает в одно из отражений нынешней России, перекликается с теорией Черного Вигвама Дэвида Линча. Алексею Пыхову, как и мрачному гению современной кинорежиссуры, представляется, что покинуть нашу реальность можно лишь в местах колоссального выброса отрицательной энергии. А таковых за семьдесят лет советской власти на территории нашей страны накопилось достаточно.



Для выпущенной за свой счет книги тираж «Заложников...» непомерно велик, и вряд ли его удастся реализовать полностью. Остается надеяться, что этой повестью автор сможет обратить на себя внимание издателей и в дальнейшем ему предстоит заниматься лишь своими прямыми обязанностями. То бишь писать.

Андрей Синицын

Сергей Алексеев





ОЧИЩЕНИЕ В ВАЛИНОРЕ

О религиозных убеждениях профессора Толкина

Сергей Алексеев — молодой ученый-религиовед, автор книги «Проблема добра и зла в религиозных системах Евразии», учебника «История религии». В настоящее время преподает в Московской гуманитарно-социальной академии. Предлагаемая вниманию читателей статья написана на основе доклада, который был прочитан Сергеем на заседании московской литературно-философской группы «Бастион».

Вскоре после публикации «Властелина Колец» в одном из писем Джон Р.Р. Толкин признавался: *«Я — христианин, как можно догадаться по моим произведениям, и принадлежу к Римско-католической церкви. О последнем факте догадаться по моим текстам можно едва ли...»* Вероисповедание и, что важнее, соответствующее ему мировоззрение Толкина не были тайной для критиков и большинства исследователей биографии и творчества писателя.

Однако с конца 70-х начались попытки связать Толкина с западным оккультизмом. Его называли теософом, антропософом, гностиком, а в нынешней России обвиняют и в сатанизме. Это вызывает тем большее удивление, что для специалистов-толкиноведов вопрос о его религиозных воззрениях совершенно ясен. В качестве примера вдумчивого и разностороннего, подлинно научного анализа религиозного содержания «Властелина Колец» нельзя не указать подробный комментарий к так называемому «академическому» русскому переводу романа.



Некоторому «затмению» в этом вопросе отчасти способствовало творчество многочисленных «наследников Толкина». Большинство произведений «эпической фэнтези» основывается на взглядах, далеких от традиционного христианства. Даосско-буддийские воззрения, ставшие путеводными для европейских и американских «новых левых», пронизывают созданный У. Ле Гуин мир Земноморья – возможно, наиболее продуманный после толкиновского и испытавший некоторое его влияние. Да и другие авторы, работающие вроде бы в толкиновской традиции и населяющие свои миры персонажами, чрезвычайно напоминающими творчество основателя жанра, в религиозно-философском плане уходят от «первоисточника» (если этот план вообще в их творчестве присутствует). Здесь можно вспомнить о трех ярких представителях американской эпической фэнтези. Р.Джордан, Т.Уильямс и Г.Кэй остаются на первый взгляд в рамках толкиновской парадигмы. Но даже у Р.Джордана, верующего англиканина, с протестантским единобожием сочетаются переселение душ и буддийская калачакра – «Колесо Времени», давшее название его фэнтезийному циклу. «Лига Пергамента» Т.Уильямса написана с привычных для образованного американца позиций религиозного агностицизма. Г.Кэй (некогда принявший весьма активное участие в редактировании изданного посмертно толкиновского «Сильмариллиона»), не порывая в своем творчестве с христианскими ценностями и идеями, вместе с тем ощутимо пытается «скрестить» их с язычеством, поэтизирует средневековые ереси.

Подобные тенденции, характерные для немалой части современной «литературы вымысла», заставляют многих с большим сомнением приглядываться и к ее «прообразу». Дополнительные «вопросы к Толкину» вызывает нередко и толкинистское движение, принимающее довольно своеобразные формы. Известно, что уже в первые годы толкиновского бума в Англии и США многие *«предпочли роман Святому Писанию»*. А ведь сам Толкин с большой озабоченностью относился к такой соблазнительности своего «вторичного мира». Это было одной из причин, по которым он медлил с публикацией «Сильмариллиона». Так или иначе, сейчас некоторые (особенно не искушенные в истории жизни и творчества писателя) оценивают его произведения, исходя не из них самих, а из их общественных и литературных следствий.

Попытаемся провести собственную экспертизу. В качестве материала возьмем «Книгу забытых сказаний» (1917–1920) – ранний и наиболее подробный вариант «Сильмариллиона». Это позволит рассмотреть творчество Толкина в самых его истоках, задолго до широкой известности и приобретения житейской и литературной искушенности, когда заложенные в нем идеи должны были проявляться гораздо резче и



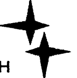
прямолинейнее. Надо, впрочем, сразу заметить, что мифология и сюжетные линии «Сказаний» отличаются от «Сильмариллиона» – иногда весьма значительно. Некоторые из них имеют прямое отношение к теме.

Итак, молодой лингвист из Оксфорда, воспитанник католического священника, решил воссоздать (вернее, создать из обломков) древнеанглийский национальный эпос. Имеющиеся памятники его не удовлетворяют: это или унаследованные от кельтов и «пришлые» из Скандинавии сюжеты, или *«ужатая до убожества лубочная дрянь»*. Возникает образ автора Золотой Книги – древнегерманского мореплавателя Эриола (англосакса Эльфвина в позднейшей редакции) и мира, в котором он живет и историю которого узнает на загадочном острове Тол Эрессэа. Мир этот должен был сочетать в себе и приемлемые элементы древнеанглийской мифологии, и черты мировоззрения самого Толкина.

Когда мореход стал Эльфвином, Золотая Книга обрела место в истории и некую полноту. В ней показан мир, каким его видел новокрещеный англосакс на излете «темных веков» (VIII–IX), мир, в котором было место и Благой Вести, и преданиям об эльфах... Автор «Беовульфа» упрекал данов за то, что те *«молились идолам, не чтили Всевышнего»*, – в рассказе о нападении тролля на королевский дворец. Сходным образом видел мир и вполне ортодоксальный король Альфред в конце IX века. Естественно, таково же содержание Золотой Книги Эриола.

Мера отражения христианских убеждений автора в произведении менялась. Подчас Толкин был склонен «камуфлировать» свои взгляды. В одном месте «Сказаний» он сперва написал: *«Кто знает, придет ли когда-нибудь от них* (Валар. – **С.А.**) *спасение мира и освобождение людей и эльфов? Некоторые говорят, что это не так и что надежда живет только в далекой стране людей, но как такое может быть, я не знаю»*. Намек на Страну Завета был заключен в скобки со знаком вопроса, а при переработке текста исчез. Действительно, откуда рассказчику-эльфу знать о богоизбранном народе и грядущем приходе Спасителя?

С иной ситуацией сталкиваемся в мифе творения («Музыка Айнур»). Первоначально при сотворении мира *«Солнце с Луною отпускаются на пути свои и обретают жизнь»* – так, как и сказано в Книге Бытия. Однако, переработав текст, Толкин принес библейское представление в жертву созданному им мифу о Двух Древах, освещавших Родину Эльфов на Заокраинном Западе, их ужасной гибели и лишь последующем сотворении Солнца и Луны. Фраза исчезла, а весь фраг-



мент подвергся переделке. Написав «астрономический» миф, Толкин последовательно сокращал его в каждой новой редакции «Сильмариллиона». Как видно из черновиков последней редакции, в конце жизни автор вообще предполагал отбросить этот миф, всецело приняв библейскую космогонию. В немалой степени его желание было обусловлено не раз выражавшейся Толкином тревогой по поводу того, что его вымышленный мир слишком принимается на веру.

В первоначальной версии «Книга забытых сказаний» пронизана христианским монотеизмом. С этой точки зрения наиболее показательно, разумеется, унаследованное и окончательным «эпосом» сказание об «Айнулиндалэ» — Музыке Айнур, великом гимне ангельских духов перед троном Творца, возвещающем начало мира, но и приводящем одного из величайших Айнур (Мелько) к падению. Это единственное из «сказаний», эволюционировавшее к «Сильмариллиону» напрямую. Творец Илуватар (в черновике — Илу, древнесемитская форма библейского именования Бога) — *«Господь Вечности, пребывающий за пределами мира; тот, кто создал его, и не от него и не в нем, но любит его»*. Рассуждения Илуватара о Промысле, теодицее, месте и роли зла очевидно относятся к области католического богословствования. В первой редакции «Музыки...» Толкин отдал дань августиновским идеям благой и полезной обусловленности даже злых поступков: *«И узрит он* (Мелько. — **С.А.**), *и все вы, и даже те существа, что должны теперь жить средь его зла и сносить через Мелько несчастья и печаль, ужас и бесчестье, возгласят в конце, что это лишь служило великой моей славе и делало тему достойней для слуха, жизнь достойней для жития, а Мир столь чудесным и дивным, что изо всех дел Илуватара сие* (попущение выбора Айнур. — **С.А.**) *будет названо мощнейшим и прелестнейшим»*. Позже эти рискованные утверждения исчезают, и в редакции 1951 года остается приемлемая для Римской церкви томистская теория последовательного обращения Творцом попущаемого (ради свободы) зла во благо.

Идея духов-мироправителей, Валар, именуемых иногда у людей богами, давала почву для упреков Толкина то в гностицизме, то в неоязычестве. Обвинения эти беспочвенны. Как раз в итоговой версии толкиновской мифологии Валар — Powers, Силы, духи второго «ангельского порядка» (по схеме Ареопагита и по определению самого Толкина), подчиненные Творцу, вошедшие в мир и принявшие участие в его создании согласно Его воле, тогда как первый акт творения совершен самим Илуватаром. Здесь нет гностического противопоставления истинного бога и ложных демиургов, творящих материю против его воли. Нет



и языческого обоготворения природы. Валары не воплощают природных явлений и не требуют божеских почестей.

Иная картина в «Забытых сказаниях»: здесь концепция Валар диаметрально противоположна. После сотворения мира между Айнур произошел спор. Те, *«кто в своей музыке был поглощен думами о промысле и замысле Илуватара и пекся только о том, чтобы изложить его, не украшая какими-то собственными изобретениями»*, остались с Творцом. Другие (в их числе Мелько) откололись от остальных и *«умоляли Илуватара позволить им поселиться в пределах мира»*. Они вызываются быть хранителями, но, как выясняется в дальнейшем, двигали ими гордыня и жажда власти над Детьми Илуватара – прежде всего людьми. *«Всецело прозревая сердца их, Илуватар все же внял желанию Айнур»*. Валар спускаются в мир, и первым из них в огне низвергается Мелько. В ранней версии эти духи, по мере развития сюжета многократно проявляющие гордыню, близорукость и эгоистичность, – действительно вполне «языческие боги». И если Мелько и его присные – очевидные демоны, то Валар Валинора (за редкими исключениями) в «Книге» – существа полудемонической природы, прикованные к земле и аиру в наказание за свою гордыню, хотя и не последовавшие за мятежом Люцифера.



Мелько на картине Тимо Вихолы.
Вопросы есть?

А что такое тогда сам Валинор? «Блаженные острова» на западе восходят к кельтской мифологии. Ирландские христиане изредка отождествляли их с «земным раем». Ранний Толкин нашел им иное место в христианской космологии. Во фрагменте, рассказывающем о судьбах людей после смерти (он весьма далек от идей, заложенных в «Сильмариллионе»), говорится, что одних грешников Мелько утаскивает в подземный мир, а других ждет заключение на севере Валинора, где правят духи смерти во главе с Мандосом. Но большинство людей отправляется на юг, в преддверие Валинора – область Хаббанан (Эруман). В



этой обители душ они ведут унылое, но не безнадежное существование, ожидая Великого Конца. Некоторых из них Валар призывают в Валинор. Грешник может пройти в Валиноре очищение в огненной купели Фаскалан, как это сделали Турин и Ниэнори, над которыми тяготели грехи невольного инцеста и самоубийства.

В словаре, связанном с «Забытыми сказаниями», одно из названий Эрумана переводится как «Чистилище». Дальнейшее сопоставление проводится просто: Мандос – Лимб, область немучительного заточения «умеренных грешников». Собственно Валинор оказывается аналогом «лона Авраамова» в дозаветном мире.

Второй «острый угол» в мифологии Толкина – явственно отдающая платонизмом концепция того, что *«смерть есть дар Единого людям»*, освобождение от бренного мира. Сам Толкин в письме владельцу католического книжного магазина Гастингсу был вынужден признать, что это, по всей вероятности, *«дурная теология»*. Приведенные им в свое оправдание аргументы (он-де смотрит на смерть через призму вторичного, а не подлинного мира) становятся чуть яснее при изучении истории идеи. Она появляется сравнительно поздно, в написанной в 30-е годы незаконченной фантастической повести «Забытая дорога». Здесь теорию смерти-дара излагает своему сыну нуменорец Элендил, отвергая Сауроновы посулы бессмертия.

В «Книге забытых сказаний» нет еще и следа этих идей. Дар заключается только в том, что *«люди должны иметь свободную волю, посредством чего в узах сил, и веществ, и перемен мира смогут выстраивать и замышлять жизнь свою даже помимо первоначальной Музыки Айнуров, каковая подобна року для всех иных существ»*. Как сказано далее, с этим же «даром силы» сопрягается то, что *«Дети Людей лишь краткое время обитают в мире живыми и все же не исчезают полностью до конца»*. Легкое изменение позже превратило эту фразу в упоминание о даре смерти. Но в первоначальном виде явно говорится только о бессмертии души. У раннего Толкина дары Бога людям понимаются почти так же, как у Фомы Аквинского: абсолютная свобода воли и выбора, сопряженная с бессмертием души и загробной ответственностью.

Итак, мировоззрение автора «Книги забытых сказаний», несомненно, вполне христианское, хотя, может быть, и не вполне еще устоявшееся. Христианские мотивы позднейших произведений Толкина не нуждаются в доказательствах. Важно отметить, что большинство «сомнительных» точек толкиновского «вторичного мира» являются на деле результатом изменения его юношеских построений. Но христианское содержание самих этих построений очевидно.

Арбитмания

ТУДА–СЮДА–ОБРАТНО

Есть такой анекдот. В море встречаются два корабля с евреями-эмигрантами. Первый плывет в сторону Земли Обетованной, второй – прямо оттуда. Пока оба корабля находятся в пределах обоюдной видимости, их пассажиры, высыпав на палубы, сигнализируют друг другу одинаковыми жестами – крутят пальцем около виска... К чему я это рассказываю? Да к тому, что в настоящий момент в российской литературе происходит похожая миграция. Два потока авторов примерно вот так же перемещаются в противоположных направлениях. Одни поспешно бегут из фантастики в так называемую «серьезную» литературу, другие из «серьезной» прозы столь же суетливо движутся к science fiction и fantasy. О практических результатах этой миграции – чуть ниже, но и «сам процесс» (по выражению небезызвестного поручика) любопытен. Вернее сказать, его первопричины...

Начнем с исхода из лагеря фантастов. При большевиках те практически не вылезали из своей ниши (да и кто бы их пустил во **взрослую** литературу – с ее сталинскими премиями, экранизациями, статьями в «Правде», тиражами-гонорарами и блатными местами в президиумах плюс Ваганьково? Нет уж, места поделены!). За эти годы у литературных победителей недр и разведчиков космоса пустил корни, вырос и заколосился огромный комплекс неполноценности. Писатели-фантасты чувствовали себя кем-то вроде режиссеров-мультипликаторов: вроде они и кино снимают, и на фестивали ездят, но вот закадрить актрисулю – фиг, уже профессия не та. Потому-то, едва повеяло перестройкой, немало списочных деятелей НФ сорвалось с насиженных мест. Попробуйте-ка сегодня неосторожно назвать писателями-фантастами как мэтра Малеевского семинара Евгения Войскунского, так и нескольких его подопечных – будь то Михаил Веллер, Ан-

дрей Столяров, Андрей Измайлов, Людмила Синицына, Борис Руденко, Виталий Бабенко. Обидятся наверняка. В морду дадут. Писатель Виктор Пелевин, собаку съевший на имиджах, объяснит вам на пальцах, что для Запада «фантаст» – брэнд гниловатый, не катит. Пошлите писателю Анатолию Королеву анонимку с напоминанием о том, что нынешний автор неудобочитаемых (зато продвинутых!) «Головы Гоголя» и «Человека-языка» лет двенадцать назад опубликовал очень недурной НФ-роман «Блюстители небес». Ведь испугается Королев, выкуп будет предлагать за молчание... Нет, по-человечески очень понятно желание попадать в мэйнстрим и в рецензии, пасти народы (ну, хотя бы славистов), сеять разумное-доброе (ладно, пусть иногда и бренное), а не злобно отругиваться от пацанья и итээров, пристающих по поводу дурацкого Тунгусского метеорита, жизни на Марсе или, как минимум, ключа к десяти Амбарным Хроникам. Другое дело, что, кроме Пелевина, никому из предпринявших попытку к бегству большая удача на том берегу не посветила. Парадокс: служенье муз не терпит суеты, но и поздно прибежавшим – кости.

А что у нашей встречной волны? Тоже, увы, не больно здорово. Собственно, и в XVIII–XIX веках некоторые почтенные русские прозаики (а также поэты, драматурги, очеркисты et cetera) имели обыкновение время от времени сбегать в стан писателей-фантастов – подобно тому, как веселые гусары искали свободы и любви в цыганском таборе. Однако лишь в советские годы количество перебежчиков значительно приросло, а их мотивации существенно изменились. Вадим Шефнер и Михаил Анчаров, Владимир Тендряков и Василий Аксенов, Владлен Бахнов и Владимир Высоцкий (помните его рассказ про разумных дельфинов?), Ярослав Голованов и Натан Эйдельман... Список можно продолжать. Страшно вспомнить, но даже сам Александр Исаевич Солженицын в 1960 году сочинил пьеску «Свет, который в тебе» – беспомощную, как и все иные драматургические опыты будущего автора великого «Архипелага ГУЛАГ», но вполне в русле тогдашней проблематики НФ. Дело дошло до того, что один из томов знаменитой жемайтисовско-клюевской БСФ был отдан авторам-кочевникам. Сочинитель послесловия крайне обтекаемо писал о *«многих и каждый раз особых причинах, по которым данные писатели обратились к фантастическим произведениям»*, хотя причин было, по большому счету, всего две. Либо автор хитро упрятывал в жанр фантастики свои «стилистические разногласия» с кондовым соцреализмом (недаром среди «эмигрантов» в жанр впоследствии оказалось немало эмигрантов в прямом смысле сло-





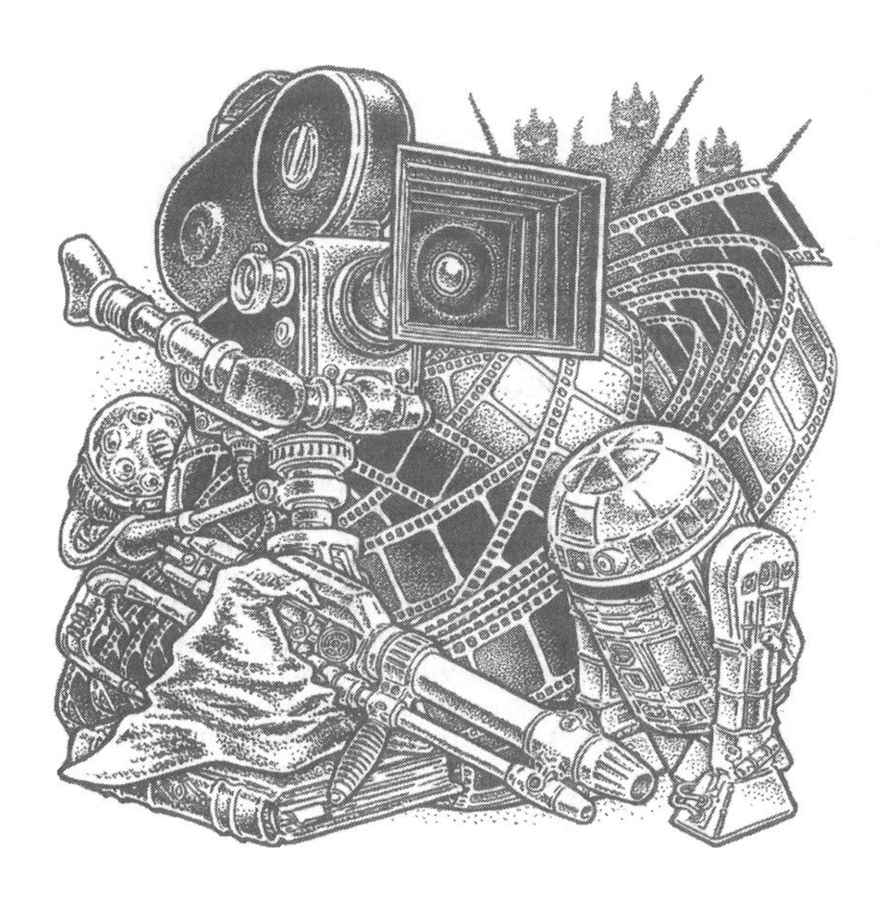
ва – Аркадий Львов, Андрей Синявский, Рафаил Нудельман, Евгений Муслин, те же Аксенов и Войнович...). Либо мы наблюдали ситуацию, которую обозначил персонаж «Обитаемого острова» Стругацких: *«Нужно свихнуться, чтобы перебежать к нам»*. Иными словами, у автора могла маленечко съехать крыша на почве собственного величия, и тогда ему казалось, что разговаривать с Мирозданием на равных он может лишь на космических котурнах.

Понятно, что во времена постсоветские мотивации значительно изменились. То есть, конечно, остался процент пишущих, которых к смене жанра по-прежнему подталкивают их проблемы с головой (Дмитрий Галковский, например). Однако подавляющее большинство нынешних литературных мигрантов абсолютно прагматичны. Они осознали на собственной шкуре, что титул «серьезного» писателя сегодня, увы, не приносит ни денег, ни славы, ни широкой аудитории. Да, качество популярности маринино-донцово-никитиных раздражает былых властителей дум, а куда деваться? Зажмуриться и прыгать. Татьяна Толстая пишет «Кысь», словно никаких антиутопий на Руси не было – она первая (радуйтесь, громадяне!). Певец экскрементов и жертва «Жующих вместе» Владимир Сорокин в последнем романе «Лед» брезгливо снисходит к простому сермяжному moujik'ÿ и царапает нечто про заговор пришельцев и рыжего Чубайса, тоже типа пришельца. Чингиз Айтматов лепит НФ-антураж в «Тавре Кассандры» с простодушием Рип Ван Винкля, некогда читавшего Александра Беляева, а затем проспавшего лет семьдесят. Ловкий Дмитрий Быков, напротив, внимательно читает последнее, что откопал на лотке, – «Посмотри в глаза чудовищ» Лазарчука и Успенского, а затем кроит «альтернативку» по тем же лекалам («ВАГРИУС» купился, читатели – нет). И так далее. Презирая низменность массовых вкусов, перебежчики действуют по схеме пушкинского Савельича: *«Плюнь да поцелуй злодею-читателю ручку. Авось купит»*. Компромиссы эти, однако, к ожидаемым последствиям не приводят, поскольку авторы абсолютно не в теме, жанра не знают, аудиторию не чувствуют и оттого вечно изобретают велосипеды. Это в лучшем случае. А в худшем – сенокосилки на паровом ходу...

Начали мы с еврейского анекдота, закончим нетленной русской классикой. В пьесе Александра Островского «Лес» были два таких полукомических персонажа, актеры Аркадий Счастливцев и Геннадий Несчастливцев. Они точно так же шастали в поисках лучшей публики: один – из Вологды в Керчь, другой – из Керчи в Вологду. Если не ошибаюсь, героев освистывали и там, и там.

Роман Арбитман

ПЛАНЕТА КИНО



Фабриканты грез

Рассказ Дэвида Джерролда «Марсианский ребенок» экранизируется сейчас компанией «New Line Cinema». В центре сюжета – одинокий мужчина, который усыновляет шестилетнего мальчика, утверждающего, что он – марсианин. Поначалу приемный отец не верит в это, но некоторые события заставляют его изменить свою точку зрения... Напоминает недавний фильм «Планета Ка-Пэкс», не правда ли? С той только разницей, что в этом фильме свое инопланетное происхождение доказывал не ребенок, а пациент психушки...

Римейк фильма 1978 года «Супермен» ставит в Голливуде режиссер Бретт Рэтнер. Недавно ему удалось заполучить в свою картину самого сэра Энтони Хопкинса. Тот сыграет роль отца Супермена – криптонианца Джор-Эля (в первой ленте эту роль исполнил Марлон Брандо). Режиссера не смущает даже убийственная критика, которой подвергся сценарий будущего фильма, выложенный в Интернете. «Сценарий – это сценарий, – заявил он в интервью интернет-порталу «Dark Horizons». – Это еще не картина. Может, там выложены старые варианты или что-то типа того. Новый мне доставили только вчера с вооруженной охраной».

Роман Стивена Кинга «Ловец снов» – последний из опубликованных на русском – стал объектом экранизации. Одноименная картина выйдет на экраны в апреле 2003 года. В ленте заняты Морган Фримен, Том Сайзмор, Донни Уолберг и Дэмиен Льюис, играющие друзей, которые пошли в поход и столкнулись с неведомой силой. Режиссер картины – опытнейший Лоуренс Каздан. Словом, все говорит о том, что богатейшая фильмография Кинга пополнится еще одной достойной работой.

Сиквел «Человека-Паука» давно уже пора запустить в производство, а продюсеры в очередной раз сменили сценариста. Сперва их не устроил Дэвид Кепп, сочинивший сценарий первой картины. Потом неудачу потерпели Альфред Гуг и Майлз Миллар, исполнительные продюсеры фильма «Смоллвиль». Третьим стал некто Майкл Чабон, утверждающий, что не знаком ни с одним из вариантов, предложенных его предшественниками. Кстати, называться сиквел будет «Удивительный Человек-Паук». Детский сад, да и только!

По материалам «3Д-информ».

Своими глазами

Древнеегипетский капустник

Астерикс и Обеликс: Миссия Клеопатра (Asterix & Obelix: Mission Cleopatre). Производство «TF1 Films Productions» и «Le Studio Canal+» (Франция), 2002. Режиссер и сценарист Ален Шаба. В ролях: Жерар Депардье, Кристиан Клавье, Моника Белуччи, Жамель Деббуз. Слоган картины отсутствует. 107 мин. В российском прокате – с 8 августа.

Летний сезон 2002 года выдался для российских широких экранов урожайным на кинокапустники.

Рецензент вынужден сознаться: он любит приятные хохмы, не отягощенные скорбными раздумьями авторов относительно их творческой миссии. При этом, как ни странно, рецензент весьма чувствителен к вкусу этих авторов. А также к их умению хохмить парадоксально, ибо лобовая хохма – это как бы и не хохма вообще.

Да здравствуют «Люди в черном-2»! Давайте пригласим Барри Зонненфельда – пусть повысит уровень наших кавээнщиков: у них есть кризис жанра, а у него – нет.

Да здравствуют «Астерикс и Обеликс-2»! Ален Шаба оказался не просто достойным продолжателем благородного дела Клода Зиди – он оказался недостойным продолжателем. Даю справку: недостойными продолжателями называют таких, которые не озабочиваются дословным повторением того, что сделали их предшественники.

И действительно: если первый фильм об Астериксе и Обеликсе был снят большей частью для внутрифранцузского употребления (что не помешало ему сделаться общеевропейским хитом), то второй, судя по его размаху, нацелен прежде всего на мировой прокат. Спецэффекты зашлифованы, персонажей меньше колбасит и плющит, добавлена умеренная доза шуток, понятных даже массовой американской аудитории.

На этом перечисление недостатков второго фильма позвольте завершить и открыть реестр достоинств.

Во-первых, актеры. В двух главных ролях по-прежнему Кристиан Клавье и Жерар Депардье. (Эта парочка традиционно хороша, но в первом фильме могучий экстерьером Депардье-Обеликс напрочь затмил шустрого, но гораздо менее внушительного Клавье-Астерикса. Во второй картине этот недостаток исправлен.) В прочих ролях снялись Жамель Деббуз (мне он запомнился ролью Люсьена в «Амели», а здесь играет архитектора по



имени Номернабис), вечно улыбающийся Клод Риш из «Актеров» – новый друид Панорамикс; герой гениального «Паспорта» Данелии Жерар Дармон стал злодейским гадом Амонбофисом. Режиссер фильма Ален Шаба сыграл резко помолодевшего Цезаря, а роль Клеопатры исполнила эффектно раздетая у лучших европейских модельеров Моника Белуччи.

Во-вторых, постановка. «Миссия Клеопатра» – это фильм для киноманов. Для нас, то есть. Для людей, которые любят хорошее кино, умеют с благодарностью схватить намек и радостно его употребить ко всеобщему удовольствию. Если вы этот фильм еще не смотрели, будьте готовы к тому, что почти все фразы произносятся в нем, скажем так, с подтекстом.



Привожу пример. Обсуждая нос знаменитого Большого Сфинкса, Депардье-Обеликс мимоходом декламирует пару строк из гениально сыгранного им же десять лет назад «Сирано де Бержерака» Ростана: *«Это не нос, а мыс, нет – целый полуостров!»* Проходная, казалось бы, фраза связывает фильм с классикой французской драматургии и заодно дает роскошный пинок американским киноакадемикам, которые в свое время забаллотировали эту лучшую роль Депардье и отдали честно заработанный им «Оскар» Джереми Айронзу за работу в полузабытом фильме «Изменчивость фортуны»...

В-третьих, цитаты из культовых фильмов так и сыплются с экрана. «Звездные войны»! «Крадущийся тигр, спрятавшийся дракон»! «Мумия» (куда ж без нее – даже коктейль здесь называется «Имхотеп»)! А профсоюзные манифестации египетских строителей! А луврская стеклянная пирамида возле дворца Клеопатры! А чисто американский позитивизм местного изобретателя лифта, которого зовут Отис!

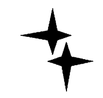
А музыка (в-четвертых)! А фразочки (в-пятых)! А имена персонажей (в-шестых)!

В общем, вы уже поняли, что рецензент получил от фильма все, что хотел. Он сыт, он доволен, его распирает от эмоций.

И он искренне надеется, что вы получите такое же глубокое и качественное удовлетворение, как и он.

Сергей Бережной

Рейтинг «ЗД»: ★★★★



Дяди в кукурузе

Знаки (Signs). Производство «Touchstone Pictures» и «Blinding Edge Pictures» (США), 2002. Режиссер и сценарист М. Найт Шьямалан. В ролях: Мел Гибсон, Хоакин Финикс, Черри Джонс. Слоган картины: «Не говорите, что вас не предупреждали». 106 мин. В российском прокате – с 17 октября.

Не ходите. А если пойдете, не говорите, что вас не предупреждали.
Вы думали, Шьямалан талантливый, потому что – «Шестое чувство»? Я тоже так думал.

Вы предполагали, что «Неистребимый» – это возрастное, талант растет и делает простительные ляпы? Я тоже предполагал именно это.

Но вот вышли «Знаки» – и все стало хрустально ясно. Шьямалан – это махровое индийское кино, только без танцев и Капуров. А Голливуд до него только сейчас дорос, что само по себе забавно.

«Шестое чувство» было парадоксальным отступлением Шьямалана от своих художественных принципов, к которым он упорно возвращается в «Неистребимом» и «Знаках». Принципы (бегло) таковы: сюжет строить не умеем, герой обязан быть тормозом, фантастику придумал и начал снимать Шьямалан; зрителю разрешается смеяться в тех местах, которые сам режиссер тем не менее считает убийственно серьезными.

Теперь чуть подробнее.

Сюжет: нашествие инопланетян на кукурузную ферму в Пенсильвании. Цель нашествия – убедить вдового многодетного священника-расстригу Мела Гибсона, что Бог не фраер, а просто погулять вышел.

То, что герой тормоз, видно невооруженным глазом.

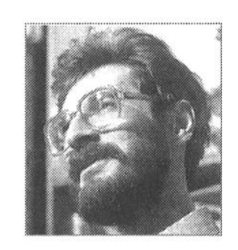
До Шьямалана никто фильмов про контакт не снимал, а потому фича про инопланетян, покоряющих планету с ядовитой для них атмосферой (полно водяного пара, а от воды им просто крышка) в голом виде (без скафандров) и голыми же руками (даже трухлявую дверь им взломать нечем), стала приятным новшеством.

Про смех в серьезных местах – это мое допущение. Шьямалан хохмит так концептуально, что его фильмы могли бы потягаться с комедиями Гайдая (чего стоит в контексте «Знаков» одна только бабулька, заплевавшая весь магазин скейтбордов) – если бы Шьямалан тут же не пытался убедить зрителя, что это все трагедия и гоготать над его фильмом могут только люди буйные и бесчувственные.

Да не пошел бы он со своими претензиями!

Алексей Д. Садецкий

Рейтинг «ЗД»: 



Сергей Бережной

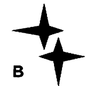
ТЕ, КТО ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

«Звездная дорога» публикует окончание очерка о вампирах в кино. Начало читайте в предыдущем номере.

Тысяча ударов колом

Успех «Дракулы» был таким громким, что в «Universal» решили сделать «еще один фильм ужасов» – именно эта фраза ознаменовала рождение нового киножанра. Лугоши отказался играть во «Франкенштейне» из-за тяжелейшего грима, чем косвенно способствовал восхождению звезды Бориса Карлоффа – и впоследствии они даже партнерствовали на экране. Лугоши продолжал играть злодеев, изредка возвращался к образу вампира. Но год за годом и роль за ролью мало что добавляли к уже созданному. «Дочь Дракулы» (1936) была очень похожа на своего отца – вплоть до подсвеченных фонариками глаз. «Сына Дракулы» (1943), графа Алукарда, сыграл Лон Чейни-младший, замкнув тем самым магический круг и вернув вампира в лоно семьи. В «Доме Дракулы» (1945) он уступил роль кровососа Джону Кэррадайну, оставив за собой свою «коронную» – волка-оборотня...

«Universal» выжал из темы все, что мог. «Мумия» возвращалась, «Человек-невидимка» воевал с нацистами, «Оборотень» встречал «Франкенштейна»... Конкуренты не отставали: в их фильмах раз за разом доктор Джекил превращался в мистера Хайда, сумасшедший хи-



рург пересаживал пианисту Орлаку руки убийцы, угрюмо корчился в банке мозг Донована...

Эпоха погибла в самоповторах. Война сделала многие прежние ужасы смешными по сравнению с кошмаром, который творился в концлагерях и на фронтах. Дракулу убивали на экране уже столько раз, что это не могло не наскучить...

В начале 50-х жанр ужасов окончательно уступил научной фантастике — сперва на страницах журналов, а затем и на экране. Кризис миновал, Голливуд успокоился и взялся за вестерны и мюзиклы, передоверив производство дешевых ужастиков Роджеру Корману сотоварищи...

Но Дракула мог отступить, но не мог исчезнуть. Он возродился в 1958 году, когда британская студия «Hummer» вскрыла замшелый гроб и из него поднялся Кристофер Ли.

Новый Дракула не был совсем уж новым. Он по-прежнему мог выглядеть (при необходимости) аристократичным, он по-прежнему с готовностью играл роль человека. Но он был более жёсток и гораздо более жесток.

А еще у него были клыки, и он совершенно не был театрален.

Первого «Дракулу» убивали так, чтобы зритель этого не видел: театр тех лет не терпел натурализма. Новый вампир пил и лил кровь легко, а время научило и ван Хелсинга реалистично работать колом — Питер Кашинг в роли борца с вампирами стал так же хрестоматиен, как и Кристофер Ли в роли борца с вампироборцами. Собственно, ван Хелсингу больше не был нужен именно Дракула: в «Невесте Дракулы» (1960) сам граф продолжает почивать в могиле, зато появляются его местоблюстители. Потом маятник качнулся — и снова настала очередь Кристофера Ли. «Дракула — Князь Тьмы!» — гремели афиши в 1966 году; «Дракула восстает из могилы!» — надрывались они в 1968-м...

В 1972 году студия решила синхронизировать события с реальностью, и в фильме «Дракула, год 1972» вампир ворвался в наше время — но это снова была только агония. Одиночка, асоциальный монстр, приколоченный осиновыми клиньями к кресту стереотипов, Роман Полански уже начал в 1967 году издевательский крестовый поход и против Дракулы, и против ван Хелсинга картиной «Бесстрашные убийцы вампиров, или Извините, но ваши зубы застряли в моей шее», а затем его почин подхватили другие — вплоть до того, что через пару лет на телевидении появилось шоу для гомосексуалистов «Кому сосет Дракула».

Дракула снова устарел. Неудачник, вечно оживающий только для того, чтобы в очередной раз уступить поле боя, вечно плодящий наследников — и постоянно теряющий все, что удавалось завоевать...

Вампирам снова нужна была свежая кровь.



Кровь вампиров

70-е прошли почти без потрясений. Фрэнк Лангелла, Остап Бендер из «Двенадцати стульев» Мела Брукса, сыграл Дракулу в 1979 году в римейке от той же «Universal», но новым Белой Лугоши не стал. В 80-х граф тоже не свершил ничего, что приблизило бы его к триумфальному возвращению. Да и не очень-то рвался он, видимо, оказаться в обществе Фредди Крюгера, «пятничного» Джейсона и «хеллоуинового» Майка Майерса.

Возрождение принес 1992 год. Десять лет назад (граф может отмечать юбилей) на экраны вышла экранизация романа Брэма Стокера от Фрэнсиса Форда Копполы. Режиссер «Крестного отца» весьма вольно обошелся с текстом оригинала, но остался удивительно верен его духу. Дракула в исполнении Гэри Олдмана почти дословно повторяет все метаморфозы, которые претерпели его кинопредшественники: белесый ходячий труп превращается в холеного аристократа, а затем – в загнанного преследователями хищника... Этот фильм звучал почти как оправдание Дракулы, у которого не было шансов в борьбе с маньяком-убийцей ван Хелсингом...

Коппола подарил образу Дракулы настоящую любовь, глубокий трагизм, неподдельную боль. Граф не стал менее чудовищем – но стал гораздо более человеком.

Человек же не может существовать вне человечества.

И тогда в кино произошло то, что в литературе свершилось на добрых двадцать лет раньше: вампиры были социализированы, включены неотъемлемой частью в круговорот нашей цивилизации. Их стало много, у них появились лидеры, своя общественная структура, законы, выстроившие их отношения друг с другом – и с человечеством.

В 1994 году появилось «Интервью с вампиром» – экранизация популярнейшего романа Энн Райс, самая суть которого заключалась в том, что вампир попытался объяснить себя человеку. Сделать шаг навстречу. Стать для человека чем-то понятным – а потому и приемлемым...

Вампир Луи, вампир Лестат, вампир Арман, девочка-вампир Клодия... Среди вампиров есть дети – разве это не сближает нас с ними? Разве их страсти – не точное отражение человеческих страстей? Они убивают нас, мы убиваем их – и этим поддерживается равновесие между ними и нами. Так легко понять друг друга, если захотеть...

Вампиры встали в один ряд с героями. Убийцы перестали вызывать отвращение, начали восприниматься чуть ли не вершителями правосудия, если они пьют кровь воров и убийц.

И еще одна созданная литературой традиция вырвалась на экран: тайно существующие рядом с нами кланы вампиров враждуют между собой. «Блэйд» взмахнул серебряным лезвием в 1998 году, но его клинок быстро стал различать «хороших» и «плохих» вурдалаков – точно так же, как вампир Луи претендовал только на кровь «плохих» и старался не трогать «хороших». А после выхода «Блэйда-2» выяснилось, что убежденный истребитель вампиров может их даже любить...



Джон Карпентер в беспощадно натуралистичных «Вампирах» (1999) на попытки эстетизировать и «пожалеть» кровососов ответил их тотальным и циничным геноцидом. Возможно, он не задумывался о том, как будет воспринята миссия Джека Кроу романтичным зрителем, плакавшим, когда солнце превращало в пепел малютку Клодию. Это был определенно не его зритель. Его зритель твердо знал, что хотя добро и зло относительны (кто ж с этим спорит?), но становящийся на сторону зла – мразь и предатель, и эта максима, к счастью, не стареет...

В круге первом

А в 2000 году вышла «Тень вампира», которая через 78 лет после премьеры «Носферату» Фридриха Вильгельма Мурнау вернула нас к тем же образам, но на совершенно новом уровне.

Граф Орлок – и Фридрих Мурнау, вампир – и режиссер. Макс Шрек выдуман, его никогда не было: Мурнау снимал настоящего Носферату, снова и снова расплачиваясь с ним чужой кровью. Искусство требует жертв, словно голодный вампир, – и чем дальше, тем больше. Все мы погибнем, но сделанное нами – останется, и на что только не пойдет человек, чтобы хотя бы на миг почувствовать этот отголосок вечности?

Бессмертие в искусстве и бессмертие на крови – вот они, качаются на точных весах совести... Чего тут взвешивать – искусство по определению выше смерти! Но всегда ли? Ведь если всегда, то получается, что цель все-таки оправдывает средства...



Джон Малкович и Уиллем Дефо сыграли самых потрясающих и живых вампиров за всю прошедшую перед нами историю кино. Различие стерто – если человек начинает торговать чужой кровью. Кино десятилетиями связывало человека и вампира, упорно наделяло их чертами друг друга. А может, и не было никогда явной разницы между ними – и нами?

Так кто же мы тогда?

Кто – мы, так страстно рвущиеся смотреть эти фильмы и читать эти книги?

Кто – мы, которые очень скоро отправятся в кинотеатры на «Королеву проклятых» – продолжение так полюбившегося нам «Интервью с вампиром»?

После долгих размышлений я могу уверенно сказать лишь одно: они всегда к нам возвращаются.

Кода

Пусть не обманет читателя интонация этого очерка. Автор вовсе не пытается сделать для читателя вампиризм и вампиров более реальными, чем они есть. Но беспочвенных образов наше сознание (и подсознание) не создает. И если образ вампира в искусстве существует, если он развивается (а мы это видели), если он приобретает новые черты и все более напоминает нас – насколько все это обусловлено потребностями нашего сознания? Не стоит ли нам задаться вопросом: что изменилось в нас самих, если мы, вопреки замыслу Стокера, смогли увидеть в Дракуле человека? Если разрешили – хотя бы и в нашем сознании – существовать целой цивилизации, паразитирующей на нашей крови? Насколько далеко может завести нас терпимость, политкорректность, непротивление?

Может быть, отделяя вампиров от людей, волков от агнцев, мы символически отделяем от себя свою «темную половину», создаем иллюзию своей непричастности к ней и ввергаем ее в «несуществование»?

Или, напротив, измышляем себе достойных «хозяев» – бессмертных, могущественных, почти всесильных, – которым можем вручить себя, словно стадо?

А может, в мечтах мы и себя видим такими, как они, – вечно прекрасными ночными хищниками, освобожденными от мыслей о грехе?

Некоторые зеркала слишком хороши, чтобы в них можно было смотреть без риска поверить в то, что видишь.

Впрочем, вампиры не отражаются в зеркалах.

КИБЕР-
ПРОСТРАНСТВО



Острова в Сети

http://harizma.by.ru/

Сайт литературного сообщества, которое именует себя «Клубом русских харизматических писателей». Таковых всего трое – Олег Дивов, Игорь Алимов и Юрий Бурносов. Произведения первого пользуются широкой популярностью, второй более известен как «консультант переводчиков» Хольма ван Зайчика, третий в основном пишет в соавторстве под псевдонимом Виктор Бурцев. То есть уровень харизмы у всех троих очень разный... На сайте о каждом из «харизматиков» можно найти биографические сведения, выложены также библиографии и некоторые тексты в форматах html и zip. Кроме того, имеется совместное интервью, из которого следует, что писатели эти действительно близки по взглядам на жизнь и творчество. А еще работает форум, озаглавленный «Третий Нуль». Что ж, больше «Нулей» – хороших и разных!

http://kapvit.narod.ru/

Страница московского программиста, критика, поэта и писателя-фантаста Виталия Каплана – лауреата премии «Еврокон-2002» в номинации «Лучший дебют» (за роман «Корпус»). Примитивный дизайн, выполненный самим автором, сочетается с удобством навигации. Но никаких излишеств! Одни только тексты – в разделах «Проза» (два романа и несколько повестей и рассказов), «Стихи» (по годам), «Литературная критика» (10 статей, в том числе обзор «Заглянем за стенку», опубликованный «Новым миром»). Впрочем, есть и раздел «Программирование», но он, надо полагать, носит ностальгический характер, потому что собранные там программные продукты созданы Виталием Капланом для операционной системы ДОС.

http://past-or.narod.ru/

Сайт писателя Евгения Прошкина, автора романов «Слой», «Война мертвых», «Механика вечности», «Наши фиолетовые братья», а также повести «Эвакуация», недавно напечатанной в «Звездной дороге». За несколько месяцев со дня своего открытия в сентябре 2002 года этот интернет-ресурс перешел с любительского на вполне профессиональный уровень. Здесь есть все, что нужно любопытному интернавту от странички писателя: биография, интервью, рецензии, тексты. Правда, ни один из романов не выложен полностью, а кроме того, есть раздел «Конкурсы», где посетителям предлагается ответить на несколько простых вопросов, связанных с сюжетами произведений Прошкина. А ведь для этого их еще надо купить в мага-

зине... В общем, писатель вполне грамотно пользуется Интернетом с точки зрения продвижения своих книг. Хотя принесут ли его усилия сколько-нибудь заметный результат, непонятно.

http://www.writer.fio.ru/index.php?c=1554

Раздел сайта «Писатель.Ру», посвященный фантастике. «Писатель.Ру» (наряду с «Учителем.Ру», «Родителем.Ру» и «Тинейджером.Ру») – один из ресурсов, поддерживаемых Федерацией интернет-образования. В его фантастическом разделе есть любопытные статьи Д.Трускиновской, интервью с А.Саломатовым, Г.Прашкевичем, А.Громовым, М. и С.Дяченко, П.Кузьменко, репортажи с конвентов. С другой стороны, несколько настораживает обилие материалов, посвященных детективному сериалу некоего современного российского фантаста. Конечно, пиар – это святое, но понятие чистоты жанра еще никто не отменял. И потому «ЗД», в отличие от администрации «Писателя.Ру», фамилию этого писателя и название его сериала сохранит в тайне.

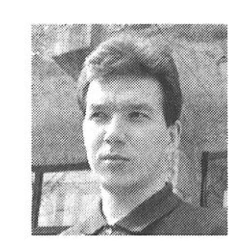
http://www.convent.ru/

Сайт, рассчитанный на тех, кто ездит на конвенты, собирается ездить на конвенты или не собирается ездить на конвенты, но очень хочет узнать, что на них творится. Здесь выкладываются программы фестивалей фантастики, важная техническая информация (как связаться с организаторами, как добраться до места проведения форума, во сколько обойдется участие). «Изюминка» сайта – богатейший фотоархив, который создается представителями российского фэндома – Дмитрием Новиковым (Митричем), Олегом Колесниковым, Вадимом Чиковым, Александром Ульяновым (Ласом). Если бы все фотографии еще были подписаны... К тому же явно не хватает отчетов о прошедших конвентах. Могли бы в крайнем случае поставить ссылки на другие сайты, где такие отчеты имеются. Но в целом – очень полезный и любопытный ресурс.

http://www.philipkdick.com/

Англоязычная страница писателя Филипа Дика, и этим все сказано. Писатель скончался в 1982 году, но произведения его живы и актуальны по сей день. Такой же живой и этот сайт: он регулярно обновляется. А вообще, здесь собрана едва ли не вся информация, связанная с Диком: и биография, и множество статей и воспоминаний об авторе, и 500 книжных обложек, и сведения о голливудских экранизациях... А хотите, чтобы у вас был электронный адрес типа vasya@philipKdick.com? Сайт предоставляет и такую возможность, причем совершенно бесплатно. Словом, заходите – не пожалеете.

www.rusf.ru



Дмитрий Ватолин

КАЖДОМУ ПО ПРЕМИИ

Премий в области фантастики всегда существовало немало, а в последнее время их количество только растет. Иногда смотришь на награжденные книги, и они тебе близки, а иногда думаешь: «Боже! Как их угораздило такому #$%#$% дать первое место?!» Как оценивать премии? Каким премиям верить? На какие ориентироваться при покупке книг? Это реальные практические вопросы.

На самом деле при анализе результатов премии, равно как и любого списка хитов или рейтинга, важно честно ответить всего на три вопроса:

1. Насколько премия массовая?

Дело в том, что если в голосовании принимают участие 100–200 человек, то достаточно легко проводится лоббирование за нужных людей. Это верно и для парламента, и для премии «Роскон», и для рейтингов в Интернете.

Например, известна история о том, как организаторам «Интерпресскона» пришлось изменять положение о премии, потому что отдельные писатели стали организовывать для своих читателей автобусы до пансионата, где проводилось голосование.

На «Росконе» поначалу достаточно спокойно относились к лоббированию. Более того, некоторые члены оргкомитета буквально агитировали за него («Это придаст конференции большую привлекательность, превратит ее в своеобразную игру!»). В результате в последний год го-

лосование превратилось в поединок между несколькими узкими группировками. Наблюдать за этим (особенно со стороны) действительно было интересно, но процесс стал, мягко скажем, существенно меньше зависеть от литературных достоинств книги. Как загнать сейчас джинна в бутылку и надо ли это делать – вопросы хорошие.

На другом конце по массовости находятся авторитарные премии. Самый известный пример – «Бронзовая Улитка» Бориса Стругацкого. Такого рода премии хороши тем, что они **абсолютно объективны**. Просто потому, что в полной мере отражают вкусы награждающего.

Вывод: невозможно правилами премии пресечь лоббирование, но массовость помогает с ним бороться.

2. Какая аудитория голосует?

Если ваши вкусы близки вкусам Бориса Стругацкого, то вам должны быть интересны книги, получившие «Бронзовую Улитку». Достаточно разборчивым людям, читающим много фантастики, часто нравятся первые три произведения в номинациях «Интерпресскона» (просто потому, что там голосует много таких же профессиональных читателей). А для тех, кто более ценит сюжет, кто хочет отдохнуть, прочитав книжку, больше подойдут не премии, а верхние строчки рейтингов продаж.

Я не зря говорю о верхних строчках. Иногда на первое место книга не попадает в силу «вздорных обстоятельств», случившихся с ней и с ее автором (например, произведение вышло перед самым голосованием, и его не все прочитали, или, наоборот, вещь ошибочно не включили в прошлом году, а в этом – успели благополучно забыть, о чем она была). В таких случаях стоит посмотреть расклад голосования, и если отрыв лидера небольшой, то прочитать первую тройку, а то и пятерку.

Вывод: для того чтобы понять, насколько какая-то премия «ваша», выясните, кто именно за нее голосует.

3. Какие факторы будут влиять на шансы номинантов?

Выше уже перечислялись примеры. Приведем более полный список:

a) Время выхода книги (давно – уже забыли, недавно – еще не читали).

b) Тираж книги (заметно влияет на премии, за которые голосует много людей).

c) Размер списка для голосования и положение книги в нем (список бывает столь велик, что люди раздают места, так и не дочитав его).

d) «Тусовочность» автора. Увы, на практике обаятельные писатели, часто встречающиеся с читателями и ездящие на коны, имеют гораздо больше шансов на премию. «Увы» – потому, что для человека, кото-



рый выбирает себе книжку почитать, «тусовочная» премия скорее помешает сделать правильный выбор, чем поможет.

е) Отношения автора с членами жюри. Если это профессиональная премия, то у писателя, который ссорится с коллегами, резко падают шансы на получение премии. С другой стороны, встречаются писатели, презирающие читателей, – у таких меньше шансов на массовую премию. И это безотносительно качества их книг.

f) История конкретной премии. Известно, что если автор в прошлом году получил какую-то премию, то в этом году вероятность получить ту же премию для него весьма невелика. Даже если новая книга на голову выше прошлогодней... Такая логика особенно справедлива для премий, присуждаемых небольшими жюри. Впрочем, если премию присуждает много людей, это тоже может вылиться в проблему. Например, Евгений Лукин получает «Интерпресскон» настолько регулярно, что начал уже стесняться этого обстоятельства.

Для массовых премий есть и более хитрые закономерности. Скажем, интерес к Бушкову заметно (процентов на 30) возрастал, когда по телевизору крутили рекламные ролики о его книгах.

Вывод: надо четко понимать, какие факторы влияют на премии, чтобы более адекватно оценивать результаты награждений.

Два года назад «Русская фантастика» организовала свою премию. Мы постарались избежать многих известных проблем. Узость начального списка у нас определяет номинационная комиссия премий «Бронзовая Улитка» и «Интерпресскон». Массовость обеспечивается за счет широкого привлечения посетителей «Русской фантастики» и «Библиотеки Мошкова». «Объективность» премии увеличена за счет голосования редакторов сервера (как правило, профессиональных читателей) во втором туре, а выбирают они из верхней тройки по результатам первого тура. Поскольку итоги общего голосования также помещаются в Сети, то можно ориентироваться как на вкусы большого числа голосовавших, так и на вкусы редакторов сервера.

Сегодня издательствами выпускается огромное количество книг. Ориентироваться в этом море непросто. И если у вас маловато читающих друзей, то хороший путь – результаты различных голосований и премий. Выбирайте! А мы поможем вам с информацией о премиях: **http://www.rusf.ru/awards/**

Искренне ваш,

главный редактор серверов сети «Русская фантастика»
Дмитрий Ватолин

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Василия Головачева,

Терри Пратчетта, Алекса Орлова,

Говарда Уолдропа

Подписные индексы журнала –

81935 (каталог «Роспечать»)

или 38429 (Объединенный каталог)

